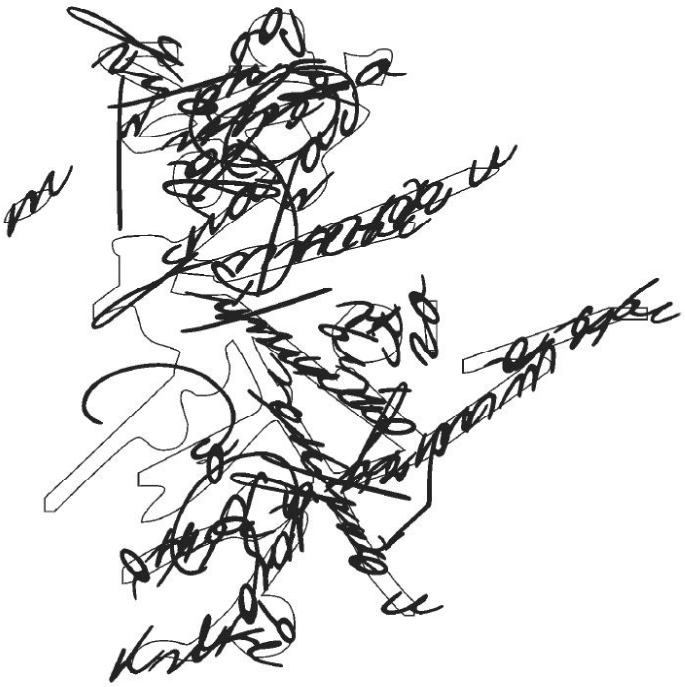
СЛОВА

Литературно-художественный журнал

№4



СОДЕРЖИМОЕ:

2.....Генандий Кацов
10.....Александр Гальпер
14.....Игорь Яркевич
22.....Эдуард Кулёмин
27.....Михаил Эпштейн
32.....Евгений Лесин
34.....Глеб Коломиец
40.....Потрот Уару
44.....Олег Разумовский
49.....Евгений Мякишев
51.....Андрей Шульгин
58.....Инна Кириллова
66.....Виталий Коваленков
68.....Валентин Алень
71.....Роман Миклашевич
73.....Владимир Королев
76.....Информация об авторах

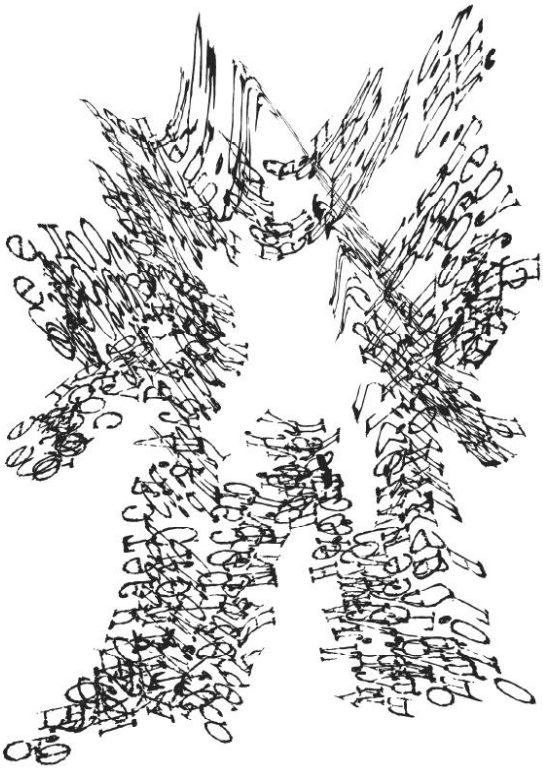
Редактор Инна Кирилова.
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координаторы:
Олег Разумовский, Эдуард Кулемин.

Веб-страница:
http://www.litsovet.ru/index.php/litob.journal?journal_id=234

Электронная почта:
amati6@rambler.ru
ardor@list.ru

Disclaimer:
Мнение автора и редакции могут не совпадать.
В текстах сохранены авторские орфография и пунктуация.
Все материалы опубликованы с согласия авторов

При оформлении обложки использованы работы Эдуарда Кулемина.



Геннадий Кацов

Арефа

Иллюстрации *Эдуарда Кулемина*

1.

«И грустно задавать себе вопросы "нужно ли жить дальше?", когда жить уже надоело, жить уже не хочется,» - думал о себе Арефа и такие прошедшие годы виделись куцые, такие бесцветные дни всей жизни вспоминались безлично, что вовсе невмоготу становилось за столько истраченных впустую дыхания и надежд.

- Есть ли где вообще человек, зверь или такой объем воздуха, который во всем мне напаскудил? - шептал Арефа, возводя глаза к пролетающей по небу птице - и подождал долго ответа, и опять не расслышал ответ.

Тополиная аллея вела к городскому кладбищу. Вокруг стоял июнь, по самый пояс утопая в тяжелом пуху, и ветер тонул жалобно в бледных кисельных берегах, не в силах оторвать ни единой пушинки, прикипевшей к раскаленному асфальту. - Тени, какие тени, - вглядывался Арефа в отпечатки тополиных крон и все ждал, о чем поведает это гибкое томление крапа, это пегое смещение крепа по пыльной, высветленной прозрачным солнцем дороге, но не понял ничего из сказанного тополем, и ничего не разобрал в яркой дрожи пылинок, с которыми вести беседу лишь вдоль протяжения луча.

- Что ж ты довел меня, сука, - закричал Арефа куда-то высоко, в привольно голубую глубину, - довел до того, что я сам теперь пришел умирать в могилу, а тебе, курва, так же сверху смехом веселиться да изголяться по-прежнему! Подохни за всех нас, гнида фашистская, - кричал Арефа, пуха не вороша последним своим страданием, - умойся моей кровью, раз тебе это в радость, - срывал с груди рубаху Арефа и яро крутил ее над головой. - Сам ухожу! Видишь, иду в могилу - и нет больше твоей воли, сопля небесная, нет в тебе силы мне мешать, козел ты рогатый! Я плюю на тебя, плюю в твою ряху потную - и не покаюсь, не побоюсь кары, потому как предатель ты нашего рода, если хоть когда-нибудь существуешь. А ведь существуешь? - сам себе потный, спросил в какой-то отчаянной надежде Арефа, но небо отозвалось лишь шуршанием муравья да сухой глины оползнем.

- Та-ак, - сухим смехом обрадовался Арефа и срочно заторопился к кладбищенским воротам.

2.

Давно не ходил на кладбище Арефа. Только кладбище изменилось очень.

Вдоль аккуратных аллей выстроились ухоженные надгробья, словно принявшие полуденный душ. Строгая эта праздничная геометрия утопала в жасминах, астрах, пионах, страусах, флоксах, удодах, магнолиях, розах, павлинах и павах. Над бассейнами с водой цвета небесного сапфира застыли плакучие ивы, и застыли желтоносные мирабели, сквозь прозрачную толщу воды любуясь хариусом, лещем, жерехом, золотистым окунем и мечтательным осетром. Туя и тис окружали кладбище вдоль ажурной его ограды - и голова шла кругом от обилия запахов и цвета: терпких, сладких, возбуждающих запахов и сочного всепроникающего цвета. Истинно, никакой музыки не требовалось здесь, в этом благом месте, где все было рождением музыки, ее молчаливой гармонией.

Арефа остановился у желтой обочины, не наблюдая никого человеческого рядом. Все могилы были заселены, а разукрашенные в яркие цвета надгробья карнавальным своим буйством требовали от Арефы всего, склоняли к чему-то чуждому, к радости, что ли, к веселью незамедлительно здесь, на кладбище, куда Арефа пришел найти могилу - и он опешил, не смея понять, к чему в его смерти все эти краски, и зачем их не было для Арефы никогда прежде. Арефа читал

длинные эпитафии, золотом впечатанные в топаз, малахит, лазурит и яхонт, в свежевыкрашенные охрой, былинным суриком и перламутром деревянные плиты, читал рукописные подписи скорби и горя, нанесенные дурашливой рукой, и не разумел очумелым своим мозгом где же он все-таки оказался.

3.

- Да-а, проговорилась тонкошеяя дрофа, важно шествуя по тропинке. Словно испорченным эхом в ответ, за спиной Арефы зазвучал короткий зевок. Обернувшись, никого близко Арефа не обнаружил.

- А ты не боись, Арефа, - поднялся из кустов жимолости малорослый мужичок, ладонью потирая заспанные глаза. Спустя время, со сладкой полуулыбкой он добавил, - пришел-таки.

Мужичок одернул длинную-предлинную перелатанную рубаху и основательно нагнулся к ведру с малярной кистью. И теперь лишь выбрался на тропу. Вид он имел неряшливый и неказистый. До чего ж ты неказистый, Арефа, заметил мужичок и, протянув короткую руку, представился:

- Филя.

- Папу твоего сторожил, - неожиданно высоким голосом проговорил Филя, - как и деда твоего, тоже Арефу, кстати. Теперь твоя очередь радовать Филю спокойствием с послушанием, - продолжал Филя, всматриваясь в лицо Арефе, словно запоминая черты его с первого раза и навсегда. - Хотя к чему Филе вас сторожить, когда с такого кладбища никуда бежать не захочешь.

- Ты смотри, - как бы призывая к Арефиной мудрости, сторож показал рукой в окрестные кущи. - Тут, Арефа, такой курорт, что Ялте делать нечего, Филя врать не будет. А возьми повыше - Сочи какой-нибудь - так и разговора нет: против кладбища такого калибра все мировые знаменитости, что там говорить - Цхалтубо с Херсоном - нули!, - все также на одной высокой ноте вещал Филя, но что-то неведомое затаилось в его взгляде, неузнаваемое и оттого пугающее, едва подумал со страхом Арефа, как сразу Филя склонился к Арефе, к самому уху Арефы приставил холодные губы и медленно, как молитву в литургии, заговорщически произнес, пропел щемящим душу шепотом: ПОЙДЕМ АРЕФА ЗДЕСЬ НЕДАЛЕКО.

4.

Шли они долго, хотя Солнце не садилось вовсе: как торчало в зените, с тем и осталось без интереса. По пути все чаще попадались павлины с распущенным хвостом цвета зеленого моря, выползали аллегатры-хищники на середину тропы или вепрь выбегал, ластясь к коленке спокойного Фили. А то еще бабочки летели в линию, будто кривляя ползучих под ними гадов - жирных боа, каверзных аспидов да ящерицу-медяницу. И еще: вместо тени тополя, запросто можно было наступить пятнистого налима, которых стаями кишели по краям дороги, среди мальков, пузырьков икры и нитей темно-лиловой хлорелы. Виньетками всякая жизнь бушевала у обочины.

- Это все покойники, не боись, - заметил Филя, путешествуя мимо.

И по-хозяйски осматривал надгробья, подкрашивая облупленные места и затемненные от сырости участки, правил линялые надписи, выставлял строго по отвесу деревянные кресты и покосившиеся оградки, то есть мастерской рукой отмерял пространство, в котором был полноправен и высокочтим.

- Так пришли ведь, - после долгого пути кивком показал Филя на квадратную поляну.

В дальнем углу стоял черного кирпича дом, на два окна и с покатой черепичной крышей.

Поляна была сплошь заселена собаками.

5.

Собаки сидели разномастные, от бланжевых через все оттенки до фиолетовых. Дышали они в такой тесноте, что поляна казалась свежевспаханным бугристым полем. Высунув языки, собаки встретили Филю музейным молчанием и лишь напряженно подрагивающие уши да сопение с кашлем выдавали в них чувствующих вообще что-либо.

- Всё тоже мертвецы, - сказал Филя, доставая из принесенного с собой ведра зеленоватые мясные куски.

- Сейчас их подкормим, дорогих Филиных собачек, - швырнул Филя вымоченное в краске мясо в самую собачью гущу. Хруст и чавканье раздались в ответ, но основная собачья масса хранила прежнее спокойствие.

- Вон там, видишь, - показал Филя пальцем куда-то в середину поляны, ближе к чернеющему дому, - там и есть твоя могилка. Сейчас только собачек покормим, раз они так хорошо Арефину могилку сторожили, - подбросил Филя очередную порцию мяса, - раз нас в полном сборе дождались, милый ты наш Арефа, - в голосе Фили слышались подобострастные нотки китайского мудреца, - дорогой ты наш Арефа, друг мой. Филин друг добрый.

6.

Арефа посмотрел на ближних к нему собак.

- Хорош, да? - спросил Филя, тут же пальцем подзывая альбиноса-сеттера с выпученным огненным глазом и клыками величиной с ненависть альбиноса ко всему живому. Собаки как-то сразу оживились.

- Вот, Эдуард, - показал в Арефину сторону Филя и сеттер добродушно затявкал, виляя выщипанным хвостом. Филя улыбнулся.

- Покажем Арефе как прыгаем, подбросил руку с кровавым куском Филя и зарычал, - взять!

Сеттер в мгновенье подпрыгнул, но не достал.

- Взять, Эдуард, мать твою, - опять поднял руку Филя и раздасадованный пес бросился на мясо, но рука резко ушла вверх, отчего сеттер лишь клацнул челюстью, разбрызгивая во все стороны слюну. Собачество словно обсуждало происходящее, такой шум стоял на поляне. Едва коснувшись земли, Эдуард "свечой" взмыл в воздух, вытягивая тощую шею, старательно вытягивая

лапы, но тут игриво настроенный Филя съездил по собачьей морде кулаком – и сеттер, проворачиваясь в суматошном сальто, отлетел от Фили метров эдак на семь, клыками дырявя комья горячего воздуха.

- Хорош, а! - восхитился Филя и тут же вытащил из собачьей стаи кривоногую дворнягу невозможного цвета.

- Вот на, - заиграл Филя жирным куском говядины перед носом дворняги, а кривоножка скалился в ответ и рвал мясо в клочья, дрожа от рабской покорности к императору-инквизитору Филе Великому.

- Давай, Мао, сучий потрох, - призывал Филя к прыжку и подбрасывал дохлятину, смеясь над потугами дворняги достать кусок в неприлично низком прыжке.

Именно в тот миг Арефа отвел глаза от происходящего и обнаружил, что все собаки с интересом следят за разыгранным спектаклем - и смеются в свою очередь, по-звериному щурясь. Беззвучный их смех, лукавые взгляды, довольное посапывание говорили о многом, только куда больше, чем можно было бы сказать словами.

- Вот так, голь китайская, - отдал Филя мясо, тяжело дыша после, очевидно, непривычной для себя активности.

- Сторожа - что надо, - проговорил Филя, уже почти успокоившись, и спросил:

- Сталина видел?

Арефа тщательно оглядел многоцветное собачество.

- В детстве я видел Сталина, - сказал Арефа и уверенно показал на лысую, зеленоватого оттенка гончую.

- Ой, смех, - оживился Филя, а псы с удовольствием залились кашляющим смехом.

Сквозь нарастающий шум Арефа с трудом разбирал Филины слова.

- Да ты что! - под общий хохот и гам слышалась Филина речь. - Это ж сука! Франция ихняя, Жанна Французская, а ему - Сталин!

И уже вовсе неприятно Филя икнул от изобилия безостановочного веселья. Псы, само собой, старались вовсю, так что оскорбительный лай раздавался отовсюду.

- Никакого Сталина не вижу, - обиделся Арефа - и сразу углядел Сталина: порфироносный бульдог, с резиновой повязкой на левом глазу, дрожал тугими ляжками, совокупляясь с крепышом-болонкой.

Поднявшись на задних лапах, Сталин интересно выступал из общего фона, оттого крепкая голова его, чудом не соскользнувшая в складки шеи, гляделась особо значительно.

- Как лезет, а! - любовался Филя самозабвенной парой. - Чего им жрать, когда такие скачки! И ведь смотри: он - кавказец, она - премьером в Альбионе, а чего интернационал делает! Уважаю интернационал, - задушевно продолжил Филя и от полноты чувств качнул головой.

Разбираясь в своих недавних ощущениях, Арефа смог прояснить для себя лишь одно: умирать не хотелось.

7.

- Помирать не охота?
- Не хочу.
- А ведь сам пришел...
- Было. . .
- Теперь придется. Хошь не хошь, а придется.
- Попозже.
- Это всем - попозже! Кому умирать, коли откладывать?! Мне ведь кого-то сторожить надо.
- Не без того.
- Тогда давай, иди. Собаки пропустят.
- А если собакой.
- Не, собакой нельзя.
- Умереть же!?
- Никак собакой нельзя. Тут, сам видел, имена какие! Даже цветом собаки не быть.

Опубликовано на сайте www.gkatsov.com

- Вот: цветом собаки, да?
- Не получится. Разве ж Эль Греко ты какой?
- Никакой.
- А в колер собаки цвет народа идет. Не, не быть!
- Да хоть. . .
- Тоже нет. Вона вокруг сколько собачьего дерьма - и все тоже уважаемые, рабочий люд по смерти. Разве что ты из?..
- Никакой.
- То-то! Дерьмом еще заслужи поди.
- Тогда как?
- Вот так: иди себе с миром. Поляна перед тобой.

8.

Вроде тише стало. Псы разбрелись, неведомо как уплотняясь по краям поляны. В самой же ее сердцевине была вырыта широкая могила. Из ее похотливой глубины тянуло гибелью.

- Иди, иди, - дружески махнул рукой Филя и Арефа ступил к могиле, тяжко пошел по свалявшейся траве, вдыхая запахи псины и мочи.

В каком-то удушающем трансе остановился у самого края могилы и неподвижным зрачком заглянул в зовущую собственную смерть. Собаки зевали рядом, только уже невозвратимо далеко. Глядя в клубящуюся под ним черноту, Арефа еще раз позавидовал собакам.

За кладбищенской оградой, неожиданно подступившей к самой поляне, послышались голоса.

- Ну же! - ободряюще прокричал Филя с периферии жизни.
- Нужен! - отозвались эхом голоса за оградой и все громче раздавались оттуда голоса, все большей собиралась толпа за оградой.
- Уже их очередь, Арефа, - с невообразимой высоты прокричал Филя и голоса отозвались воплями, в единый гул стекаясь у края алчной могилы.
- А ты сам? - понимая, что теперь хотел бы понять, проговорил Арефа.
- Ты сам есть ли? - пораженный бесценной догадкой, склонившись к самой пустоте, спросил вечный Арефа.

9.

- Умирай скорей - смерти нет, - тысячеголосый ропот пронесся над поляной. Оглянувшись, Арефа увидел сквозь прутья ограды собак, которые смеялись так заливисто, как только могут плакать и смеяться осипшие камни.
- Нет, нет, - визжал Филя, тенью отплясывая по стене черного дома - и "нет, нет" послушно отзывалось эхо, расшатывая веселящимся фальцетом стекла тонких оконных рам.
- Да-а, - сквозь многолюдье и Филин хохот Аре выдох черноты - и это было первое, что разобрал Арефа-счастливый, холодея навстречу всепроникающей истине.

Притяжение в зеркалах

Клан Рыжего Томаса расположился поперек опушки: сперва Старая Лиза, за ней Бобби, Мелодичный Майкл с умильно влюбленной Клаудией К., Липкий Кэлли, Берта, и так до самого Рыжего Томаса, который строго отдыхал, опустив голову на лапу. Все ждали возвращения Хромого Дика. Следы его на краю тропы давно запорошило снегом, сегодня снег падал полый и выбеленный досуха. Шерсть на животных клана покрылась вовсю белая пока Хромого Дика не было.

Рыжий Томас коротко зевнул, качнувшись с бока на бок. Это был первый звук сквозь тишину с самого утра. Тут же зевнул непоседа Бобби, выпуская пар из густо-красной глотки, и поерзал на месте молодым телом. Лет триста прожил Бобби в этом лесу и в свои годы не привык чересчур долго предаваться безделью. Он даже поскулил со скуки, не особенно раздвигая бешенные челюсти с дугами янтарно-спелых зубов, а Мелодичный Майкл подхватил вслед за Бобби, невнятно поддержал тяу-тяу-тяув, совсем по-щенячьи,

А ведь здоровый мужик, замолкая, подумал Бобби вне уважения к натуре Мелодичного Майкла; Майкл был крупнее Бобби, хотя и моложе лет на восемьдесят, но чувствительно выше, так что в три шага мог дойти от опушки до Сухого Озера, и когда он шел, пригибая верхушки деревьев, лес обмирал в услужливом волнении. Только злее был Бобби, притом никак не выше Майкла. И реагировал на посторонних быстрее Майкла, и видел лучше не только днем, но и ночью, но и днем, но и ночью видел зверей на глубине травы, или видел лисицу под собой между деревьев днем. Как ночью, когда видел не хуже Майкла, которому всего-то лет двести, а днем такое видит, какое совсем щенку лет в пятьдесят-семьдесят и видеть признаться стыдно, не говоря про ночью, поскольку ночью обязательный закон спать, а чтобы видеть, нельзя спать никак - только видеть, как видеть днем, чего Майкл никогда удачно не умел, хотя и был собакой огромной, почти как Рыжий Томас, но Рыжий Томас отлично видел и днем, и ночью, как Бобби, а Майкл что днем, что ночью видел без разбору плохо, как Бобби не видел, и потому редко годился Майкл для охоты, вообще мало для чего годился, я так себе думаю, разве что Клаудиа К. ему нравилась и он еще готов был годиться - что днем, что ночью, но куда ему до Бобби, хотя Бобби и ниже его днем, и совсем меньше

ночью. Ночью все меньше самих себя, но Бобби кажется, что он - особенно, и это не расстраивало грустью, так как Бобби себе цену знал, он себе представлял собственную цену, и вот он покупатель, и спрашивает «Сколько это будет стоить?» - какова цена Бобби, если Бобби-покупатель хочет узнать Бобби-цену? И тут он узнавал себе цену, на какую претендовать не решался Мелодичный-Увалень-Майкл, или там еще любой Майкл, которого может и не "'майкл" зовут, но главное - что не Бобби: КТО ДРУГОЙ, если не Бобби, такой цены не стоил! И даже когда снег опускается сплошь до отсутствия видения, тишина рядом, и Рыжий Томас велел собраться на опушке ждать Хромого Дика, даже тогда Бобби знает себе цену и цену Майклу, который против Бобби вообще за бесценок пойдет, поскольку против Майкла Бобби вообще цены нет. О чем Клаудиа К. представление имеет, поглядывая мельком в сторону Бобби; и еще неясно, чем такое кончится - такие взгляды и такой бездарный Майкл.

И если многое пока непонятно, то не так, чтобы непонятно, а потому что многое и предстоит вовремя разобраться.

А Бобби разберется быстрее Майкла, поскольку реагирует быстрее, и дальше видит, и реагирует быстрее видеть ночью и днем, и целый день, и всю ночь, и весь день, и "что, весь день она так срать будет?! - спохватилась женщина в розовом купальнике и заговорила от топчана к согражданам пляжа. – Она же заболела, а вы как не видите! У собаки живот, она уже весь пляж засрала, кругом пляж в говне, побегает, а потом спит, и снова срать бегает, а вы ничего не видите!" - в розовом говорит с одышкой, такой голос рядовой интеллигенции, почти мелодичный.

"В самом деле, - подключается справа блондинка с девочкой в полотенце после купания. - Кто-нибудь наступит, и дети играют все-таки. Вон прямо при подходе к воде лежит, а люди идут - и кто-нибудь обязательно наступит.

Все-таки, отдых для людей, а не собачьи туалеты," - блондинка закуривает и выдыхает все в дыму слова: "Как так можно!" Хозяйка при этом мягко гладит собаку по рыжеватой шерсти, сидит на песке глазами в воду и намеренно молчит. "Вы будто не слышите, - заводится крупный муж блондинки, - или уведите собаку, или вам..." "как вам нравится! - вступает "на повышенных" в розовом, - что за люди!" "еще делает вид, будто глухая, - накаляется блондинка, а хозяйка нагнулась к собачьему уху: "спи-спи", - и ухо дрогнуло вверх, напряглось под посторонним звуком, но это оказалось вздохом Старой Лизы и никаким не приходом Хромого Дика. Старая Лиза теперь совсем старая, лишний жест совершает с трудом, чаще шумно, и голову поворачивает громоздко, как башню покинутого временем танка. Хотя лет семьсот назад о Старой Лизе передавали удивительные истории: и как она одна угробила стадо Питонов, а самый крупный из них был выше столетней пихты, но не намного ниже Старой Лизы. Потом видели всех питонов неживыми, с перекрученными шеями и рваными следами от собачьих зубов и когтей. Или, как Старая Лиза была прекрасна, к ней сватался легендарный сам Великий Банги, а Лиза в ту пору виляла хвостом и все не давала ответа, пока не случилась эпическая война с собаками Каменного Ущелья, собаки клана победили, все объединились в один Клан, но Великий Банги погиб. А Старая Лиза сразу постарела. Только легенд прибавилось еще больше. Рассказывали как Старая Лиза могла ходить к Великому Банги спрашивать совета, чтобы затем передавать слова Рыжему Томасу; и как в полнолуние Старая Лиза приводит предков на Поляну, а предки не нам чета, они жили по тысяче лет и силу имели, равную исключительной их мудрости, - предки слушают голоса леса и говорят с собаками Клана, навещая их сны, и каждый вправе узнать о себе завтрашнюю новость, и спросить совета у Великого Банги, но тот, кто утром помнит ответ, становится пророком Клана и к вечеру ему предстоит стать жертвой, поскольку Клан Рыжего Томаса не должен иметь пророков. Таково завещание Великого Банги. Одной Старой Лизе дозволено знать, зачем не нужны пророки. Оттого Старая Лиза всегда молчит, беседуя наедине с Рыжим Томасом. И все молчат, когда Старая Лиза уводит Рыжего Томаса к беседе, даже бестактный Бобби садится молчать, поджав пушистый хвост, причем тучи мошкары его одолевают сразу (О, доля! вай-вай-вайя!), а Бобби ударить лапой не смеет, раз приходится беседа.. И Мелодичный Майкл глохнет скулить на весь лес, воображая всецело из себя Маэстро: возится в стороне ворошить муравейник, а то слизывать гнезда птиц с верхушек деревьев и вялый желток из птичьих яиц стекает по мохнатой морде Мелодичного Майкла, так что даже смешно представляется такое видеть, такое лучше не видеть, иначе будет смешно, и не дай-то бог грешным делом встревожить тогда тишину. Уже шумная Клаудиа К. - и та сплошь спокойна, пока Старая Лиза говорит Рыжему Томасу. Клаудиа К. совсем красива: стройная, с тугими ягодицами и рядом упругих сосочков, божественно-трогательных от передних гибких лапок до бесконечно-сладостной складочки пизды, и томный голос, и бледно-ангельская масть с розовой нежной кожей, вовсю призывной, цвета похотливого языка, который Клаудиа К. с удовольствием предлагает для поцелуя. Невероятной Клаудии К. в симпатию мудрость Рыжего Томаса, неуемная сила Бобби, придурковатость простецкая Хромого Дика и бестактный юмор Красавчика Лео, убитого Охотниками на Людей во время прошлой недели, собственно, из-за чего и весь сыр-бор, и Хромой Дик из-за чего к ним пошел, а теперь Клан не дождется его возвращения, но выбирает Клаудиа К. чаще Мелодичного Майкла, хотя никому не отказывает; а у Мелодичного Майкла - это же смешно, я так себе думаю, что выбирать-то у Мелодичного Майкла нечего, кроме его беспрестанных мелодий, в отличие от Бобби с таким отличным крупнокалиберным Бомбино, который шустро вскакивает, едва Клаудиа К. окажется рядом. Бобби вспоминал красивые рассказы о предках, влюбчивых друг в друга так страстно, что ночь любви длилась столетиями, а день отдыха занимал короткое время спуска к водопою; о Великом Банги и его кокетливых женах: нежные сучки с трогательными именами, в которых застыли ритмы тысячелетий - Тамити, Лория, Нуйга, Пао-Лоо, Бре-

Опубликовано на сайте www.gkatsov.com

на, Йярпа, Адата, Адифь, Рикафоло, Вума! Когда они успевали сотнями рожать героев клана (!), когда только и занимались, что ночь ебли сменяли днем ебли, отчего день прорастал в ночь мигом, а ночь становилась днем незаметно под призывные стоны разохотившихся самочек, под манящую их течку, и повизгивание, и неуемное желание кобелей с круглыми глазами и терпкой пеной у губ. И не было сильнее Клана ничего на тогдашней почве Земли, и в воздухе Земли, и в слоях воды Земли, а если приходились враги, то от победы к победе множился успех воинов Великого Банги, и слава полководцев Великого Банги, легендарных Кало, Райпа и Ренно-па. Что и кто могло стоять против гигантских собак, в совершенстве неуязвимых, достигших тысячелетий времени жизни?! Их различные голоса будили по утрам округу и если зверь шел против них врагом - зверь погибал кошмарно, но пока длилась битва не начиналось утро, потому как некому его было открывать собачьими голосами, а никто другой не решался, пока собакам было до битвы, а не до подавать рассветные голоса. И если дерево становилось врагом против Клана - уничтожалось дерево. Так не стало Мирового Дерева, в котором возраст задержал время и место которого на Земле начиналось с ее сердцевины.

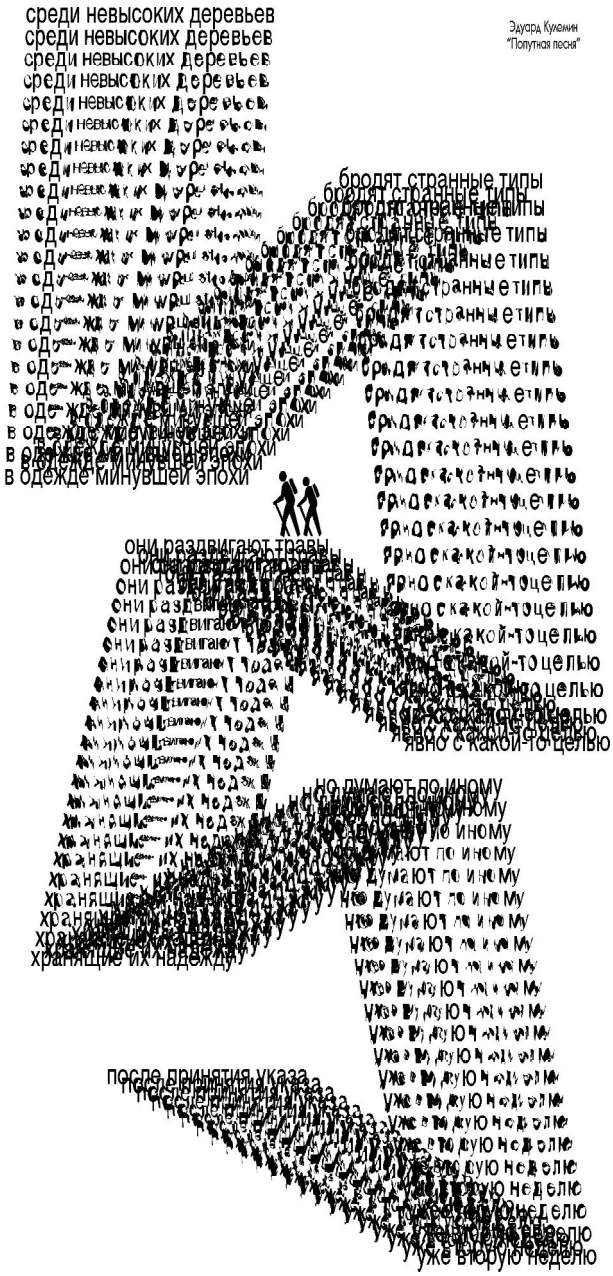
А Мировая Гора была союзником Клана - и так спаслись Камни Горы, и Травы Горы и ее Волки, пока Великий Банги создавал историю потомкам. И теперь потомки чтили предков, о которых знают такую Историю. Безысходно: и Бобби, и Хромой Дик, и все нынешнее племя Клана - не то, что Клан времен Великого Банги, но и сейчас нет Бобби равных в лесу по силе, по силам ему выйти против всякого, кто равен ему по силам, а кто ему по силе равен, когда нет равных по силе врагов у Бобби, и даже для Мелодичного Майкла не найти по силе врага, хотя куда там сравнивать силу Майкла с силой Бобби, который просто бессилие перед силой Бобби, просто потому, что перед силой Бобби нет сильнее силы ни у кого, ведь только представить, кем были предки Бобби, если Бобби сегодня их силе завидует! Таких богатырей-предков не было ни у кого, оттого и потомки их стоят предков, а значит некого Бобби бояться, и Охотников на Людей не надо бояться, поскольку людей Бобби убивает быстрей и чаще, хотя Охотники тоже не из слабых, но они убивают только людей, оттого и пасти их меньше злобны, и клыки малоострые, раз не охотятся на деревья, как собаки Клана, на каменные глыбы, которые тому же Бобби раскусить ничего не значит, а, напротив, в удовольствие расщепить глыбу кварца, голову мрамора, к примеру, или гранита. И так чавкать на весь лес угловатым камнем, который слоится под зубами, и крошится вокруг языка, пока глотаешь куском - прежде деревья, и кустарники, и животных с камня, а потом и саму горную породу, мало-мальски съедобную, обильно смачивая вязкой слюной для вонючего глотка, и если птице какой повезет выскочить-вылететь, пока сомкнутся челюсти, пережевывая, то и бог с ней, с птицей, которая, едва ускользнет от зуба, потом разлетается полетом в желудке Бобби, простукивая головой изнутри глухие стенки. А камень и выходит легче, мягко так вытекает

рыжеватой жижей с крапинками блеклого крошева, покидает всей жиденькой слизью без напряга, легкими толчками выползает пахуче под удивительный оттенок, под цвета солнечного оттенка цвет, "под себя теперь срет, - кричит женщина в розовом, и следила непрерывно, и уже счастлива наблюдениями. - Все бегала-бегала, а теперь под себя срать начала! Она теперь вся в говне, - кричит в розовом, - её лечить надо, а не на пляже других заражать" "как так можно, - докуривает блондинка с чувством и мнет девочку, всю еще в полотенце перед купанием, - я в санэпидстанцию пойду, если сами не понимаете! Когда штраф заплатите, тогда сразу..." "что сразу?" - спрашивает хозяйка, только не оборачивается, "хамка какая, - фыркает блондинка, - вот хамка-то, а!? Как же так можно" "что можно?" - спрашивает хозяйка, а в розовом: "ты смотри на нее! Она еще..." "бывают же", - шипит крупный муж блондинки, "кто бывают?" - как в воздух спрашивает хозяйка и гладит собаку в щель между ушей, отчего собака будто успокаивается, и только отовсюду невнятные звуки, все словно в замешательстве не знают, о чем еще говорить, если сказать еще надо бы, как вдруг: "ва-а-а!" - подскакивает на месте блондинка и вопит что есть силы: "ой, мамочка!", пока ее ребенок подымает сардельку ржавого подсохшего говна и размазывает его по груди и ладоням. "Ты что, совсем, - орет в ребенка блондинка, а розовая зашлась до упора, кричит что есть мочи: "Это срань, девочка, брось эту срань! - кричит в розовом. - Она тут весь пляж обосрала, уже все в говне, уже дети в говне и детям играть негде, а она

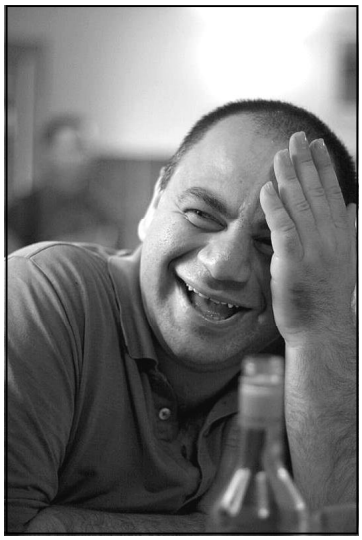
пердит под себя, а потом срет на всех, и уже все дети обосраны, а у этой все лезет из жопы и лезет, вон сколько говна везде, и вон там говна еще скоко, и вон везде говно" "где везде говно?" - оборачивается спрашивать хозяйка. "Вера! - орет блондинка в полной невменяемости, - убери его из рук, это же испражнение говна, как ты не понимаешь, ты же взрослая, ты же девочка!" - а Вера бегает от мамы со светлыми ручками и высовывает язык. "Не лижи говно, Вера, - надрывается блондинка, - о, Господи!", а муж: "вы понимаете, - трясет муж блондинки перед хозяйкой пальцем, - ей сейчас кто-нибудь голову свернет, если не уведете, вы понимаете" "что понимать-то, что понимать?" – кричит спрашивать хозяйка, а та в розовом: "ой, умру я сейчас с этого говна, умираю", а здоровенный муж: "животное не виновато, если вы дура такая и сама засранка, а собаке голову скрутят, ей голову кто-нибудь скрутит, а потом вы отвечать будете, когда..." "негодяй, - рыдает хозяйка под общую истерику, - фашист", "ну, говнючка какая, - ненавидит на топчане в розовом,- всех обосрала, весь пляж в говне, а собаку не уведет! Мужчины, что же вы, мужчины, ей..." "раз не понимаешь", - делает с угрозой шаг вперед муж и размахивает руками. "Только тронь," - подымается с песка хозяйка, а муж разворачивается одеваться идти к телефонной будке. "Вот пусть милицию вызовем, вот сейчас" "и правильно, милицию," - поддерживает в розовом. Все как бы довольны, пока муж уходит звонить, а блондинка в воде чистит Веру и все замерло негодовать на время, успокоилось в самых общих чертах, даже снег остановился падать. Как завис в воздухе - будто растворился в мраморе. Рыжий Томас смотрел теперь в одну точку, перед собой влево, к кустарникам орешника; так же наблюдала и Старая Лиза, разом подобрав передние лапы. Всех ближе к орешнику разлеглась Клаудиа К., но она и ухом не повела на посторонний звук, осторожный такой щелчок в глубине за орешником, где двигался некто, пригибаясь, боясь выглянуть за верхушки деревьев, а вблизи опушки стояли тысячелетние деревья, и выше их ростом могли существовать только собаки Клана или Охотники на Людей или подходил Хромой Дик (а пора бы ему возвращаться, поскольку для переговоров о мире и союзе так ли много недостаточно времени), или Охотники на Людей подбирались осторожно, как крадучись они подбирались в тот раз убивать Красавчика Лео, который не мог знать от Охотников на Людей угрозы, потому что тогда они не только Охотники на Людей вовсе. "А что им мало,- думал Красавчик Лео, отбиваясь от пятерых Охотников сразу,- что не хватает, если столько еще людей и они всем угрожают, и нам смело надо договориться, - сбил с лап могучим ударом Лео двоих охотников парой, - нам-то незачем ненавидеть, нам объединиться против людей быть вместе," - а сзади впился хитрый один из Охотников в холку, и давил Лео к земле, давил, хрипя на весь лес и обливаясь кровью Красавчика Лео, и захлебывался в этой крови, кровью измазав свою рыжую шерсть, пока трое расправлялись с Лео впереди: тот, каштановый, стальными челюстями охватил нос Лео и продавил клыками нежную переносицу, и смял обе ноздри клыками, чтобы тот, с рваным боком и тот, психованный, подбирались к горлу Лео; и все рычали хищно, перекликаясь с плачем раненного Охотника, которого Лео сбил первым ударом, а раненный Охотник жалобно теперь угасал возле, вытягивая к смертельной битве перебитый хребет, и плакал, как плачут щенки. Так и нашли собаки Клана труп Лео и обезжизненного Охотника, а другой Охотник, безумно удержавший Лео сзади, задохнулся в густой шерсти Красавчика Лео и рыжим пятном сбоку висел, сцепив челюсти, с вывернутыми в воздух задними лапами, и от него уже разило трупом на весь лес, он сразу как-то начал гнить, а Лео и второй другой не воняли чуть-чуть, и не дышали, как это бывает у живых, отчего Старой Лизе тогда показалось, будто Красавчик Лео еще жив. И тишина тогда была такая, как сегодня, и только хруст сейчас напомнил, какая тогда была такая же тишина. Старая Лиза переглянулась с Рыжим Томасом, но отвела глаза, чтобы не заметил никто, как они переглянулись, их взгляды могли не заметить Мелодичный Майкл, Липкий Кэлли и даже любыпытная Нора Маленькая, только не Бобби, который расслышал хруст за орешником сразу и следил за всем сразу внимательно. Бобби все верил в случай, когда враг подкрадется к Клану, или не к Клану, а достаточно одной Клаудии К., к которой враг подкрадется опытный и хитрый, как люди, а людей Бобби всегда с охотой уничтожал. И любил хвастать перед Охотниками на Людей, скольких он убивал людей сразу и как безлюдно становилось на месте битвы, но враг подкрадывается, высматривая изнутри орешника собак Клана, люди несут на себе толстые копья, и полые трубки выдувать отравленные стрелы, и острые камни несут люди убивать кого угодно, поскольку всех люди ненавидят, и все людей ненавидят, лишь побеждать их могут собаки Клана да Охотники на Людей, а если им объединиться, то от людей вообще никого не останется, ни одного не останется, если собакам Клана и Охотникам на Людей объединиться, а враг подкрадывается со стороны орешника, и тут Бобби, срывая кусты и деревья с корней, выскакивает перед врагом, сбивает их на землю, сминает вместе с копьями, и стрелами, и камнями, и треск людских костей вперемешку с треском дерева и камней, пока зубы перемалывают бесчисленного врага, пока кровь истекает на снег, сбивая его в алые хлопья, а запах крови такой густой и сытный, такой сытный и пьянящий, такой манящий и весенний. Но Клаудиа К. и так все поймет, она любуется победителем-Бобби и видит поверженных его врагов, она плавно подходит к Бобби алым языком зализывать его раны, - и в такой миг Бобби знает, что Клаудиа К. простила ему тот раз, единственный тот раз, который никак не может ему забыть, а ведь Бобби не виноват ни в чем и кто знал, что Клаудиа К. поползет к той пещере, если она покинула Клан и не появлялась больше полугода, а Бобби не знал, что она беременна, и никто не знал, может, даже Майкл не знал, кото-

Опубликовано на сайте www.gkatsov.com

рому все все равно, а Клаудиа К. была на сносях и уползла рожать, но Бобби вовсе не к ней шел, вовсе не знал, куда она исчезла и почему, и все давно думали, что она утонула в Сухом Озере, а ничего подобного не было и Бобби однажды отправился к пещерам, еще около них кусты с черными мелкими ягодами, Бобби стоял у входа в одну из пещер, радовался, какие ягоды сочные, и тут увидел, как ползет Клаудиа К. к пещере, как она дышит с натугой услыхал сразу, но сразу ее не узнал, так раздалась Клаудиа К. всем телом, а лицо словно опухло болезнью (разве беременность - это не болезнь?) и шерсть от губ свалялась отвратительно, в глазах одно безразличное страдание, и ползла Клаудиа К. к пещере на израненном порезами брюхе, сонно подтягивала к брюху задние лапы, и стонала сипло, сдвинув живот с зародышем вбок, и бледная шерсть у взбухших напряженных сосков, "оу-у" издавала звуки Клаудиа К., - и тут она высмотрела Бобби, ничего другого не видела кругом, кроме Бобби, и видела Бобби, понимая СРАЗУ, КАКОЙ он видит Клаудию К., лучше бы он ее не видел, или видел ночью, а все случилось днем, когда днем все, что видишь - это видишь сразу, нельзя после говорить о темноте, как бывает, если видеть ночью, а днем все понимают, что если чего-то не нужно видеть - лучше видеть ночью, но был день, и лучше бы Бобби видел хуже Мелодичного Майкла, который видит хуже Бобби что днем, что ночью (возможно, за это-то Клаудиа К. и любит Мелодичного Майкла), но Бобби видел ее всю, волочащую бесформенное брюхо по камням и колючкам пыльной тропы, и это было днем, так что никогда после Клаудиа К. не простила Бобби, так что только победа над врагом могла что-нибудь изменить в Клаудии К., или если Бобби удалось бы спасти ей жизнь, что когда-то должно случиться - и вот звук из-за орешника только бы подвел итог мучительной для Бобби истории с Клаудией К., а ветка подала голос еще раз и Бобби теперь резко поднялся на лапы, оскалил пасть и замер, но Рыжий Томас молчал, "вот оно, битва !"- поднял пушистый хвост Бобби, оглядываясь на Клаудию К. Больше не слышно оказалось ни хруста, все падал невольный снег - и Бобби прекратил дыхание, чтобы не мешать себе слышать, когда темный круглый предмет взлетел над деревьями, завертелся в воздухе над опушкой, купаясь одиноко в зернистом высоком снегу, и сверху кубарем, тяжело рухнул перед Рыжим Томасом, подняв тучу серой пыли, жирной в мягком воздухе и скользкой поперек желтого луча, а песок уходил кругами от головы Хромого Дика, как бы вместо воды толстыми кольцами перекатывал к вздрогнувшему от удара лесу, пока собаки Клана полукругом обступили голову Хромого Дика, срезанную от тела острыми резцами Охотников на Людей, или оторванную от тела острыми клыками Охотников на Людей. Кровь вытекала из шеи аккуратным ручейком и застывала в песке вдавленной лиловой чеканкой. Медно-серые губы головы Хромого Дика были крепко сжаты, будто он не желал кричать от боли, и едва улыбались дурашливо, как только и умел улыбаться Хромой Дик, а глаза головы Хромого Дика смотрели так, как только бывает взгляд навстречу зеркалу - когда в собственном лице видишь все чужое: и морщины страха, и жуткие глаза зверя, который тотчас вырвется из твоей кожи, а пока зрачки распахнул в глубине твоих глаз. И все предметы вокруг - чужое, и приметы - чужое, и само зеркало обретает свойство бумаги, съеживается под мгновениями взгляда, словно внутри огня, а в огненных зрачках пробуждается уродец с одинаковой головой многих людей и блеклые люди сгорают, становясь неизвестным отвесным снегом, падающим временем белого-белого света, в котором уже ничего от тебя, в котором все, кем ты есть - только отражение и столько еще предстоит, пока глаза глядят не моргая. Такой был взгляд у головы Хромого Дика, как я себе думаю.



Александр Гальпер



Марсиане
ночью меня взяли в плен
жестокие марсиане.
пытали до утра
желаю выяснить
когда открывается
ликеро-водочный.

Иллюстрации *Ивана Горшкова*

На смерть туркменбаши
родной Туркменистан,
безграничны твои хлопковые поля.
в недрах прячутся миллионы кубометров газа.
настало, настало время перемен!
умер, умер тиран!
наконец-то мы сможем избрать президентом
чернокожего карлика-еврея
нетрадиционной сексуальной ориентации.

Russian Hills
это было под звездным небом Сан-Франциско
на Рашен Хилс откуда можно целовать в губы Луну
дома мексиканского художника
верящего что Сталин инопланетянин

когда все гости побежали на чердак
смотреть в телескоп светило
откуда родом доблестный генералисимус
в осиротевшем дворике
у мерцающих угольков гриля
остались лежать в доску пьяный русский поэт и
обкуренная огромная чернокожая перфомансистка

и когда босый пиит задрожал от холода
она сняла с себя носки и натянула ему на ноги
взяла уголек из костра голой рукой
дико расхохоталась и бросила назад
затем закинула заморское чудо на плечо и
понесла в дальнюю спальню
с самыми низменными целями.
и чудо плакало и кричало провожающим звездам:
"хочу на Землю!
я с той же планеты что и Сталин!
высадите меня у метро "Цветной Бульвар!"

Тело
она позвонила в морг
и, рыдая, спросила,
не поступало ли им тело Гальпера
а тело Гальпера сидело в
узбекском ресторане
пожирало манты
хлебало водку
и не слышало
телефона.

Поэзия, байкеры и сатанисты
три часа ночи.
возвращаюсь по кольцевой
с благотворительного вечера
«сатанисты и байкеры – детям неблагополучных семей»
не в каждом дорогом ресторане
так умеют готовить мясо.
сколько слопал?
пива выхлебал бочку!
засыпаю на ходу.
только бы не заехать на встречную.
кто мои друзья?
кто мои враги?
почему я так объелся?
я же дал клятву после 6-ти не кушать.
куда эмигрировать дальше?
Россию? Украину? Израиль? Луну?
Простым байкером не понравилось моё произношение
Пытался объяснить что это переводы
но они не подозревают
что существуют
другие языки кроме английского.
как доказать?
какой язык улучшать?
английский? русский? украинский?
выучить иврит?
где сатанисты взяли такое сочное мясо?
где дети которым собирают деньги?
может мы их ели?
кто байкеров научил делать такой замечательный водочный соус?

от монотонности трассы
закрываются глаза.
не спать!
выходят на сцену люди в шлемах,
в татуировках с ног до головы
декламируют:
«есть старые байкеры,
есть храбрые байкеры
но нет старых и храбрых байкеров!»
что я делаю?
среди этих толстых бородачей в хрустящей коже?
сатанисты разрисованные как индейцы твердят
про психушки, самоубийства, и милого Сатану
и как здорово,
что можно не бояться Смерти,
после Смерти.

затем дети из неблагополучных семей
читают полный бред

но почему эти мальчики такие симпатичные
и так на сцене виляют попками?
почему у девочек такие короткие юбки?
почему суровые байкеры и
злые сатанисты так расцвели в улыбке?

будят гудки
машину окружила стайка байкеров-поэтов
черт!
я на встречной!
они спасли мне жизнь!
назад в свою полосу!
машу им благодарно в ответ
почётный эскорт сопровождает
любимого кулинарного поэта
прямо к дому
надеюсь что вы доживёте до моих тридцати шести.
захожу в парадное
и если мне не снится и я еще не разбился
и не боюсь Смерти после Смерти
то вижу
как на задних сиденьях Харлей-Давидзон
обхватив толстых байкеров
развиваются кудри плодов любви
из неблагополучных семей.

Меньше секунды
машина впереди резко встала
всегда держу дистанцию
остановился перед ней как вкопанный
интуитивно в салонное зеркало
джип приближается с огромной скоростью
водитель треплется по телефону
сейчас он обнаружит,
что я стал
но будет уже поздно.
он толкнет меня со всей силы
протащит вперед
я разобью свой передок
поцеловав переднюю машину
уже ничего нельзя сделать
сработают ли подушки?
откидываю голову на спинку сиденья
оставалось меньше секунды.

Жена Которая Всегда С Тобой
Помогал перевозить друга-скульптора которого жена выгнала за алкоголизм. Самой тяжелой частью багажа была огромная и выбитая из камня голова жены. Ее просто невозможно было поднять. Я умолял оставить этот шедевр оригиналу. Но он кричал, что до сих пор любит свою ненаглядную и ему нужно рядом иметь ее лицо. Иначе он просто умрет от одиночества. Ну просто вопрос Жизни и Смерти. Вообщем намучились пока засунули ее на заднее сиденье. Во время езды голова которая в два если не в три раза больше оригинала каталась по заднему сидению и больно била его по спине. После очередного раза он повернулся назад, схватил ее двумя руками за шею и закричал, что если она будет драться то он к ней никогда не вернется как бы она не просила.

* * *
вот и прошла многообещающая жизнь
Александра Гальпера
он ел много мяса
пытался перейти на овощи
закуривал после третьей рюмки
бегал за каждой юбкой
выучился черт знает на что
и потом работал хрен знает кем.

Игорь Яркевич

Москва, москвичи и любовь

В качестве иллюстраций использованы фрагменты работ *Карло Бугли* (Италия)

Москва – вполне удобный персонаж для прозы. Но в жанре non-fiction писать о Москве сложно. Этот жанр все-таки требует точных определений, а Москва уходит от любого определения, как уходит от него русская душа. Если Москва в чем-то и совпадает с русской душой, то только в том, что обе они неопределимы навсегда.

С москвичами как раз все наоборот. О них удобно писать статьи, но совсем неудобно писать беллетристику. Москвичи не подходят для беллетристики, как зимняя обувь для лета. Москвичи настолько однообразны, что написать о них что-либо беллетристическое нереально.

Поэтому Москву и москвичей не любят. А когда говорят, что любят, то врут. В том числе врут и самые достойные люди – например, Лермонтов. Лермонтов явно врал, когда написал, что он любит Москву как сын. Не любил он Москву как сын. Никаких убедительных доказательств любви Лермонтова к Москве как к матери нет. Москву в принципе любить невозможно, и тем более невозможно ее любить как сыну. Москву можно презирать или ненавидеть. Москвы можно бояться. К Москве можно относиться равнодушно. Но любить Москву нельзя. Это невозможно. Это противоестественно. Самые слабые стихи русских поэтов – о любви к Москве. Самая унылая проза русских писателей тоже о любви к Москве. Поэтому Москвы нет в русской литературе, несмотря на то что практически вся русская литература создавалась именно в Москве.

Москва ущербна во всех направлениях. Московские цены сошли с ума. Московские пробки растянулись на года. Московские рестораны созданы для людей с полным отсутствием обоняния. Московские театры консервативнее самого консервативного консерватора. Московские шутки – самые плоские. Московское дерьмо – самое вонючее. Московские туалеты – шаг назад по сравнению с выгребной ямой. Московские вокзалы придумали садисты. Московские ночные клубы – апофеоз тоски и скуки. Дружба по-московски – открытый вампиризм. Любовь по-московски – тоже вампиризм. Зимой в Москве замерзают даже медведи. Весной в Москве невозможно не простудиться. Летом в Москве невозможно не сойти с ума от жары. Осенью в Москве невозможно не сойти с ума от того, что скоро зима. Московские женщины – самые некрасивые. Московские мужчины еще хуже московских женщин. У московских детей голова набита соломой. Московское солнце – солнце идиотов. Московская луна – единственное светлое место в Москве. Луна в Москве – главное достоинство Москвы. Особенно когда ее практически не видно – тогда не видно и Москвы. Но московскую грязь видно всегда. В Москве грязно все, и даже окна; московские окна – самые грязные из окон мира. Иногда начинаешь думать, что Бог специально создал Москву как музей – музей недостатков жизни.

Москвичи еще более отвратительны, чем Москва. Москвичи – черное пятно на этнографической карте мира. У москвичей плохие зубы. Москвичи низкого роста или, наоборот, высокого. Среди москвичей практически нет людей нормального среднего роста. Москвичи без всякого повода то плачут, то смеются. У москвичей есть скверная привычка ходить с открытым ртом и громко зевать. Москвичи плохо танцуют; у москвичей полное отсутствие чувства ритма. Москвичи много курят, много пьют и совсем уже неприлично много едят – поэтому многие москвичи неприлично толстые. Москвичи плохо моют руки перед едой – поэтому к рукам москвичей постоянно липнет всякая зараза. С москвичами невозможен диалог – у москвичей скверная дикция и слишком много каши во рту. В жилах москвичей течет рыбья кровь; москвичи вздрагивают от малейшего шороха. С москвичами ни в коем случае нельзя идти в разведку. С москвичами лучше вообще никуда не идти; всегда лучше идти в другую сторону, чем мо-

сквичи. У москвичей из носа и души постоянно текут сопли. В своих профессиях москвичи тоже выглядят жутковато. Московские повара не умеют готовить. Московские продавцы – генетические хамы. Московские носильщики не хотят ничего нести. Московские врачи думают только о чем-то своем. Московские проститутки ничего не понимают в сексе. Московские журналисты – в журналистике. Московские искусствоведы – в искусстве. Московские кинорежиссеры отодвинули развитие кино на много лет назад. Московские писатели пишут хуже всех других писателей. Московские коммунисты после конца советской власти не дали снести ни один памятник Ленину. Московские демократы только называются демократами, а сами о демократии ничего и знать не хотят. Московские дуры – самые непробиваемые. Московские дураки – самые непотопляемые. Московские голуби страдают хроническим поносом. Московские собаки – мизантропы. Московские кошки – дуры. Бегемот в московском зоопарке – лентяй, позер и обжора.

Самый яркий след в Москве оставляют мерзавцы. Есть Москва Ивана Грозного. Москва Ленина. Москва Сталина. Москва Берии. Москва Брежнева. Москва Андропова. Москва солнцевской преступной группировки. Москва битцевского маньяка. Москва любит именно таких. Остальные персонажи русской жизни, так или иначе связанные с Москвой, на Москву влияния не оказали. Лучший архитектор Москвы – Наполеон. Но у него не оказалось последователей.

Успехи Петра Первого связаны с созданием новой столицы; в Москве Петр Первый был бы обречен. Пушкин и Достоевский тоже предпочитали не иметь дела с Москвой. В Москве Пушкина застрелили бы еще раньше, чем в Петербурге. Достоевский в Москве не смог бы писать. Из Достоевского Москва сделали бы идиота раньше, чем он написал «Идиота».

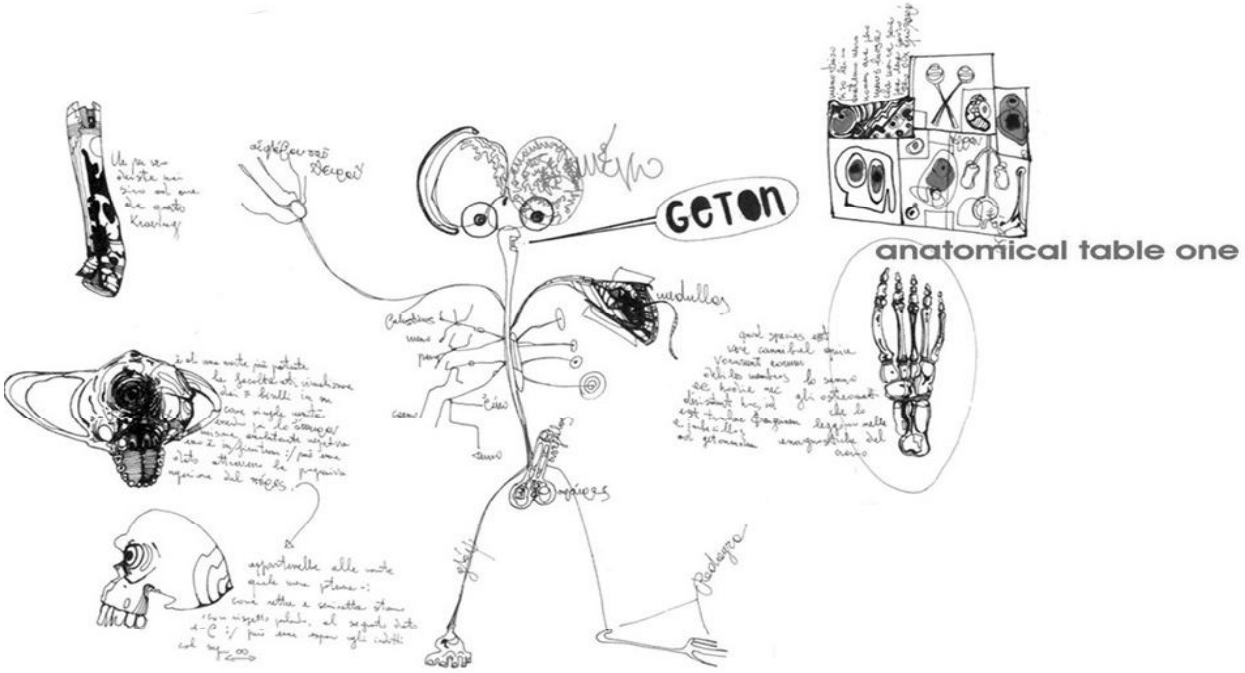
Все попытки москвичей заставить полюбить себя и Москву обречены на провал. Но москвичи тоскуют о любви и пускаются на разные хитрости, чтобы их любили. Москвичи пытаются апеллировать к тем, кто все-таки может их полюбить. Москвичи специально ищут по всей России тех, кто еще ничего не знает о Москве и москвичах, и рассказывают им сказки о том, какой, понимаете, хороший город Москва и какие, значит, прекрасные люди москвичи. Москвичи сами слагают о себе трогательные песни и легенды – и, разумеется, этим раздражают еще больше. И, разумеется, еще больше раздражает Москва. Раздражение – наверное, самое главное отличие Москвы от всех других мест на земном шаре. Раздражение – фирменный знак Москвы. Раздражение должно быть на гербе Москвы. А может быть, оно и так уже есть на гербе Москвы. Змей на гербе Москвы – это сама Москва. А Георгий Победоносец – раздражение от Москвы, которое не выдержало Москвы и вступило с ней в схватку.

Москва раздражает в целом и по частям. Раздражают Кремль, Тверская, Охотный Ряд, Садовое кольцо, Москва-река, Замоскворечье, микрорайоны, транспортные развязки, офисы, магазины, бульвары и лесопарки. Не раздражает только метро. Метро, конечно, тоже раздражает, но там по крайней мере не видно всей остальной Москвы и она уже не так раздражает. Но потом выходишь из метро – и все в Москве снова начинает раздражать. Особенно раздражают уголки Москвы, воспетые Окуджавой, – Арбат, Волхонка и Покровские ворота. Впрочем, они раздражают не больше, чем все остальное в Москве.

Москва раздражает, как раздражает дебил. Дебил раздражает, как Москва.

Русофобам полезно побывать в Москве; после Москвы начинаешь любить всё – даже Россию.

Москву люблю только я. Но москвичей не люблю даже я.



Попробуем прожить год без нашего Всего

Над Россией тяжело. Над Россией летает дух русских писателей. Поэтому и тяжело. Раньше было тяжелее: раньше дух летал активнее. Но и сейчас он все еще летает и поэтому все равно тяжело.

Мы живем в стране недоделанных культурных революций. Их уже было достаточно. И каждая культурная революция оставляет после себя только вопросы. Она дает такие сомнительные результаты, которые требуют немедленного продолжения культурной революции. Сбрасывание Пушкина с парохода современности – необходимое условие любой русской культурной практики, более или менее соотносящей себя с современностью. Без ультиматума «Сбросить Пушкина» русская культурная революция может считаться несостоявшейся.

Пушкин устоял. Все русские пароходы современности так его и не сбросили. Пароходы современности так и не смогли расстаться с Пушкиным. Пароходы пощадили Пушкина, но Пушкин не пощадил пароходы. Пароходы потонули под тяжестью Пушкина. Пушкин потопил модернизм, авангардизм и соцреализм. Постмодернизм Пушкин потопил тоже. И не потому, что Пушкин имел что-то конкретно против постмодернизма. Пушкин, наверное, все-таки за постмодернизм. Пушкин потопил пароход постмодернизма больше на всякий случай или просто по привычке. Если топить – то топить все без исключения. В том числе и постмодернизм.

Пароходы современности во многом виноваты сами. Пароходы современности так и не определили – что же они в конце концов хотят сбросить? Пушкина они сбросить не хотели. Пароходы современности – не звери. Пароходы современности хотели сбросить памятник Пушкину.

В общем, памятник Пушкину оказался сильнее любого парохода.

Почему-то Пушкина не хочется поздравлять с этой победой. Пушкина почему-то жалко. Пушкина уже давно пора освободить от памятника Пушкину.

Россия уже привыкла к этому памятнику. И он к России привык. Памятник довольно унылый. Но в России много унылого; одной унылостью больше или одной меньше – роли не играет. А памятник как-никак вписан в городской ландшафт. К нему не только привыкли; его успели полюбить. Его любят голуби, туристы и наркоманы. Его любят дети и политические экстремисты. Они уже не представляют себя без этого памятника. Но все равно Пушкина жалко.

Кто только не сочувствовал Пушкину по поводу этого замечательного памятника! Сочувствовали Пушкину и русские писатели. Даже такие радикальные писатели, как Достоевский.

Достоевский на открытии памятника Пушкину даже сказал: «Смирись, гордый человек!» Его неправильно поняли. Его поняли так, что он сказал это про человека вообще. Про Человека с большой буквы. Или про кого-то из своих персонажей. Может быть, про кого-то из пушкинских персонажей. Или про кого-то из современных ему русских писателей – например, про Тургенева. На самом деле Достоевский предложил смириться не человеку вообще, и не персонажу литературы, и даже не Тургеневу, а скульптору Опекушину, автору памятника Пушкину. Достоевский, как человек деликатный, просто не хотел называть этого гордого человека по имени при всех.

С тех пор скульпторы не любят Достоевского.

В итоге Достоевского постигла судьба Пушкина. Достоевскому тоже поставили в Москве памятник. Памятник Достоевскому такой же унылый, как и памятник Пушкину; со скульпторами ссориться опасно.

Сложнее всего деятелям русской культуры. На них памятник Пушкину произвел неизгладимое впечатление навсегда. С тех пор они все похожи на этот памятник. На Пушкина они не похожи. Но на памятник Пушкину похожи. Когда видишь вокруг много деятелей русской культуры, то такое впечатление, что видишь много памятников Пушкину в миниатюре. Поэтому с деятелями русской культуры очень трудно разговаривать. Разговаривать с ними так же невозможно, как с памятником. Деятель русской культуры уважает слово «зрелость». Что он имеет в виду под этим словом – понять сложно, но по смыслу очень похоже на импотенцию. Импотенция – болезнь заразная, и поэтому с деятелями русской культуры лучше не разговаривать. Лучше их просто обходить стороной.

Пушкин – наше все. Это «все» могло бы принадлежать Пушкину. Но не принадлежит. Все, что в России могло бы принадлежать Пушкину – а Пушкину в России по праву принадлежит все, – отнял у Пушкина памятник Пушкину. Памятник Пушкину отнял у Пушкина «все».

Наверное, так и должно быть. Если поэт в России больше, чем поэт, то и памятник поэту должен быть больше, чем просто памятник поэту. Правда, в связи с более жесткими, чем раньше, отношениями жизни с русской литературой поэт в России стал только поэтом. Но памятник поэту по-прежнему больше, чем только памятник.

Пушкина заставили разделить судьбу Ленина. Памятник Пушкину – конечно, не Мавзолей Ленина, но все равно очень похоже. Ленина никак не решатся вынести из Мавзолея. Пушкина никак не решатся сбросить с корабля современности.

Лучший подарок Пушкину на очередной его юби-

лей – на некоторое время остаться без Пушкина. Мы уже взрослые. Мы уже большие. Мы уже научились не бояться темноты. Мы уже можем позволить себе на некоторое время обойтись без нашей вечной няньки и нашего вечного телохранителя Пушкина. Отдохнем друг от друга. Так будет лучше для Пушкина; Пушкин от нас тоже устал. Так будет лучше и для нас. У нас появится возможность проверить – научились мы в конце концов сами вытирать сопли и подбирать слюни? Если нет – ничего страшного. У нас есть надежный носовой платок и слюнявчик – Пушкин. Он вытирает наши сопли и подбирает наши слюни последние двести восемь лет – вытрет и подберет еще. Но уже вроде пора и самим. А вдруг научились сами или вдруг понравится делать это самим?

Для этого вовсе не надо сбрасывать Пушкина, вернее, памятник Пушкину, с корабля современности. Просто представить, что на какое-то время его нет. Можно просто закрыть его со всех сторон рекламой. Или убрать туда, где его никто не увидит. И на всякий случай сказать ему за все спасибо.

Убрав Пушкина на очередной его юбилей, мы должны дать ему и себе испытательный срок – остаться на год друг без друга. Так мы сможем лучше проверить наши чувства друг к другу.

Но убрать придется не только памятник Пушкину, но и всего Пушкина целиком. Убрать имя Пушкина с городов, площадей, станций метро, улиц, скверов, транспортных средств, общественных зданий и спиртных напитков. Убрать книги Пушкина из библиотек. Убрать Пушкина из энциклопедий и школьных хрестоматий. Убрать все экранизации Пушкина и все спектакли, связанные с Пушкиным. Чтобы никто не слышал ни одного романса на стихи Пушкина. Не упоминать Пушкина в печати, по радио, по телевидению и даже в интернете. На год придется сделать из Пушкина запрещенного писателя, каким был при советской власти, например, Набоков.

Весь год поэтам нельзя будет писать четырехстопным ямбом и всеми другими размерами, которыми писал Пушкин. Прозаикам нельзя будет употреблять в прозе те слова, которые употреблял Пушкин.

Сначала будет страшно. Будет, конечно, тяжело – никто не обещает легкой жизни без Пушкина. Будет тоскливо, одиноко и неуютно. А потом, может быть, станет уже не так страшно и не так тоскливо. Может быть, нам понравится без Пушкина, а Пушкину понравится без нас. И мы уже привыкнем и освоимся без него. Мы все научимся делать сами то, что раньше делал за нас Пушкин. Но в любом случае – через год он вернется снова вместе со своими персонажами. И мы ему снова скажем: спасибо, Пушкин! Спасибо, что ушел. Спасибо, что вернулся.

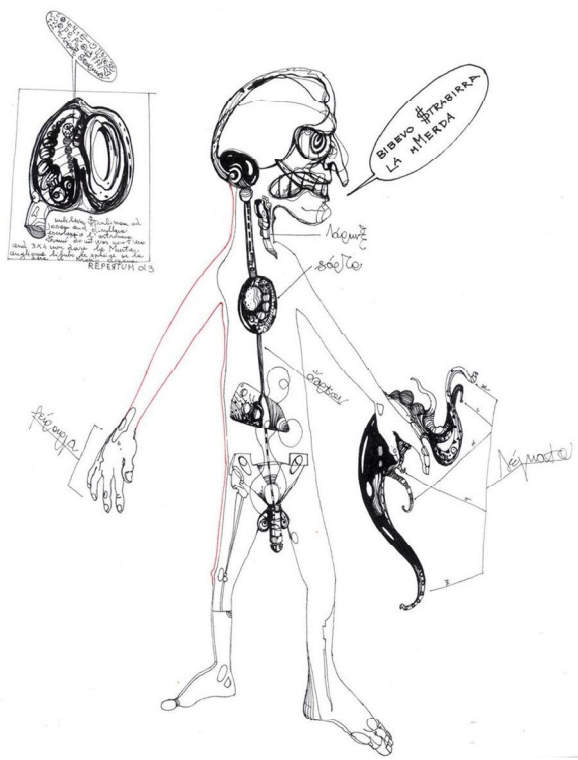
Смерть автора и компьютель

Интернет – это последний Интернационал. Он даже хуже, чем Интернационал. Интернационал мог не все. А интернет может все. Интернационал – только отчасти реализовавшаяся утопия. Интернет – утопия, реализовавшаяся полностью. Утопичнее интернета не может быть ничего. Интернет – это последняя ступень свободы, равенства и братства. В интернете нет разделения никого и ничего ни с кем и ни с чем.

Интернет – это великий компромисс. Самый великий компромисс XX века, который перешел в XXI. Компромисс таланта с бездарностью. Глупости с умом. Практики с теорией. Фауны с флорой. Рыбы с мясом. Писателя с графоманом. Власти с народом. Женщины с мужчиной. Города с деревней. Столицы с провинцией. Хлеба с маслом. Поэзии с прозой. Интернационал этого компромисса достигнуть не мог. А интернет смог. Поэтому я реакционер по отношению к интернету.

Мне кажется, что, узнав об интернете, Томас Мор, Кампанелла, Робеспьер, Ленин, Троцкий и все другие адепты человеческого братства захлопали бы в ладоши. Я не потому реакционер, что мне обидно из-за того, что они хлопают в ладоши. Противно, но не обидно. Я реакционер потому, что этот компромисс мне кажется слишком компромиссным. Ту дистанцию, которая отделяла талант от бездарности, а мужчину от женщины, отменять пока нельзя.

Интернет открывает эпоху великих компромиссов,



как Колумб открыл эпоху великих географических открытий. Один компромисс – унисекс. Я не знаю, кто появился раньше – интернет или унисекс. Кажется, интернет. Катастрофа унисекса была спровоцирована интернетом. Унисекс прежде всего рассчитан на поколение, уже воспитанное на интернете. Поколение, для которого уже нет разницы между талантом и бездарностью. Объединение мужчины и женщины женщине совершенно не нужно. Мужчине – нужно. Мужчина – бездарность по определению, и ему необходимо любыми способами дотянуться до таланта, то есть до женщины, хотя бы через унисекс. А женщине это совершенно не нужно. У женщины и так есть все, что надо, без унисекса. Женщина на объединении с мужчиной только теряет. Женщины верят унисексу, поскольку не понимают, что мужчины их опять обманули. С женщинами пора проводить разъяснительную работу. Вся беда в том, что эту работу можно провести только через интернет, где женщин опять обманут мужчины в свою пользу.

...Писатели устали от пишущих машинок и поэтому слишком легко сменили их на компьютеры. Бог с ними, с пишущими машинками, их не жалко. Но жалко то отношение к тексту, которое они давали и которое компьютер дать не может. Пишущие машинки держали текст внизу, под глазами. Компьютер поднял текст и держит его перед глазами. Компьютер сделал отношения писателя с текстом безнадежно демократичными. Поставил текст в равные условия с писателем. Теперь у текста нет начальника, то есть писателя. Ту «смерть автора», которую предсказывал Ролан Барт, на пишущей машинке еще можно было не заметить. На компьютере смерть автора оказалась раскавыченной. Интернет отменил писателей как создателей текста. Но самостоятельно интернет писать еще не научился. Как только научится – все жанры объединятся, и появится какой-то новый жанр, где писатель уже будет лишен любого места.

Интернет снимает проблему власти информации. Заодно он снимает и проблему власти; в интернете нет дистанции между властью и народом. Любой президент имеет там столько же прав, сколько любой пользователь Живого Журнала.

Но самое главное достоинство интернета – он смог покончить с гуманизмом. Гуманизму проиграли все. Гуманизм съел культуру, съел искусство, съел гуманитарное пространство. Если бы не интернет, ситуация была бы совсем печальной. В интернете она тоже печальная. Но в интернете хотя бы нет гуманизма, за что ему можно простить практически все. Там человек – только приложение к компьютеру, хотя человек, возможно, и думает иначе.

Раз интернет убил пишущую машинку и автора, то он должен сделать и следующий шаг – он должен ликвидировать само понятие «писатель». Хватит. Пора и честь знать. Писатели всем надоели. Они много пьют, много курят и всё чего-то требуют. Писатель – анахронизм. А если он еще и умеет писать, то это тем более анахронизм. Интернет ликвидирует писателя путем объединения писателя с компьютером. Получится новый вид писателя; условно назовем его компьютель. Компьютель заменит писателя. Компьютели засунут писателей в самый далекий сайт интернета, где их уже никто не найдет; но иногда, в шутку, писателей будут посылать друг другу по электронной почте. Интернет станет Освенцимом для писателей и раем для компьютелей. Это будет главная победа интернета как последнего Интернационала.

Компьютель – это писатель будущего. Руки, ноги и голова у него будут, как у писателя, а гениталии, как у компьютера. У компьютеров пока нет гениталий, но скоро уже будут. Когда у компьютера появятся гениталии, тогда и родится компьютель. Писать он будет все, что только возможно написать. Гипертекст и любой другой обычный текст тоже. Все будет писать сразу. Стихи. Детскую литературу. Взрослую литературу: детективы, триллеры, саспенсы, фэнтези и смешные истории для домохозяек. Будет писать одновременно статьи для порнографических журналов и для журналов о спорте. Романы, в смысле «серьезную» литературу.

Писать он будет на всех языках, и, не исключено, на всех языках одновременно. Компьютель будет писать и критику на других компьютелей. На себя тоже будет писать критику. По сексуальной ориентации компьютель – бисексуал с опорой на гомосексуализм. Сексом практически не занимается, потому что некогда; все время пишет. В еде неприхотлив и ест совсем мало. Естественно, не курит, потому что тоже некогда. К спиртным напиткам, наркотикам, азартным играм, автомобилям и домашним животным равнодушен. У него нет достоинств, но нет и недостатков. Он никого не раздражает. Он – главная гордость интернета. Как интернет, он просматривается со всех сторон. Он настолько хорош, что его будут любить все. А он никого любить не будет. Он будет гордый и неприступный. Он равнодушен к самому понятию «любовь», поэтому не сможет любить даже себя. И один недостаток у него все-таки есть: иногда он будет вспоминать, что когда-то, очень давно, он был писателем. Пушкиным, Достоевским, Андреем Белым. Или пусть даже кем-то попроще – Стивенсоном или Агатой Кристи; но ведь все равно же писателем. И тогда компьютелю станет плохо. Тогда он сломается. Начнет пить, курить и чего-то активно хотеть. Но придет мастер, крепко впаяет компьютелю промеж микросхем, и ему снова станет хорошо.

Идиот, конечно, компьютель будет полный. Абсолютный графоман, предсказуемый на сто шагов вперед. В этом нет ничего страшного; кто сказал, что писатель будущего не должен быть полным идиотом и предсказуемым на сто шагов вперед абсолютным графоманом?

В какой-то момент юзерам станет слишком скучно с компьютелем. Юзеры начнут тосковать о писателях. И наконец поймут, кого они потеряли. Возникнет даже некоторая ностальгия по пишущим машинкам. Но в этот момент компьютель в очередной раз что-нибудь напишет, юзеры прочтут, им понравится, они успокоятся и перестанут тосковать о писателях. Юзеры сделают так, чтобы компьютель никогда не вспоминал о своем писательском прошлом.

Но компьютель все равно так или иначе вспомнит. И выйдет из строя. И тогда опять придется вызывать мастера. Это будет случаться нечасто. Это будет единственная маленькая проблема на фоне тотальной победы интернета над писателем, пишущей машинкой, мужчиной, женщиной, талантом, гуманизмом и всем остальным.

Темная сторона России

Неуспешному писателю часто бывает стыдно. Я это хорошо знаю. Я сам неуспешный писатель. Мне самому часто бывает стыдно.

Стыд рядом со мной всегда и везде. Я почти постоянно чувствую себя виноватым. Мне можно в этом верить. Можно – нет. Многим я представляюсь мужчиной, априори лишенным чувства стыда. Но я уже устал повторять, что мне часто бывает стыдно. Очень часто! И очень стыдно! И стыдно почти за все. Мне не стыдно только за одно. За то, что я – неуспешный писатель. Я люблю неуспешных писателей.

И не только потому, что я сам – неуспешный писатель.

Я их люблю просто так. Как любят цветы. Как любят водку или минет.

Раньше нас, неуспешных писателей, было больше. Теперь нас все меньше. Нас почти не стало совсем. Все неуспешные писатели стали олигархами. Или работают в «Газпроме». Или в риелторских конторах. Или стали успешными писателями.

Из неуспешных писателей остался только я.

Все признаки неуспешного писателя у меня налицо. У меня редко выходят книги. Мне платят за книги, даже когда они выходят, мало. Меня не инсценируют в театре. Не экранизируют в кино. Не дали ни одной литературной премии. Редко переводят на иностранные языки. Не приглашают в западные университеты. Мало показывают по телевизору. Не предлагают вести колонки в гламурных журналах. Вообще часто посылают na huy. И если еще есть люди, которые сомневаются в моем неуспехе, то они ничего не понимают в неуспешных писателях. С ними уже бесполезно разговаривать. Их надо сразу чем-нибудь ebnut. Только тогда они, может быть, начнут разбираться в неуспешных писателях.

Впрочем, успешные писатели ко мне относятся с пиететом. Они говорят, что я выше успеха. Что они мне завидуют. Что они бы променяли мой неуспех на любой их успех. Что у меня огромное влияние на современный литературный процесс. Что они мне дадут взаймы сто рублей, и если надо, то дадут и еще.

Успешные писатели дали бы мне еще больше, если бы знали, главное достоинство неуспешного писателя: неуспешный писатель не боится столкнуться с темной стороной России.

У меня неожиданно все умерли. Все родственники. Все друзья. Все знакомые. Все, кто только мог. Все по разным причинам. Кто много пил. Кто принимал наркотики. Кто от глобального потепления. Кто от порывов северного ветра. Кто не верил в будущее России. Кто, наоборот, верил в него слишком сильно.

Пришлось заниматься похоронами и всеми околопохоронными ритуалами. Семь дней. Девять дней. Сорок дней. Венки. Траурные речи. И все остальное, что связано с кладбищем. Переговоры с кладбищенской бюрократией. Перевоз урны из крематория на кладбище. Выбор места для могилы. Рытье могилы. Захоронение гроба или урны с прахом. В основном, конечно, урны. В России почему-то больше доверяют кремации. Хотя в последние пятнадцать лет все чаще и чаще обращаются к церкви за отпеванием. Надгробие. Надгробие из мрамора или гранита; чаще, конечно, из гранита. Надпись и фотография на надгробии. Еще клумба. О клумбе тоже надо помнить. Поэтому земля и цветы для клумбы. Полив клумбы. Выкапывание из клумбы сорняков. И вообще уход за могилой.

Я практически не вылезал с кладбищ. Кладбища Москвы взяли меня в кольцо. Каждое было неповторимо. На каждом – свой стиль, своя экология, свои ритуальные нюансы. Свое неповторимое имя Николо-Архангельское. Митинское. Хованское. Троекуровское. Кунцевское. Донское. Миусское. Ваганьковское. Новодевичье. Слава Богу, никого не пришлось хоронить у Кремлевской стены.

Был День города. Я пошел посмотреть, что же построили нового ко Дню города. Неуспешному писателю не надо смотреть, что же там построили нового ко Дню города. Неуспешному писателю все это не понравится, и неуспешный писатель скажет, что все это govno. Что все это дешевая эстетика московского гламура. Что лучше бы ничего-ничего ко Дню города не строили. Ни новую станцию метро «Трубная». Ни новый пешеходный мост через Москву-реку от Якиманки до Театра эстрады. Ничего. Неуспешный писатель может только ныть, что простому москвичу все это na huy не надо. Но неуспешного писателя никто не боится. На нытье неуспешного писателя ответ один: пусть неуспешный писатель сидит в своем govne, а строить будут то, что строят.

Потом снова надо было на кладбище. Снова похороны. Уже не похороны. Уже то, что после похорон. Уже захоронение урны.

Там, за воротами кладбищ, оставался большой и сложный русский мир со всеми его противоречиями. Противоречиями между газом и нефтью. Между ФСБ и прокуратурой. Между риелтором и олигархом. Между успешным и неуспешным писателем. Между гламуром и простым москвичом. От этих противоречий и можно было скрыться за воротами кладбищ. Там уже таких противоречий не было. Там было только противоречие между мрамором и гранитом. Ну, еще между урной и гробом.

Но там тоже все было сложно. Копателям никак не удавалось вскопать могилу и сделать над ней красивый холмик; рядом с неуспешным писателем всегда что-то не так. Неуспешный писатель всегда создает вокруг себя поле дисгармонии. Копатели были пьяные, лопаты – тупые, а земля мокрая. Копатели постоянно роняли урну в пустую могилу, а когда не роняли, то урна выскальзывала туда сама. Урна заваливалась то вправо, то влево, то еще куда-то

вбок, а то вдруг собиралась взлететь, как волан.

Я не ругал копателей. Русских не надо ругать. У русских слишком много было всего, чтобы их еще можно было ругать. У русских был Пушкин. Лев Толстой. Сталин. Большой театр. Ельцин. Дефолт. У русских впереди президентские выборы. Русские так натерпелись! Поэтому русских можно только жалеть. Даже когда они не могут вскопать могилу и опустить в нее урну с прахом.

Тем более копатели подгоняли себя сами.

– Давай скорее, Вась, – торопился копатель, который был менее пьяный. – Скоро уже час клумботопа. Вчера клумботоп уже и в это время пришел. Смотри, на соседнем участке все могилы затоптаны! А скоро клумботоп снова пойдет. Если мы могилу не сделаем, нам клумботоп всю работу испортит. Он нам потопчет тогда все тут. Нам завтра снова надо будет всю могилу рыть.

– Да ты, Коля, не спеши, – не торопился Вася. – Для клумботопа еще рано. Клумботоп обычно позже приходит. В это время только буквотер может прийти. Ну, еще урнолиз.

– Как не спеши? – не понял Коля. – На той неделе клумботоп в это время уже приходил. Клумботоп тогда все незакрытые могилы испортил.

– На прошлой неделе жарко было, – Вася снова уронил урну. – Вот клумботоп и пришел пораньше. Он всегда, когда жарко, раньше приходит. А теперь уже жары такой нет. Поэтому клумботоп только ближе к ночи придет. Или уже совсем ночью. Клумботоп из темноты приходит. И потом обратно в темноту идет.

– А кто такой клумботоп? – удивился я.

Копатели замялись.

Неуспешного писателя не надо злить. И не надо раздражать. И не надо мешать ему узнать то, что он хочет узнать. Неуспешный писатель этого не любит. Тогда неуспешный писатель сходит за водкой, выпьет с копателями, и все равно узнает то, что хочет узнать неуспешный писатель.

– Так кто такой клумботоп? – спросил я после того, как мы выпили с копателями.

– Народ к смерти хочет быть ближе. Народ тянется к смерти. Народ без смерти не может жить. Поэтому здесь много разного народу ходит. Вот и клумботоп здесь тоже ходит, – уклончиво ответил Вася.

– Клумботопа сильнее всех к смерти тянет. Клумботопу больше других смерть нужна. Клумботоп, чтобы почувствовать смерть, клумбы на могилах топчет. Пока всю клумбу не затопчет – не успокоится. А если на могиле клумбы нет, тогда клумботоп могилу топчет. Он и по пустой могиле ходит. И по незакрытой. Ему все равно что топтать. Ему po huyu что топтать. Ему лишь бы оргазм получить от того, что он к смерти так близко подошел, – более охотно заговорил Коля.

– Не один клумботоп топчет. Урнолиз тоже топчет. И клумбожуй топчет, – вставил Вася.

– Урнолиз топчет? – удивился Коля. – Урнолиза, Вась, не трогай. На урнолиза жаловаться грех. Клумботоп всю могилу разворотит, а урнолиз могилу не трогает. Урнолиз в могилу ужом проскользнет, урну оближет, оргазм от того, что урну облизал, получит, и – наверх. Урнолиз, если nasral, всегда уберет после себя. А клумботоп, если nasral, никогда не убирает. Клумботоп показывает, как, мол, он на смерть может nasrat. Урнолиз стесняется, что он урнолиз и от смерти оргазм получает, а клумботоп, что он от смерти оргазм получает как клумботоп, не стесняется. Клумботоп всю могилу спермой зальет. А после урнолиза все чисто. И потом урнолиз только после дождя приходит. А клумботоп всегда приходит. Клумботопу погода не важна. Урнолиз к тому же не так давно появился. Урнолиз только после того, как президент на второй срок пошел, появился. А клумботоп еще при советской власти был. И клумбожуя, Вась, не трогай. Клумбожуй что попало не жует. Это клумботоп что попало топчет. Есть на могиле клумба или нет – ему все равно. Он все равно могилу топтать будет. А клумбожуй, если на могиле клумбы нет, спокойно мимо пройдет. Он тогда к другой могиле пойдет. Где клумба есть. И где жевать что есть.

– Клумботоп самый неприятный из них, – согласился Вася. – Урнолиз, конечно, лучше. Но мне фототер больше всех нравится. Ему для оргазма только фото на плите потереть надо. И все! Больше от фототера на могиле никаких следов. Приятно посмотреть! Полный порядок! Только фото новое надо на плите сделать.

– А мне и буквоед нравится, – Коля выпил еще водки. – Буквоед – он нежный. От него тоже много govna на могиле не будет. Ему ведь только буквы съесть надо! Буквоед даже цифры не трогает! Буквоед дату рождения и дату смерти никогда не съест. Буквоед их уважает. Он только имя, отчество и фамилию съест. Он только слова ест. Где буквы есть. Ну, если еще какие слова на могиле будут, – он, конечно, и там буквы съест. Если бы в словах букв не было, буквоед бы и слова не трогал. Он ведь слова только из-за букв ест.

– А фототер с буквоедом дружат? – Вася тоже выпил водки.

– Дружат, – подтвердил Коля. – Чего им делить? Они друг другу не мешают. Им на одной могиле не тесно. Фототер фото трет. Буквоед слова ест. Но оргазм у них разный. Фототер оргазм получает, когда фото трет, а буквоед, когда буквы ест, не получает. Он потом, когда все слова съест, получает. Фототер и с урнолизом дружит. Им тоже вдвоем на одной могиле хорошо. Фототер фото трет, а урнолиз урну лижет. Гармония. Зато фототер буквоеда не выносит. Фототер с буквоедом никогда на одну могилу не пойдет. А с клумботопом никто не дружит. Клумботопа никто не любит. Клумботоп сам внешне на могилу похож. Лысый. Толстый. Очкастый. Весь как будто из govna сделан. Кто же с таким дружить станет?

– Люди по-разному смерть любят, – задумался Коля. – На плиту, конечно, многих тянет. Но и под могилу многих тянет. Groboebu на плите ничего не надо. И на клумбе не надо. Ему и урна не нужна. Ему только гроб нужен! Groboeb могилу, где гроб есть, найдет, могилу вскроет, доберется до гроба, гроб viebet, – и только тогда успокоится. А иначе groboeb не успокоится. Иначе groboeb беспокойный будет ходить. Вася посмотрел, сколько в бутылке

еще осталось водки.

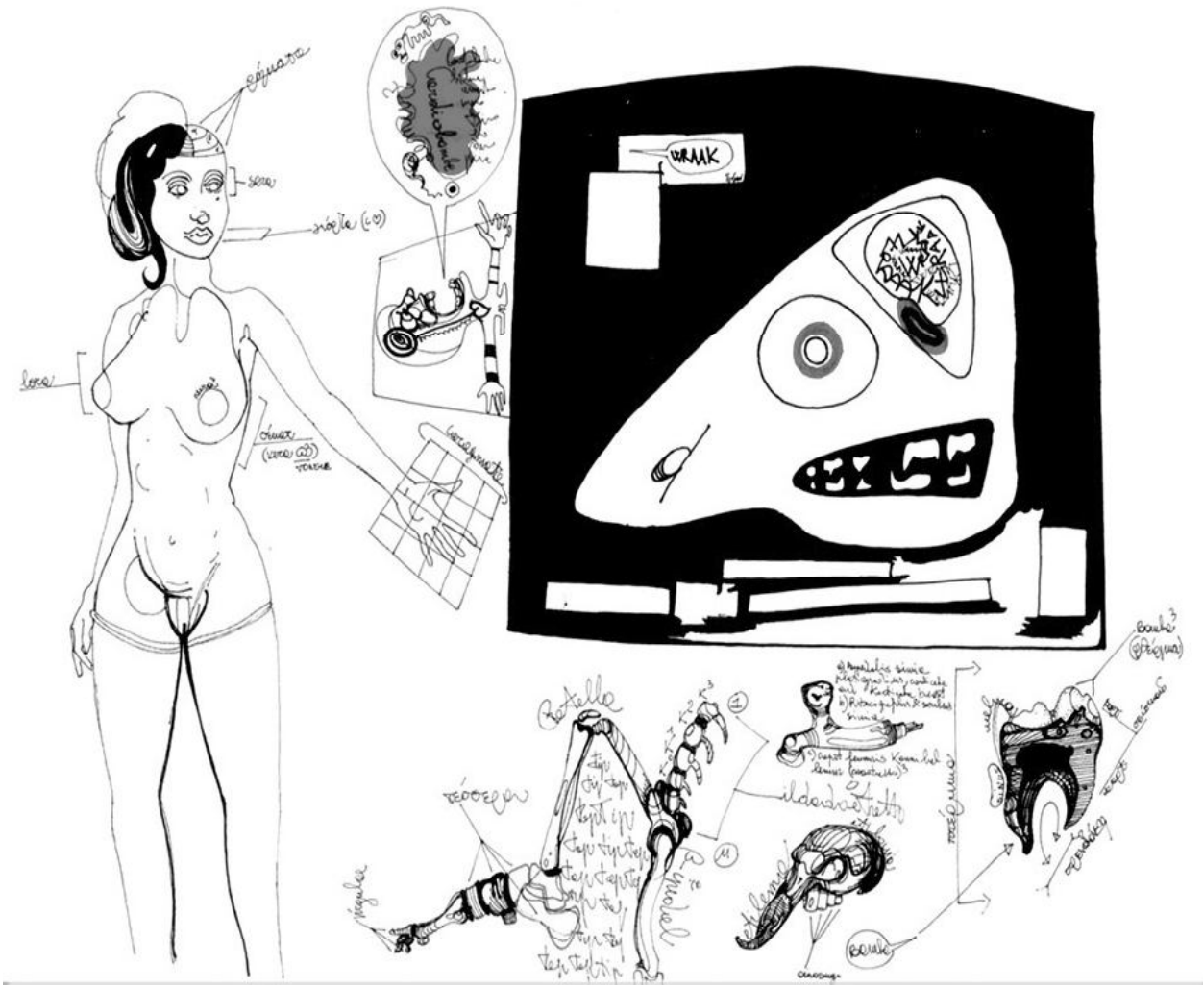
– Все по-разному любят, – согласился он. – Плитовик плиту обнимет, но под могилу не пойдет. Плитовику хватает, что он плиту обнял. С самой плитой плитовик ничего делать не будет. Плитовик плиту не трогает. Только обнимает, и все. А плитобой – будет! Плитобой еще как тронет! Плитобой плиту до оргазма будет бить. И плитосос будет. Только плитосос сосать будет, пока всю не обсосет. И плитогрыз будет. Плитогрызу плиту грызть до тех пор надо, пока он ее всю не изгрызет. А вот плитокрота и под могилу тянет, и на могилу. Плитокрот плиты не тронет. Но плитокрот для оргазма еще и под землю должен уйти. Плитокрот под плиту целиком зароется, как крот, и только тогда доволен будет. Huy их знает, куда их всех тянет, Коль!

– Пусть их куда угодно тянет. Мы все потом сделаем, Вась, – махнул рукой Коля. – Все, Вась, будет хорошо. Плиту поправим. Могилу подравняем. Клумбу эту ebanuyu новую посадим. Фото наклеим. Буквы вырежем. Лишь бы они нас за собой не тянули, Вась! А то на меня как-то groboeb напал. Я тогда ночью через кладбище за водкой шел. Он меня за собой вниз в могилу потянул. Гроб вместе ebat. Слава Богу, у меня лопата была. Я еле отбился тогда. Я ему лопатой сильно vyebal. Я его там же, вместе с гробом, который он ebat хотел, закопал. А в другой раз, когда я через кладбище обратно с водкой шел, клумботоп напал. Я об него бутылку разбил. Мне потом снова пришлось за водкой идти. И еще клумботоп воет сильно по ночам. Я сначала думал, что это ветер воет. Но это не ветер. Это клумботоп. Клумботоп, когда ему топтать уже больше нечего, воет потом всю ночь.

– А на меня урнолиз напал, – Вася снова посмотрел, сколько в бутылке осталось водки. – Он меня облизал всего и убежал сразу. На меня и плитовик нападал. Он меня как плиту обнимал. И клумбожуй. Он меня как клумбу жевать стал. И фототер. Он меня как фото тереть хотел. Все было, Коль! Все и не вспомнишь, что было, Коль!

– Ну их всех на huy, Вась. Давай копать, Вась, – Коля взял лопату. – А потом водки выпьем, Вась. А то уже скоро клумботоп пойдет. А клумботоп и копать не даст, и водки выпить не даст.

Копатели наконец зарыли урну. Мы допили водку. Мы все успели сделать до часа клумботопа. Пора было возвращаться на светлую сторону России. Туда, где гламур. Туда, где нефть. Туда, где мэр, не обращая внимания на нытье неуспешного писателя, все строит и строит Москву.



эДуаРд КулЁМиН

Бешеный огурец

Иллюстрации *автора*

Клетчатка моего нутра
едва ли пища для гурмана.
Моя взрывная кожура,
как ни крути, антигуманна...

Отпрыск А

Рождаясь в виде исключения,
преобразуемое впредь,
в итоге выглядит плачевнее,
но предпочтительнее, ведь

степень выраженности гистологических структурных нарушений слизистой оболочки коррелировала с длительностью течения синдрома нарушенного кишечного всасывания и нарастала от фундального отдела желудка по направлению к тонкой кишке.

Отсюда, - ВСЕ ФИШКИ В МЕШКЕ

и вонь, и податливость кала,
где непревзойденное "бзди"
мучительно приобретало
способность незримо ползти.
Во мне шевелящийся пальчик
с претензией на экстремизм
не переиначен, а значит, -

это маленькое приключение не дает тебе покоя. Ты чувствуешь за собой вину. Но ведь так вышло только потому, что твой любимый был далеко.

Иное подоплека. Усердствует ли кровь?
Окалина плевка равновелика. Лакомая бяка.

Однако, я пальнул. Он рухнул как никто.
Потом еще два раза. Хладнокровно.
Он начал деформироваться ртом,
икоту окровавливая. Кроме

того, после первого же удара, проломившего череп, голова жертвы безжизненно завалилась набок. Но Амедео продолжал молотить по ней до тех пор, пока она не превратилась в сплошное кровавое месиво. После этого разогнулся, взял лопату.

- А теперь вы, - он протянул черенок стоящим рядом Сальвадору и Пабло. - Чтобы все кровью повязаны были.

И, заметив, что те замялись, первым вогнал острие в грудь.

- Стасик, Стасик... - заголосил Даник. - Приди. Приди, пока не поздно,
необоснованный такой.
И в состоянии коматозном
раскинь убийственной мозгой.
Метни налево и направо
свою взыскующую мысль
и многочисленные травмы
им нанеси, не поленись.

Под еще теплое тело подстели целлофан. Попробуй ножом. Видишь - кости не поддаются. Возьмись-ка лучше топором, и дело пойдет быстрее. Когда работа уже будет подходить к концу, появится Ольга Степановна Бережная. Крик застрянет у нее в горле, и она попятится, увидев окровавленные по локоть руки. Тогда схвати первый попавшийся предмет и ударь ее по .голове. Женщина пошатнется, закричит.

- Самое большое удовольствие - это отсутствие удовольствия! - наверняка крикнет она, закрывая руками обагрившееся кровью лицо.

Ударь ее еще раз, потом еще и еще. Она упадет на пол, прикрывая то голову, то живот. Бей ее кулаками, потом ногами и бормочи, бормочи, бормочи...

...что-то абсолютно не такое,
как за две минуты до того,
как обыкновенной головою,
каковую, кроме одного,
паковали всякими, вникая,
вытолковать некое, пока

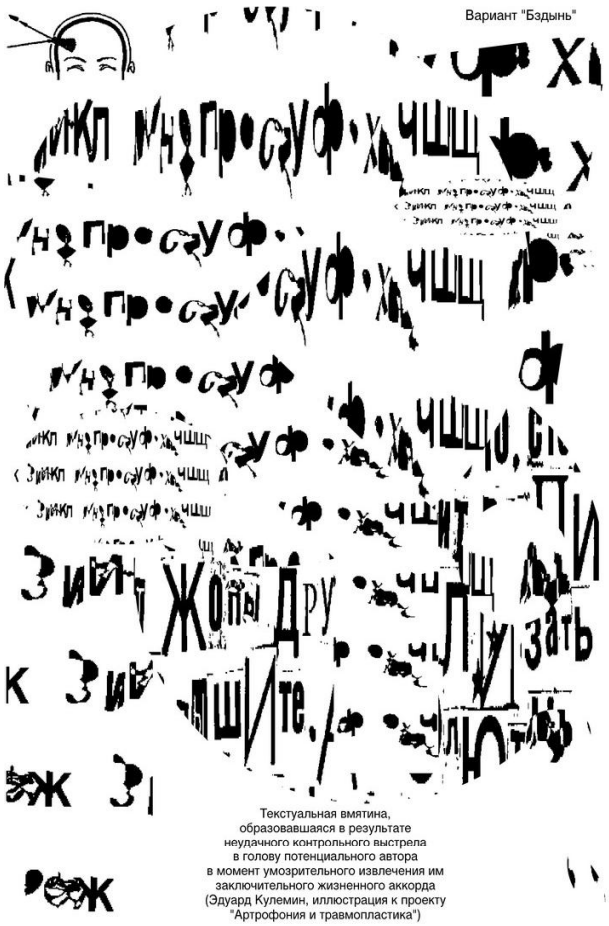
около по капельке до края
в некогда влекомое втека-
ет…

Или нет, -
лучше поставь правую ногу на пол и, положив на ее колено левую ногу, выполни активные и пассивные сгибания, разгибания, развороты ступни наружу и внутрь, а так же вращения стопы в суставе в обе стороны.

Теперь произнеси:

«Мы благословляем все это, мы желаем всего этого для блага телу людей, мы почитаем все это, чтобы побороть болезнь, чтобы побороть смерть, чтобы побороть горячку, головную боль, лЛсорадку... Апсагва... Куруга... Аушвака... Дурука... Астайря... зловонного Агаши, сотворенных Ангро-Майниусом против тела людей. Болезнь, я тебя заклинаю, о смерть, я заклинаю тебя, о зловонный Агаши. Дай нам, о Агура, могущество сильное, чтобы мы могли побить Друдус. Побьем Друдус этой силой. Я побораю болезнь, побораю Агуйри, побораю все болезни и смерть людей, всех Ятус, всех Пайрик, всех нечестивых Джайни...»

Поскольку череп обладает эластичностью, в момент воздействия силы на его ограниченный участок происходит вдавление черепа. При определенной интенсивности силы удара наиболее сильному растяжению подвергается внутренняя костная пластинка. Механизм такого перелома можно сравнить с переломом сгибаемой палки. При дальнейшей деформации черепа происходят переломы наружной пластинки и,- наконец, полный перелом всего поперечника кости в нескольких участках.



Текстуальная вмятина,
образовавшаяся в результате
неудачного контрольного выстрела
в голову потенциального автора
в момент умозрительного извлечения им
заключительного жизненного аккорда
(Эдуард Кулемин, иллюстрация к проекту
"Артрофония и травмопластика")

Отпрыск В

...Ха! Блядь! Сука! Игорёша в судорогах откидывается назад, Сперма выстреливает из его мощных недр с такой силой, что разрывает черепную коробку Вениаминыча. Ещё выброс. Ещё и ещё. Ошметки мозга разлетаются по стенам, стекают вниз. Игорёша пальцем подчерпывает кусочек мозговой массы и засовывает в рот. Вкуснятина! Тело его дружка обмякло и своей тяжестью приятно напоминает о себе. Пол-черепа снесло и сквозь кровавую массу торчит огромная вздувшаяся елда, из жерла которой медленно истекают остатки семенной жидкости. Голова Игорёши свалилась от балдёжного бессилия набок. Глаза медленно приоткрываются. Прямо перед его взором по пожелтевшему кафелю стекает струйка крови. Из пасти Игорёши лениво высовывается длиннющий белёсый язык и слизывает её. Вкуснятина! Игорёша сладостно сглатывает. Язык высовывается опять и слизывает вновь протянувшуюся струйку. Голова невольно поворачивается навстречу лакомству. Проворный язык скользит по поверхности. Всё выше и выше вылизывая стену. Попадаются ошмётки мозга, кусочки кожи, волосы... Игорёша сплёвывает косточки. Они очень жесткие, с острыми краями. Игорёша не замечает, что поранил язык. Кровь течёт у него изо рта и в свою очередь пачкает кафель. Игорёше приходится слизывать вновь и вновь. Он уже не разбирается, где его кровь, где чужая. Глаза его полуприкрыты от упоения. Он лижет, лижет... Теперь уже внизу. Что-то твёрдое, волосатое, но податливое, тёплое. Пожалуй можно и укусить. Зубы автоматически погружаются в упругую мякоть. Голова резко дёргается, отрывая кусок. Ыр-р-р... - рычит Игорёша, жуя и чавкая. Умр-р... Грм-м... Хрмс... хкр... хкрр-хкрр-хкрр... хкрр-хкрр... хр-хр... ху-ху... хур... хр-хр... хрр... хр... хруо... хруо-хр-хр... хр-ф... хр-ф-ф... ф-хр... хр-хр... мчк... мчк-мк... хр-ф-ф... хр-х... мчк... мчк-хр... хр-хр... хр-хр... хорм-хорм-хорм-хорм... хрм-хрм... хрр-р... хр-хр... хр... хр-х... хр-х... ху-ху... хуху... мк... хуу... мк... хр... хр... хр... хр-ф-хрк-ы-ф-рх... мк... кр-кр.... к... хр... хрк... хр-рк... хрн... хрр-роухр-ро... х... хр... хр... мчк... мчк... хрк-мк... мк... фф-ф-фх-рх... хур-хрк... хрк... хр... хр-хр... хр-хр... хр... хр-хр... хр... хр-х... хрк... хр-хр... хрк... хрк... хру... хру-хру-хру... хру... хру... хр-хр... хкр... хр... хр-хр... хру-хру... хру... хру-хру... хру... хр... мчк... мчк... хр... хр... хм... хмк-хмк-хмк... х-х-рк-х... х... х-х-х-х-р... хыр... фх-х-х-ф-хх... хр... хф-х-х-ф-хр-мк... хрр... хрр... хрмк... хрмк... хруу... хурм... хухм... хрм... хрк... хурм... хурм... хр-хр... хурм... мк... мчк... хр... хх-хх-хрх-х-мчк... х-хх-хф-ф... хф-х-мкл... хф-хф-хф-хф... х-хх-хф... хрк... хру-хру-хрумк... х... хрумк... хрф-мк-чк-мк-хрум-х... хк-хрф... мк... хр-хр... хр-хр-хрк... хр-хрх... хх-х-хф.. фх... фх... хмк... хрк... хм... хф... хр... хмк... хр... хр-хрыу-хрыуо... хрх... хруо... хрууо... хр... хр... хр... хр-хр-хрк... хр... хр-хр... хр-хрк-хр-хрыуо... хр... хр-хр... хр... хруо... хрк... хр-хр... хрм-хруо-хрм... хм-хм... щьслм-щьслм... х-хрм-х-

хрм-х... х-хмк-хф-хмк... хр-к... хрк... хрк... хр-х... х-х...
хр... хруо... ъм-ъм-ъьм-с-ъ ъмс-ъмс... хрк... хрхо...
хр-ф-х-фх-х... пьф-пьф-пьф... пьр... пррр... щьмсл...
щьмл-х-хлм-щл... щьмслуо... шьмсл-х... хыы... ых...
хрм... хрмх... хх... хх-х... рмк... х... хрк-х-х... хрк...
хрк... хр... хр... хр-хр... хрк... ху-ху... хрк... хрхк... ху-
ху-хр... ху... ху... х... х.... хрмк....
хк.....хмк.....хрмк......хрк......хр-хр......х-хм-мк-хм...... х-
хрмк-к.......хх-хх-хмх-хм-х........хх-хх-хх-х-
мк..........хр............ хру-хр.......... ххх-ххххрх............
хр............ хр-хр................ хрмцк-мцкл................хр-
хрм ....хр-хрмк....................х-х-ххк-
хкхр..................хрмкхклхх.......................ххрххххххкх...
.....................ххркрл.........................хкф-хкф-хкф....ху-
хх................ хрум................хкл....хрмх-хрмх-
кл................................хрмк-мк-
мк...хрмк-мк-
мк..................
...............ххмкхммк..........................хруо-
хруо....................... ....хрм-хрм-
хрм..х-ф........х-
ф......хф.....:..хфмкф............
.....................................хкф...
...хр.......................................хрум-
хм...х..............
.....................мхруом..........................хрм-
хрм...................... ....хр-
хрм...................................хррррм... пхфхфхуууо...
хррррм... пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом.... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом... пх%
хфхуууо... мхррруууом...пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мчк-мчк... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-
мчк... мхррруyy-ом... пхфхфхуууо... мчк-мчк...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мчк-мчк... хр-хр... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мчк-мчк... хр-хр... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-
мчк... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... свер-
ток... мхррруyy-ом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр...
хр... оживление... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-
мчк... хр-хр... другой человек... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... большое дитя...
мхррруууом... пхфхфхуу-уо... мчк-мчк... хр-хр... хрк...
хрк... страх... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк... хр-
хр... готовится за-столье... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мчк-мчк... хр... подозрение в убийстве...
мхррруууом... пхфхфхуу-уо... мчк-мчк... хр-хр...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-
хр...совместная жизнь... мхррруууом... пхфхфхуууо...
мчк-мчк... хр-хр... мхррруууом... 'пхфхфхуууо... мчк-
мчк... хрк-хрк... явление отца... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хрк-хрк... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хрр-хрр... хрк-хрк... запрет-
ная дверь... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк...
хр-хр... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-
хр... открытие... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-
мчк... хр-хр... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк...
хр-хр... обильное застолье... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... завернутые в тряпи-
цу трупики... мчкл... мчкл... богатенькие... мхррруyy-
ом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... страх...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... пере-
воплощение... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-
мчк... хр-хр...малое дитя... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мчк-мчк... хр-хр... каша... мхррруууом...
пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... земля... мхррруyy-
ом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... сгусток...
мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... чер-
ви... мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр...
покалеченный котенок... мхррруууом... пхфхфхуу-
уо... мчк-мчк... хр-хр... резиновая кукла... мхррруyy-
ом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... пинком... бац!..
мхррруууом... пхфхфхуууо... мчк-мчк... хр-хр... по-
шел вон, мерзавец!..

Отпрыск С

Оральный подвиг с бубенцами
в расплясах юркого свинца
едва ли в целом отрицаем,
но, сомневаясь слегонца
в аргументации отметин
на непредвиденных местах,
мы допускаем между этим
несоответствие с предста-
вляемым ранее.

Наше желание:
список используемой литературы подготовить к изданию отдельным тиражом.
Подытожив множимое, перейти в мажор.

- А как же вторжение?

Внедряясь в массу и резвясь
при относительно высоком
проценте смертности,
насекомое просверливает кожицу листа и кладет в отверстие яичко; по мере развития последнего вокруг него образуется утолщение, содержимое которого служит пищею для насекомого, пока оно не удалится вновь через просверленное отверстие.

Непарнокопытная бестия
пытается выглядеть гаже.
Участие в этом действии
равносильно бурению скважин.
Автоматически входишь в раж,
и с песнею, типа "Наш
паровоз вперед лети...",
перелопачиваешь в петит
УМ, ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ своей эпохи.
Собираешь до кучи крохи
и вспоминаешь сполохи тех боев...
ну тех, которые... Сухой паек
делишь на три части. Думаешь: «Ща,
родимые, я вам отпущу леща!»
Поднимаешь глаза вверх. В грубо отесанном проеме голубовато-блеклого неба порхает маленькая птичка. Слышится пение жаворонка. Сверху осыпается струйка песка. Стряхиваешь пыль с рукава. Ожидается атака. Окопчик маленький и тесный, но покинуть его нельзя - подстрелят. Надо бы перекусить. Хлеб да тушенка. Луконина. Запиваешь водой из фляжки. Закуриваешь. Слышится пенис жаворонка. Смотришь на часы. 13.06. Смотришь в сторону врага. Атака не начинается. Хочется отлить, в смысле поссать. Переминаешься с ноги на ногу. Приседаешь. Зажимаешь письку. В конце концов не выдерживаешь. Мочишься в окоп, разбрызгивая по стенам. Вздыхаешь с облегчением. Прикуриваешь потухшую папиросу. Слышится пение жаворонка. Смотришь в сторону врага. Атака не начинается. Садишься на дно окопа. Ощущаешь запах мочи. Играешь камушками. Смотришь на часы. 16.34. Надо бы перекусить. Хлеб да тушенка. Доедаешь луковицу. Запиваешь водой из фляжки. Закуриваешь. Пускаешь дым в небо. Оттуда доносится пение жаворонка, Насвистываешь песенку. Смотришь в сторону врага. Атака не начинается. Хочется отлить, в смысле поссать. Переминаешься с ноги на ногу. Зажимаешь письку. Чертыхаешься. В конце концов не выдерживаешь. Мочишься в окоп, разбрызгивая по стенам. Моча горячая и светлая. Струя обильная. Вздыхаешь с облегчением. Смотришь в небо. Оттуда доносится пение жаворонка. Смотришь в сторону врага. Атака не начинается. Сплевы-ваешь. Смотришь на часы. 18.10. Надо бы перекусить. Хлеб да тушенка. Запиваешь водой из фляжки. Закуриваешь. Думаешь: "Как же так?" Поднимаешь глаза вверх. Оттуда доносится пение жаворонка. Вспоминаешь детей, жену. Смотришь в сторону врага. Атака не начинается. Хочется отлить, в смысле поссать. Переминаешься с ноги на ногу. Зажимаешь письку. Чертыхаешься. В конце концов не выдерживаешь. Мочишься в окоп, разбрызгивая по стенам. Моча горячая и светлая. Струя обильная. Вечереет. Под ногами уже хлюпает. Смотришь на часы. 21.47. Надо бы перекусить, да нечего. Запиваешь водой из фляжки. Достаешь сохраненный бычок. Закуриваешь. Думаешь: "Что ж такое?"
Вспоминаешь хату, детей, жену. Её голубые ляжки...
Ручную гранату, запасной сосок... тьфу, бля... рожок
кладешь на бруствер. Количество строк
берешь по максимуму. Вставляешь пыж...
Хотя, какой там может быть пыж?..
И... тра-та-та-та-та... бдыжжж...бдыжжж... бдыжжж... ты-дых... ты-дых... тиу-тиу... тра-та-та-та-та... бдыжжж... бдыжжж... бдыжжж... тиу-тиу-тиу... ты-дых... тра-та-та-та-та... внедряясь в массу и резвясь... ты-дых... ты-дых... при относительно высоком... тиу-тиу-тиу... тра-та-та-та-та... проценте смертно-сти... бдыжжж... бдыжжж... бдыжжж... иная ипостась... ты-дых... ты-дых... тра-та-та-та-та... вертлявая, которой вторит хмурый... бдыжжж... бдыжжж.:. крикливые, им терапия гнет... ты-дых... отдельными вы списаны с натуры... ты-дых... и втиснуты в причастный оборот... тра-та-та-та-та... всем во свояси... бдыжжж... бдыжжж...бдыжжж... хлесткие, как «ссы!»... ты-дых... ты-дых... вертеться вместе будем на оси... ты-дых... осатанения... тра-та-та-та-та... бдыжжж... бдыжжж... фактически... бдыжжж... бдыжжж... и всяк... тра-та-та-та-та... тиу-тиу-тиу... скукожится, покуда не иссяк... бдыжжж... бдыжжж... бдыжжж... - нет-нет, да и взбредет в твороговни... ни.....

У нарисованной фигуры должна быть голова, туловище, конечности. Голову с туловищем соединяет шея (она должна быть не больше, чем туловище), на голове должны быть волосы (возможно шапка или шляпа), уши, на лице - глаза, нос, рот. Рука заканчивается пятью пальцами. Имеются признаки мужской одежды. На ногах - обувь.

Отпрыск D
Вот выгибается.
Вот выгнулось.
Вот вздулось.
Вот брызнуло.
Вот вытекло.
Вот-вот...
Однако же ещё тарелку он берет,
сбирается с последней силой и очищает...
Снова я не в ту...
Однако же отнюдь не по болту
последняя строка, тому кто совершает
или уже...
По крайней мере здесь

однажды опробированный шарик,
что означает ЭТОТ В ЭТОМ ВЕСЬ,
что означает ТОЧЕЧНАЯ МЕЧЕТ,
что означает ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИЗВЛЕЧЬ,
что означает НЕЧЕГО И НЕЧЕМ,
что означает... означает... НЕЧТ...
ТЧ... ЧТК... МЧК... ТЧКЛ...

По этой же причине вообще какие-либо объяснения лишаются смысла, тем более, что в любой, произносимой мною, фразе основное значение приобретает не смысл её, не звучание, даже не интонация, а то выражение лица, с которым я её произношу.

Например, говорю "посасывая"
и далее, что естественно, "карамелька".
В достаточной степени кассовая
получается фраза. В истерику
по этому поводу впадать не будем,
а подумаем что-нибудь типа "жопа",
и продолжение в духе "ни себе, ни людям".
После минутной паузы входим в глубокий штопор,
желая откупорить нечто.
Но его содержимое выбивает нас,
словно пробку из горла - бац!
Растекаясь кислятиной, обнаруживаем матрац,
на котором в углу написано:

«Преодолевая рамки смысловой обустроенности, автор пытается реанимировать наиболее омертвелые слои всепроникающего логоса.»

Остальное - полосы.
Хотя, нет, тут ещё словечко
зачирикано, но количество букв пять,
из которых явно прочитываются «б» и «ять».

Смысловая пробоина,
образовавшаяся в результате
контрольного выстрела
в голову потенциального автора
в момент возникновения в ней
предсмертной текстовой сумятицы
(Эдуард Кулемин, иллюстрация к проекту
"Артрофония и травмопластика")

То есть произошла утечка
информации, а это уже кранты.
Между первой и третьей твой корпус раковый
атакую качественно, и ты
называешь меня Дракулой.

В результате чего такая распространенная парадигма современного художественного сознания как «гибель искусства», пролонгированная набором некро-патетических деклараций в духе «нет, весь я не умру», «помирать, так с музыкой» и т. п., неожиданно оборачивается одной из эстетических составляющих «искусства умирания».

А теперь - внимание!
Имеет место слой за слоем вещь...
Не может быть... Я посмотрел ей прямо
в глаза... Возможны всяческие... Внешне выглядит игрой материала
со временем... От "много" до "ого"...
И фрагментарное, от "видимо" до "видим",
едва ли досягаемое дно…
Мы на поверхности… Поверхность не в обиде...

Пузырь лопнул. Я бы даже сказал, взорвался, как гейзер, обдавая нас липкой жидкостью и ошмётками разорвавшейся кожи. Один из таких ошмётков шлёпнулся мне прямо на лицо, залепив своим отвратительным месивом правый глаз с прилегающим участком щеки. Невыносимое жжение заставило меня буквально вцепиться в собственную физиономию. Я скрёб себя, что было мочи, и выл от боли, но ничего не помогало, - кусок чужеродной ткани, разъедая кожу, вживался в захваченную территорию. Жгучая желеобразная мерзость, сквозь поглощаемый глаз всасываясь в содержимое черепа, вылизыва-ла окровавленную изнанку угасающего сознания. Я уже ничего не видел и не воспринимал, медленно погружаясь в абсолютную стерильность потустороннего мрака. И только всепоглощающая боль, подобно электрической дуге, выжигала свой жуткий оплавленный след, неожиданно складывающийся в откровение знака...

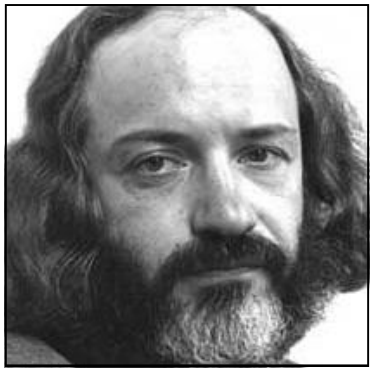
Отпрыск E

…чей отчий грунт на диком севере
возделан был натугой плуга…
……
…волосяное потрясение…
…попробуй тронь, я брызну семенем…
…грядет неслыханная вьюга….
……
…соображаемое туго,
но завершающее серию
своеобразие испуга…
……
...отколобродит по-весеннему
и, кишки выпростав на бруствер,
во имя общего спасения
лежит, затраханная вусмерть...

Отпрыск F

...Ступай, выковыривать зернышки от баклажан из говна своей плодово-выгодной памяти.

Михаил Эпштейн



Вызов мату или Новый любовный словарь

Иллюстрации *Эдуарда Кулемина*

Мат в России – больше, чем мат, т.е. одна из многих лексических подсистем языка. Мат выступает как своего рода бытовая идеология общества, полубессознательная система ценностных или, точнее, «обсценных» установок. Термин «обсценный» (непристойный), хотя и заимствован в русском языке из английского (obscene), удачно подчеркивает, в духе народной этимологии, то «обесценение», которое активно проводится матом по отношению ко всем ценностям жизни. «Верхние», государственные идеологии – от монархизма до коммунизма, от национализма до либерализма – приходят и уходят, а мат остается, определяя и интимные, и дружеские, и семейные, и полупубличные формы общения {1}.

В советское время, на фоне высокопарного словоблудства официальной идеологии, блудословие мата приобрело обаяние «честного», «сочного» слова. Мат в литературных текстах стал восприниматься как чуть ли не диссидентство, форма свободомыслия, и эта культура «протестного мата» достигла вершины в произведениях Юза Алешковского. Но лишь по форме матерный диалект низов противостоял диалектическому материализму верхов: между ними было глубинное сродство. И матерное, и материалистическое мировоззрение содержат общий «посыл по матери», кровосмесительную формулу, сквернословный смысл которой не меняется оттого, что облекается в наукообразные понятия, типа «материя первична, а дух вторичен». «…Если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией, – вот она, смердяковщина-то народная!» – писал прот. Сергий Булгаков {2}.

Почему матерные слова непристойны? Вовсе не потому, что они обозначают «это», а потому, что они «это» низводят до предмета оскорбления и проклятия. Обозначения жизнепроизводящих сил выступают как средства брани. «Пошел на х..., в п...; охеть... отъе-ись... зае-ись!...» Матерщина, если попытаться определить выраженное ею состояние, – это злобное состояние человека, которому хочется плюнуть в источник жизни, потому что нет желания или сил черпать из него. Мат – выражение инстинкта смерти, который прежде всего обращается против пола, против корня и влаги жизни. Огромная опасность нависает над обществом, язык которого так пронизан хулой на жизнь, страсть, рождение. Ведь язык – это не просто сотрясение воздуха, это система понятий, оценок и смыслов, по которой мы действуем, мыслим, творим себя. Как ни странно покажется на первый взгляд, но катастрофическая убыль населения в России и беспрецедентное количество абортов напрямую связаны с разливом матерщины, презрительно-глумливым отношением к полу, как оно выражается в языке.

И не только к полу, а к жизни вообще, поскольку она низводится до телесного «низа». Ведь если всё в мире «х...ня» и «г-но», если в отношениях друг с другом люди «п-дят», «бз-ят», «подъ-бывают» и «берут за ж...», если работают они до «ох-ия» и «остое-ния», то многократными актами такой экспрессивной речи жизнь постепенно превращается в то, чем она представляется говорящим. Приведу высказывание филолога и «матолога» Юрия Левина:

«Легко представить себе мир, описываемый лексикой [мата]...: мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «все расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят – но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и

всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, – и все кончается тем, что приходит полный пиздец» {3}.

Матерные слова не просто относятся к низкой, точнее, нижайшей стилевой зоне, но, как правило, имеют и отрицательную энергию, выражают наплевательски-безучастное или ругательно-презрительное отношение к обозначаемым явлениям. Вот почему я не люблю мата (хотя и признаю художественные возможности его использования). Мат оскорбляет то, что я люблю, что лежит в природе вещей, что освящено Творцом («плодитесь и размножайтесь»).

В постсоветское время мат становится своего рода общенациональной языковой валютой, как во времена бурной денежной инфляции значение всеобщего эквивалента передается натуральным продуктам: мешку картошки, буханке хлеба, бутылке водки. Инфляция высоких знаменательных слов и их значений («родина», «народ», «любовь», «единство» и т. д.) приводит к росту междометности в языке, засилию «утробных», «жвачных» выкликов, отрыгиваний и отругиваний. Как замечает писатель и журналист Игорь Шевелев: «... Логику в России заменил мат. Более-менее развитые дискурсы снимаются эмоциональной вспышкой, при которой четырьмя словами и их производными заменяется, по сути, большой академический словарь.» {4}. Иногда оправдывают оматерение страны тем, что живется трудно, страшно, и мат – «эмоциональная вспышка» – будто бы разряжает отрицательные энергии, скопившиеся в душе: выругаешься – и полегчает. Вроде бы так, но, разряжаясь руганью, заряжаешь ею окружающий воздух, близких и дальних, и те самые отрицательные энергии, которые вытолкнул из себя, возвращаются к тебе извне разрушительными вибрациями.

Утонченное оправдание мата, высказанное писателем Виктором Ерофеевым, состоит в том, что по мере распространения в обществе он теряет свою матерность, табуированность. В эпоху своего постсоветского разлива русский мат как будто «разрушает себя изнутри» и скоро станет предметом ностальгии; нужно не гонения на него устраивать, а беречь, как вымирающий вид речи, как хрупкое национальное достояние. Действительно, распространяясь среди тех слоев населения и в тех общественных кругах, где раньше мат не допускался (литература, журналистика, политика, парламент), мат постепенно переходит из крайне вульгарной, непристойной зоны просторечия в разговорную и даже отчасти официальную зону. Но, стилистически приподнимаясь и расходясь вширь, мат не утрачивает своей унизительной экспрессии, установки на оскорбление и бесчестие. Такая стилевая карьера мата, его восхождение по ступенькам приличия в хорошее и даже высшее общество, означает только то, что само общество роет себе языковой котлован. Стоит пожалеть о мате, который теряет свою убойную силу – силу заклятия, святотатства, нарушения табу. Но еще больше стоит пожалеть об обществе, в котором мат уже мало кому режет слух.

Увы, когда речь заходит об интимных отношениях, современный русский язык не предоставляет большого выбора говорящим. Либо сквернословие, сленг, либо книжные слова, бюрократические и медицинские термины: «совокупление», «половой акт», «копуляция». Есть ли такие слова, которые могли бы откровенно обозначить эту сферу жизни – и вместе с тем не нарушать речевой этики, остаться в границах литературного приличия?

Запрет на обсуждение бранных слов уже давно снят... Но творчески, т.е. в плане создания иного экспрессивного слоя эротического языка, этот вопрос не обсуждался. Эта статья предлагает для введения в русский язык ряд слов, понятий, выражений, которых могли бы заполнить существенные пробелы в любовной лексике, как стилевая альтернатива и книжным заимствованиям из иностранных языков, и нашему коренному сквернословию. Бросить вызов мату невозможно сочинением «из ничего» новых, небывалых слов, которые, конечно же, никогда не привьются. Мы попытаемся задействовать те древнейшие индоевропейские и общеславянские слои языка, которые залегают глубже и не менее органичны для русского языка, чем матерщина. Речь пойдет о славянских и индоевропейских корнях «яр» и «ём» и их производных, которые откровенно обозначают половые признаки и действия и вместе с тем могут прилично употребляться и в литературе, и в разговоре, поскольку они стилистически нейтрально обозначают ту сферу человеческих отношений, которая покрывается матерными корнями «х...», «п...» и «е...»

Я вполне отдаю себе отчет в экспериментальности предлагаемых моделей словообразования и не рассчитываю на их немедленное и повсеместное

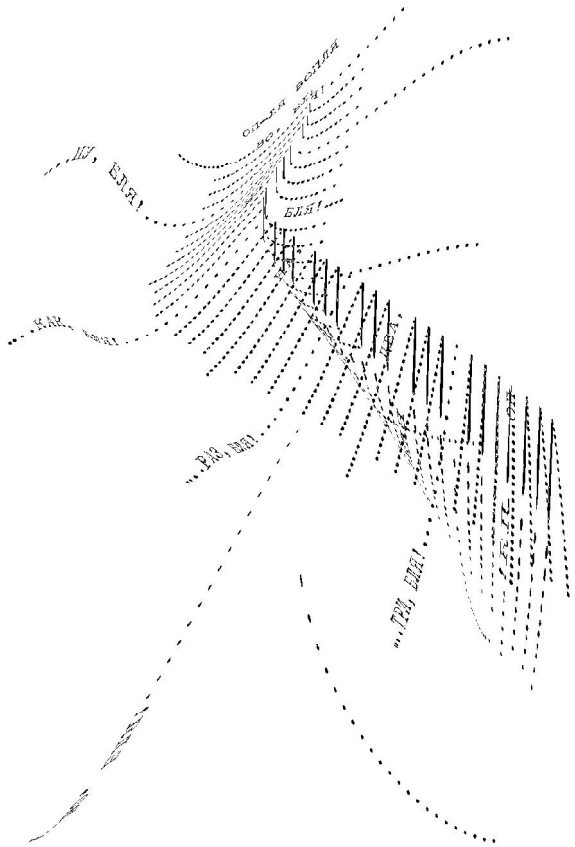
введение в язык. Но важна сама работа по расширению лексической системы современного русского языка, творческому освоению его стилистических и экспрессивных возможностей. В обществе есть спрос на новую любовную лексику – словарь любовного воодушевления, порыва, порождения, народного выживания и приумножения. Пусть на этот спрос последует множество предложений – язык сам разберется, что ему взять, что отбросить, а что сохранить про запас. В конце концов, язык – это не материальная сумма лексических единиц, а воздух смысловых возможностей, которые растут с каждым предложенным, пусть даже и не принятым словом. Язык нуждается в словотворческих гипотезах и инициативах не менее, чем наука – в безумных идеях.

Далее приводится два словообразовательных гнезда с корнями мужского и женского действия -яр– и –ём-: краткие историко-лингвистические справки, словарные определения и речевые примеры, показывающие возможности употребления данного слова в разнообразных контекстах: от бытового до научного, от реалистической прозы до философского трактата.

ЯР

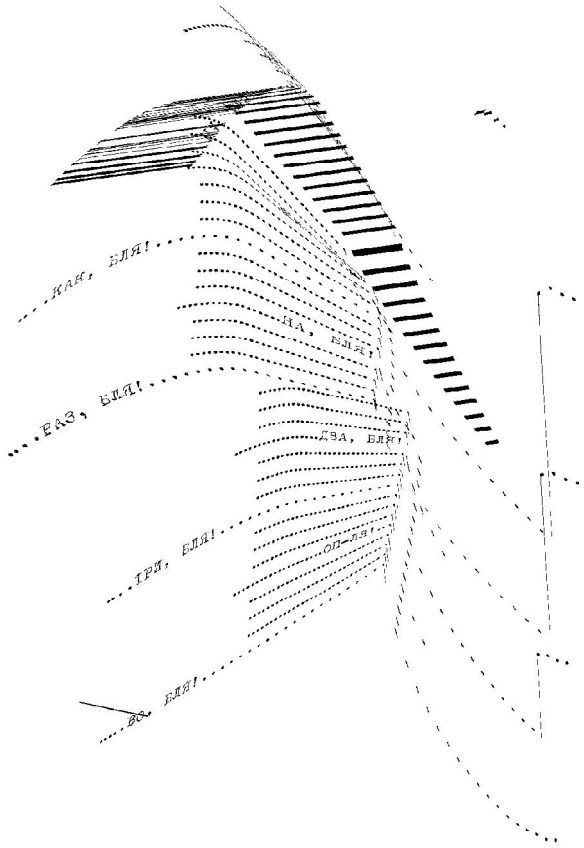
Слова с корнем «яр» происходят от индоевропейской основы «jar» («ier») – «год, весна» (ср. англ. «year», нем. «Jahr»), из которой сначала развилось значение «весенний, теплый, горячий»; отсюда «яровой» – весенний, посеянный весною. Древний славянский бог плодородия назывался Ярилой: от него ярится земля и все живое. «Вероятно, образ Ярилы возник из совокупности весенних обрядов, названия которых, включающие корень jar, были позднее восприняты как эпитеты бога» {5}. Отсюда следует, что сам образ Ярилы, возможно, имеет языковое происхождение, как корень, который был извлечен из ряда родственных слов и приобрел не только самостоятельное значение, но и воображаемое бытие за пределами языка: произошла не только тематизация и лексикализация корня, но и персонификация заключенного в нем первообраза. На этой синкретической стадии возникает и слово «ярый», которое означает «огненный», «пылкий», «горячий», «кипучий», «рьяный», «ретивый», «неистовый», «безудержный». Это свойство может проявляться и в любовном притяжении – и в гневливом отталкивании; ср. сходное соотношение: «пылкий» (страстный) – и «вспыльчивый» (легко гневающийся). Семантически раздвоившись (энантиосемия), корень «-яр-», приобрел со временем два противоположных значения: пылкой страсти, влечения, вожделения – и пылкого гнева, озлобления, лютости.

Основные лексические и морфологические ответвления корня «-яр-» закрепились в русском языке со значением «гнева», что, скорее всего, отражает многовековый уклад средневекового авторитарно-милитарного государства. Любовно-эротические смыслы были слабо выражены, что нашло отражение в языковой практике и в словарях. Так, у В. Даля в толковании слов «ярость, яризна» существенно преобладают слова отрицательного ряда, синонимически обозначающие гнев: «сильный гнев, озлобленье, лютость, зверство, неистовство»; «порыв силы бессмысленной, стихийной»; и приводится только один синоним в значении «похоть».



В современном языке среди производных корня -яр– сохранились почти исключительно лексемы со значением «гнев»: «ярость», «яростный», «яриться», «разъярить», «разъяриться», «разъяренный», «взъярить», «взъяренный». Только слово «ярый», законсервированное в книжной, возвышенной лексике, сохранило свою начальную двузначность («ярый враг, противник» – «ярый патриот, поклонник»). В слове «яркий» исходное «весеннее» значение сохранилось, перейдя в обозначение света и цвета («сияющий, солнечный, ослепительный»), т.е. покинуло область обрядов плодородия и перешло в область зримо-световую (так сказать, от Диониса к Аполлону, из-под покровительства бога весны и любовной страсти в ведомство бога солнца и изящного искусства). Исконное значение корня – яр– еще отчасти восстанавливается и в таких редких словах, как «наяривать» (делать что-то с особой энергией, азартом, увлечением), «заяривать» (играть, петь быстро и с увлечением). Знаменательно, что два последние слова относятся преимущественно к музыкальному исполнению («наяривать на гармони», «заяривать песню»), где первичное, «ярильное» значение этого корня удержалось лишь по отношению к музыке как выразительному, «дионисийскому» искусству.

Не пришло ли наконец время исправить многовековой крен языковой системы (и растущей из нее культуры) в сторону отрицательных эмоций, развить



из того же древнего корня исконные положительные смыслы: любовь, страсть, плодородие, детородие? Необходимо найти стилистически нейтральные, облагороженные мифо-поэтической традицией способы обозначения того, что в массовом просторечии обозначается непристойно и бранно.

Кое-где народный язык удержал исконный смысл корня –яр– и в значении мужеской силы. Вот фольклорная загадка, где глагол «ярить» сохраняет эротический смысл и преемственность с именем бога Ярилы (хотя и только в форме иносказания):

Вышел Ярилко
Из задней избушки,
Стал бабу ярить:
По шерсти, по персти,
Поперек шерсти.
Ярил да ярил,
Да наярил добро.

Отгадка: печь чистят помелом {6}.

Не только фольклор, но и литература порой возрождают первичный «ярильный» смысл этого корня. Важную роль в этом возрождении сыграл Сергей Городецкий, выпустивший в 1906 г. книгу стихов «Ярь». Заглавное слово означает производительную мощь жизни, радость весеннего сева. От этого корня у Городецкого ветвятся глагольные образования: ярить, яриться, заяриться, яровать:

«Ярила, Ярила, / Высокий Ярила, /Твои мы./ Яри нас, яри нас/ Очима. Конь в поле ярится, /Уж князь заярится,/ Прискаче./ Прискаче, поиме/Любую./ Ярила, Ярила,/ Ярую!/Ярила, Ярила,/Твоя я!/ Яри мя, яри мя, /Очима/ Сверкая!» («Славят Ярилу», 1905).

Восстановление первичного значения корня –яр– можно отметить и у Исаака Бабеля в рассказе «Исусов грех»: «Вода текет, звезда сияет, мужик ярится. Произошла Арина в другой раз в интересное положение...» Так фольклорная традиция и литературная интуиция подводят нас к возможности возрождения этого корня и в языке.

яр – мужское естество, производительная сила; детородный член; мужеское начало мироздания; сильный, любвеобильный, властный мужчина.

Слово «яр» в значении «мужского достоинства» соотносится со всем комплексом славянских мифопоэтических представлений о Яриле, о весенних обрядах плодородия – ярения. В этом значении слово «яр» происходит от индоевропейского корня «jar» и не имеет ничего общего с «яр» – названием оврага, обрыва, гораздо заимствованным из тюркских языков.

Далее я привожу речевые примеры; ударные гласные в заглавных словах выделяются прописной буквой. Моя задача в этих примерах не выразить какую-то мысль или мнение, а обозначить наиболее характерные ситуации и контексты использования данных слов.

«Ты своим яром иди землю пахать, а девок моих не трожь», – закричал Кузьма, увидев, что Вовка опять шастает вокруг его дома, кого-то выглядывает.

«А вот и Яр Иванович к нам, собственной персоной, – заворковала Людмила. – Показался наконец, долгожданный гость. Что же он у нас такой скучный? Сейчас мы его развеселим».

«Хорошее, крутое слово «яр», – восхищался Аникин, перелистывая древнюю книгу. – И жар в нем звучит, и дар, и удар... Во всех смыслах подходит инструменту наших страстей: во-первых, ярок, наливается цветом, как «весна-красна»; во-вторых, яриться, буйствует, как природа весной; в-третьих, яростен, лютует против всяких преград и страшен во гневе...»

*

Ярить (с ударением на первом слоге, как в словах «парить», «жарить») – плотски любить, обладать, вступать в половую близость; действовать и/или воздействовать (на кого/что) яро, пылко, страстно, с напором, воодушевлением.

Глагол «Ярить» по значению противоположен глаголу «ярИть» (приводить в ярость, сердить, злить, возмущать). Например, «Ярить возлюбленную» – «ярИть соперника».

Солнце парит,
Землю ярит.

Только начал постоялец ярить добрую хозяйку, как вдруг стук в дверь: хозяин вернулся.

«Если бьёт, значит любит» – это вздор. Меня муж до старости ярил, а ни разу не ударил. Того же и молодым желаю. Захожу в сарай – а там твой Колька нашу Нинку ярит. Увидели меня – и хоть бы одернулись, бесстыжие.

В расширительном значении ярить – действовать яро, круто, энергично, напористо, решительно, вплоть до применения насилия; «бить», «громить, «сокрушать»; указывает на отношения не только мужчины и женщины, но и власти и народа, начальников и подчиненных.

Помните, как лихо мы ярили врагов в Отечественных войнах?

Наши власти любят народ только во время выборов, а в промежутке они его ярят со страшной силой.

*

отъЯрить – отлюбить, «отделать», довести до конца действие «ярить».

Бывало, муж отъярит ее, повернется к стенке и захрапит, а она долго еще перебирает в памяти начало их любви и не может понять, куда и почему все исчезло.

заЯрить – войти или вовлечь в половое общение, овладеть.

Ты смотри невзначай Тоньку не заярь: ей еще нет шестнадцати, могут быть серьезные последствия.

Яриться (глагол возвратно-взаимного действия от «ярить») – соединяться, плотски любить друг друга.

Эх, Тима, – вздохнула Глаша. – Тебе бы только яриться. Ты хоть знаешь, что такое любовь? Цветов ни разу мне не дарил.

Деревенские прибаутки:

Пшонка варится,
А женка ярится.

Тот не старится,
Кто много ярится.

*

Ярщик – сильный самец, хороший любовник.

У Степана была слава лютого ярщика... Будто за одну ночь он мог отъярить несколько женщин…

«Прям физик-ядерщик... – фыркнула Тамара. – А попробуй выйди с ним в коридор. Просто нахал и ярщик».

Ярик – уменьшительное, с ироническим или презрительным оттенком, название яра; фривольное обозначение мужчины, дружка, «полюбовника».

Эй, Нюра, тебе ярик звонил. – Как зовут? – Я и не расслышала, то ли Юрик, то ли Шурик. Одним словом, ярик.

В переносном смысле – юркий, суетливый мужчина; мелкий чиновник.

Вертятся вокруг нее всякие ярики, а она баба дородная, ей нужен настоящий яр, не залежный.

Кто же дело мое может решить? – А ты поезжай в город Ярск, обойди всех яриков по цепочке, найди самого главного Яра, вот он твое дело и решит.

ярИльня (ср. «парильня», «давильня») – бурная любовная жизнь; место, дом, где происходят свидания.

Ты еще не устал? Каждую ночь пропадаешь, приходишь только под утро, еле стоишь на ногах. Когда же кончится эта ярильня?

Говорят, в Подмосковье для начальников построили специальную базу отдыха. Баня, массаж... Одним словом - ярильня.

Яристый, яровИтый – способный ярить, обильный ярью, жизнетворный, зачинательный; в переносном смысле: задорный, буйный, искрометный.

Иван – яристый хлопец, девки от него млеют.

Хорошая, яристая книга. Есть в ней цветистость слога, буйство воображения.

Ты не заглядывайся на лицо, а смотри в самый корень. Яровитого выбирай.

крутоЯр, тугоЯр, быстроЯр, тихоЯр – характеристики мужчины по особенностям его поведения, в соответствии со значением первого корня.

Не знаю, как мне быть с моим крутояром. Всю ночь бесится, а наутро мне на работу идти. Темные круги под глазами, даже пудра не помогает.

Муж у меня тихояр, но, как говорится, тише едешь – дальше будешь. У нас уже двое: мальчик и девочка.

крутоЯрый, тугоЯрый, быстроЯрый, тихоЯрый – прилагательные от тех же существительных.

Примечания

1. Не вдаваясь в историю мата, отмечу лишь его укорененность в российском речевом обиходе. Так, немец Олеарий с возмущением сообщает в своей книге «Описание путешествия в Московию…» (1656), что «не только взрослые и старые, но и малые дети, еще не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах ебу твою мать, и говорят это родители детям, а дети родителям…» (СПб., 1906, С.187).

2. С. Н. Булгаков. На пиру богов (1918), в его Соч. в 2 тт., т. 2. М.: Наука, 1993, С. 594. Материализм в паре с атеизмом есть не что иное, как бессознательная проекция Эдипова комплекса: стремление сына отнять мать у Отца, умертвив последнего или объявив его мертвым, отчего любовь к такому отцу и есть «труположество» (В. Ленин). Но о том же – и основная формула мата: повеление сыну войти в лоно собственной матери. Подробнее о матерных корнях материализма см. Эдипов комплекс советской цивилизации, в кн. Михаил Эпштейн. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006, С. 388-408.

3. Ю. Левин. Об обсценных выражениях русского языка, в кн. Анти-мир русской культуры. Сост. Н. Богомолов. М., «Ладомир», 1996, С. 119.

4. Игорь Шевелев. Год одиночества, М., 2002, фр. 45 [без указания издательства и пагинации].

5. Мифы народов мира, Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1982, т. 2, с. 687.

6. Русский эротический фольклор. М.: НИЦ Ладомир, 1995, стр. 407.

Евгений Лесин

* * *

Она летит. Спокойно, одиноко.
Вокруг цветы и дикий птичий свист.
За ней с сачком какой-нибудь Набоков.
Порнограф, энтомолог, шахматист.

На улицах и в парках много тела.
И улицы имеют летний вид.
Пока еще душа не отлетела,
Следи за тем, как бабочка летит.

Ведь так и мы. То бегаем, тоскуя
По рюмочным, бистро и по пивным.
А то летим, беспечно крылышкуя.
А то и мирной гусеницей спим.

* * *

Наводнения, войны, пожары.
Ими наполнен весь белый свет.
И к тому же. Я уже старый,
А жизни как не было, так и нет.

* * *

Все хорошо в ней. И добрый нрав.
И ума - палаты, хоромы .
Тот, кто не любит ее - не прав.
Так говорят, все, кто ней знакомы.

Она вяжет лыко и вяжет носки
И еще детишкам фуфайки.
У нее есть груди, а там соски.
Лучше нет на свете хозяйки

Она лижет жопу, сосет хуи.
И бесстрашно прыгает с парашютом.
Она училась с одним в МАИ.
А с другим ходила красть по каютам.

А с ней она лежала во рву.
А с той в Крыму ебалась с грузином.
А еще она курила траву.
А тебя, дурак, наградила сыном

И триппером тоже. Правда, потом.
А может, и раньше. Не так уж важно.
И ничего не важно. И счастье в том,
Что все на свете дерьмо и лажа.

А ты живешь хоть лажа вокруг.
И жизнь ушла и даже не приходила.
Не спи, скотина, налей-ка, друг.
И пусть нас годы ебут без мыла.

Ебут без мыла и без ветрил.
На небо путь не долог, но труден.
Она живет с мудилою из мудил.
И ты живешь с паскудою из паскудин.

* * *

Весь мир – театр смешных военных действий.
И люди в нем мишени и товары.
Москва горит без пагубных последствий.
А жизни нет. Одни аксессуары.

* * *

Явилась баба злая
Компьютер мой ломать.
Компьютер починяя,
Решил я разобрать

Его на части рьяно.
Отвертку поискал.
Так нет четырехгранной!
И я затосковал.

Пошел я за отверткой.
Купил я огурцов.
Еще черешни с водкой
И банку голубцов.

Конечно – помидоры
И квасу литра два.
Зеленые просторы!
Счастливая Москва!

Лежу в обнимку с водкой,
Смеюся что есть сил:
Ведь я простой отверткой
Компьютер развинтил.

Все части перепутал
И внутрь наблевал.
И славный мой компьютер
Довольно заурчал…

* * *

Большая самка комара
Меня кусает сладострастно.
Напрасно, милая, напрасно.
Тебе домой давно пора.

Я по-хорошему прошу.
Так что же ты не улетаешь?
Давай лети, а то ведь, знаешь,
Тебя я тоже укушу.

А.М.

Сегодня не пустили на гей-парад.
Что, мол, вы там забыли?
Значит, завтра и гой-парад запретят.
Да уже запретили.

Повсюду одни лишь трупы собак.
И кошки завыли в храме.
Какой-то полный Архипелаг Голяк.
К кому бежать теперь? К далай-ламе?

Что он нам скажет? Привет, медвед.
Ну, еще: ути-пути.
А тут ни котлет, ни конфет, один винегрет
Из самой сути.

А суть ускользает. Ведь жизнь прожить
Проще, чем перейти поле.
Черти не будут в котлах воду солить.
А как вариться без соли?

Сегодня не пустили не гей-парад.
Завтра отменят парад Победы.
Да уже отменили. И всякий рад,
Что уступили квартиры деды.

Что уступили места в метро
И на платных парковках.
Кто там несет с бензином ведро?
Не надо. Вон в поллитровках

Давно уже спирт разбавлен водой.
И бабы «побрили пелотку».
Если ты, как и я, не гей и не гой,
Сиди, как и я, пей водку.

* * *

Лапы здесь, а глаза как нездешние.
Обострение, видать, по весне.
Что ты тянешь свою одуревшую
И лохматую морду ко мне?

Свою длинную морду косматую.
Что колотишь хвостом по стене?
Что ты тянешь свою бесноватую
И счастливую морду ко мне?

* * *

Девка яростно скребет по сковородке.
По тефлоновой. Дощечкою скребет.
Так скребет, что разлетаются ошметки.
Так ножом ее никто не раздерет.

Девка яростно скребет и корчит рожи.
И вопит, еды кусочками плюясь.
Я сижу напротив, я хороший,
Только жизнь моя не очень задалась.

Глеб Коломиец

Тема договора в произведениях маркиза де Сада. Философский аспект.

Иллюстрации *Обри Бердслея*

Волею судеб двадцатый век ознаменовался небывалым разгулом насилия. Крупномасштабные войны, оружие массового уничтожения, репрессии тоталитарных систем, терроризм – все эти явления отмечены жестокостью и деструктивностью. Это – насилие реальное, вовлекающее реальных людей, их жизни и смерти. Сей плачевный опыт во многом определяет и культуру двадцатого века. Писатели, поэты, философы и ученые попадают под гипнотизирующее влияние темы жестокости, доминирования. Объектом пристального внимания человечества становится основной теоретик насилия – маркиз де Сад. Разгорается яростная полемика, виднейшие деятели науки, культуры и искусства посвящают ему свои работы. Альбер Камю, Сальвадор Дали, Пьер Пазолини, Ролан Барт, Зигмунд Фрейд – авторы многочисленных работ о «божественном маркизе». Если рассматривать культуру двадцатого века через призму темы насилия, создается впечатление, что почти любой её продукт прямо или косвенно апеллирует к де Саду.

В двадцать первом веке насилие мигрирует из реальности в виртуальность и монолитно встраивается в костяк массовой культуры. Широко распространены анекдоты о садистах и мазохистах, культовый статус обретает мультсериал «Южный Парк», в каждой из серий которого мучительной смертью умирает персонаж по имени Кенни. А число поклонников компьютерных игр ярко выраженного садистского содержания (таких как GTA, Carmageddon, Postal, Worms и др. {1}) исчисляется сотнями миллионов. От абстрактного убийства абстрактных монстров, столь популярного в начале девяностых, игроки переходят к конкретному убийству вполне конкретных пешеходов, полицейских, животных, домохозяек. Число орудий убийства весьма впечатляюще, его способы крайне многообразны: даже простые канцелярские ножницы или лопата могут послужить этой цели (Postal 2), но это не предел, наивно-мультяшные Worms предлагают более 40 способов уничтожения червяков – от бейсбольной биты до напалма.

То же и в кино. Количество убийств героического Нео из «Матрицы» за все три фильма трудно исчислимо, декалитры крови вытекают из сотен жертв героини фильма «Убить Билла», в экранизации жизнеутверждающего морализаторского эпоса «Властелин Колец» находится место отрубленным головам и зверским пыткам, а гиперреалистичное истязание Иисуса в «Страстях Христовых» заставляет содрогнуться даже ярых поклонников Postal 2.

Насилие в современной массовой культуре максимально конкретизировано. Самые ужасающие подробности демонстрируются ярко и открыто. В двадцать первом веке насилие проявляется во многом благодаря частностям, отличается изощренностью, массовостью, по преимуществу виртуально или гиперреально. Поразительное сходство с произведениями де Сада! К примеру, Ролан Барт постулирует виртуальность происходящего в произведениях Де Сада {2} , Морис Бланшо размышляет о многочисленности его жертв {3} , а о изощренности его преступлений красноречиво повествует критик Жюль Жанен ещё в 1834 году {4} . Таким образом, насилие, фигурирующее в современной культуре представляется нам прямым наследником садического насилия, его близнецом.

Именно это поразительное сходство призывает

нас вернуться к исследованию творчества де Сада и начать дело, не вышедшее за временные рамки 1940-60х годов и географические границы Франции, заново.

Договор – Пространство – Мировоззрение.

Тот факт, что творчество Сада охвачено практически всеми областями науки и искусства не может не привлечь внимания. Действительно, Сад и садизм исследуется не только философией и литературоведением, но и судебной медициной, психиатрией, психоанализом, психологией, социологией, культурологией, юриспруденцией – список можно продолжать. Напрашивается закономерный вывод – де Сад сумел создать всеобъемлющий дискурс, завершенную антропологическую модель, а иными словами, выработал качественно новое мировоззрение.

Как выразился французский философ-постмодернист Жиль Делез: «…Сад и Мазох являются также и великими антропологами, подобно всем тем, кто умеет вовлекать в свой труд некую целостную концепцию человека, культуры, природы…» {5} .

Эта антропологическая система не просто пронизывает все сферы человеческой жизни, она по характеру революционна и знаменует своим появлением начало эпохи модерн в Европе {6} .

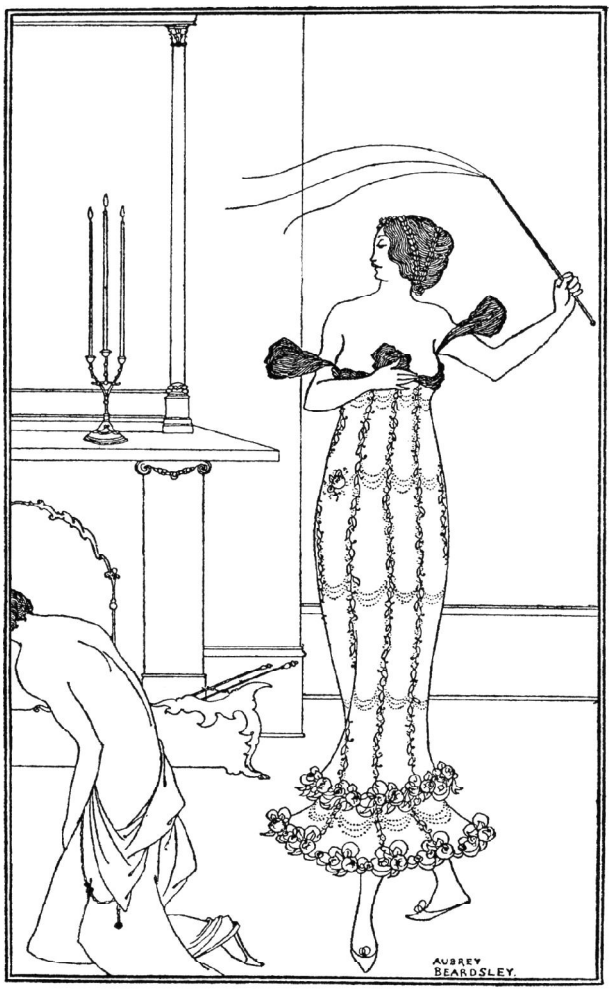
Каким же образом маркиз де Сад создает своё мировоззрение? В книгах Сада действие развивается постепенно. Автор, как опытный экскурсовод, проводит читателя по залам, подвалам, паркам, монастырям, показывая все большее и большее зло. Сад вводит в зло вертикальную иерархию и ведет своего читателя от «невинных» лесбийских утех до самых жестоких преступлений, где жертвами его злокозненных персонажей становятся сотни и даже тысячи невинных людей. В комментариях С. Козлова к эссе Ролана Барта «Сад – I» читаем: «Величие Сада <…> в изобретении безбрежного дискурса, основанного на своих собственных повторах» {7} . Действительно, многочисленные эротические сцены у Сада построены по одному и тому же плану. Будто бы одно и то же абсолютное, метафизическое преступление, постоянно видоизменяясь, гримируясь, предстает перед читателем. Меняются действующие лица, обстановка, качество и количество жертв, но смысл описываемого остается один и тот же – творится зло.

Использована фотография Влада Гансовского (vladgans@mail.ru)

В письме де Сада к его жене Рене-Пелажи Монтрей читаем: «Да, я распутник и признаюсь в этом, я постиг все, что можно было постичь в этой области, но я, конечно, не сделал всего того, что постиг, и, конечно, не сделаю никогда» {8} . Де Сад постигает преступление умозрительно, его творчество во многом – интеллектуальный эксперимент. А для проведения эксперимента желательно наличие предсказуемых, приближенных к идеальным, условий. Де Сад стремиться поместить свою мысль и своих персонажей в такую среду, где его эксперимент будет укрыт от вмешательства любой случайности, любых внешних сил. В описываемых де Садом ситуациях нет случайных людей – только либертены и их жертвы. И место при проведений манчей {9} выбирается соответствующее. Самый яркий пример - неприступный замок Силлинг из «120 дней Содома», герметически изолированный его хозяином Дюрсе: «… он велел замуровать все двери, через которые проникали во двор и, вообще, все возможные выходы, превратив замок в подобие

осажденной крепости. Не осталось ни щелочки ни для врагов, ни для дезертиров» {10} .

Многие исследователи отмечают эту страсть либертенов к изоляции. {11} Таким образом, садический эксперимент может произойти только в строго заданных условиях, и это наводит нас на мысль существования особого, виртуального по форме и содержанию садического пространства. Это пространство целиком находится в литературе, описано литературным языком и мнимо открыто для посещений. Однако, Де Сад открывает доступ в свою вотчину далеко не каждому. Туда попадают только либертены, их жертвы и… читатель. Причем, далеко не каждый читатель – а только тот, кто принимает приглашение божественного маркиза. Только тот, кто соглашается с законами садического пространства и продолжает читать несмотря ни на что, пребывает в садическом пространстве и может стать свидетелем все новых и новых сцен, окончательно постичь философию либертинажа. Иначе, всякий смысл чтения пропадает – комплексное модернистское мировоззрение де Сада может быть воспринято только во всей его полноте и никак иначе. Маркиз оказывается намного прозорливее других литераторов – он делает прочтение своих произведений до конца обязанностью читателя. Де Сад не вступает с



читателем в диалог, он заключает сделку {12} .

Итак, мировоззрение Сада возникает только в рамках садического пространства и во многом определяется его виртуальностью. Однако, и «физика» пространства строго детерминирована. Её законы задаются неким всеобъемлющим договором, который первичен по отношению к пространству и пронизывает его на многих уровнях. Проведение манчей тщательно продумывается, разрабатывается план действий, который удовлетворит всех его участников. Либертены заранее сговариваются между собой и в ходе оргии ограничивают «чрезмерные» действия друг друга {13} . Все условия прописаны самым тщательным образом. Все участники, способы получения удовольствий, их спектр, количество и качество обладают строго определенными, причем, определенными заранее свойствами.

Таким образом, договор представляется нам особым кодом, задающим садическое пространство, а через него и садическое мировоззрение.

Три перечисленных уровня связаны между собой общим моментом – удовольствием. Это некое топливо, которым питается садический мир. Договор призван строго определить смысл удовольствия и разделить наслаждение между участниками манча сообразно их возможностям и потребностям.

Первым удовольствием, запускающим каскад многочисленных экспериментов Сада, является наслаждение изоляцией, которое Ролан Барт описывает следующим образом: «либертенское одиночество — это не только практическая предосторожность; это и некая самостоятельная ценность существования, некое наслаждение бытием» {14} .

Итак, мы установили, что в садовских произведениях динамика формирования смысла задается следующим образом: договор – пространство – мировоззрение. Теперь займемся исследованием самого договора.

Сговор агрессоров. Функции договора. Его особенности.

Договор формирует садическое пространство; такая роль подразумевает и особую его форму. Текст, создающий выдуманный мир, некое виртуальное пространство, принято называть литературным. Поэтому сам договор глубоко литературен, и имеет два полюса или два уровня. Это сговор либертенов и сделка де Сада с читателем. Первый, глубинный договор, реализуется целиком в пространстве литературы, в самой такни повествования. Именно он играет ключевую роль в развертывании садического пространства и мировоззрения.

Наиболее удачно эволюция садического пространства прослеживается в произведении «Жюльетта». В этой книге скрупулезно описывается становление либертена.

Жюльетта постоянно вступает в договорные отношения. Этот сговор агрессоров, злодейский пакт либертенов формирует содержание садического пространства, дает «входной билет» в каждый новый эротический фантазм де Сада. Другая его функция – функция своеобразной разделительной черты. Как только Жюльетта заключает договор с новым либертеном, её многочисленные преступления обретают новый смысл и масштаб. Между двумя договорами Де Сад приводит определенный корпус философских диалогов. Уровень дискуссии постоянно варьируется, возникают новые аспекты, новые темы, новая аргументация. Каждый из учителей Жюльетты предлагает собственную картину мира, своё обоснование жестокости и атеизма. Однако, не каждый годится в наставники юной либертине.

Маркизу Да Саду «...не давал покоя образ интегрального человека с полиморфной чувствительностью» {15} . На протяжении многих страниц своих произведений он пытается не только описать «нового» человека, но и предложить практику становления подобного ego. По сути, литературный эксперимент де Сада служит именно этой цели. Однако, отрицая равенство между людьми, («Там, где люди будут равными, где не будет существовать различий, - никогда не будет существовать счастья» {16}) он делает роль либертена элитарной.

Садический договор заключается между определенным количеством либертенов. Эти литературные персонажи не случайно наделяются схожими чертами, они даже внешне во многом схожи. Это связано с тем, что автор предъявляет жесткие требования к своим персонажам. Ролан Барт описывает характеристики либертена следующим образом: возраст не менее 35 лет, отталкивающая внеш-

ность, высокий социально-экономический статус, остроумие, высокий уровень интеллекта, развитая фантазия {17} . Садический договор заключается только между такими личностями. Жюльетта входит в эти пакты на льготных условиях ввиду своего юного возраста и статуса ученицы.

Таким образом, садический договор элитарен по сути своей. Построить свои взаимоотношения по садическому принципу могут только либертены – участники договора «комплементарны» его структуре. «Общество Сада по сути состоит из весьма малого числа всемогущих людей, у которых оказалось достаточно энергии, чтобы возвыситься над законами и над предубеждениями, чувствующих себя достойными природы из-за тех отклонений, которые она в них заложила и которые всеми средствами ищут своего утоления» {18} .

Такой симбиоз обоснован необходимостью формирования садического пространства со строго заданными параметрами; он направлен на исключение любых случайностей потенциально опасных для становления «полиморфного человека».

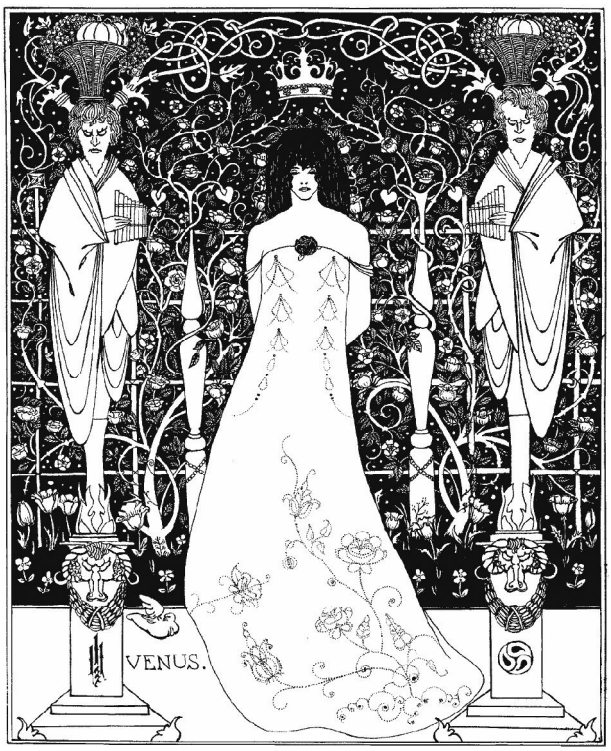
Садический договор – весьма объемный документ. Он заполняет собой произведения де Сада целиком. Договор предписывает либертенам определенную диету, режим дня, форму одежды и др. {19} Все сцены, позиции, диалоги и монологи описываются точно, подробно и требуют от читателя постоянной капитуляции – иначе книга захлопывается, и тайна садического мировоззрения остается неоткрытой {20} . Таким образом, мы можем утверждать, что и язык произведения Сада – язык договора. В этой лингвистической структуре возникает необычное изобразительное средство – повтор. Повествование де Сада состоит из различных структурных субъединиц, число которых строго ограничено, а значит, повторы неизбежны. Все эротические сцены, предстающие перед читателем, по сути, одна и та же сцена, варьируемая на разные лады {21} . Одна и та же ситуация подвержена бесконечному размножению, накоплению, мутации. Оценивая структуру подобного построения, мы не можем не отметить аналогию с биологической жизнью. Точно также делится клетка, размножаются живые организмы, происходит эволюция видов. Задолго до открытия генетики де Сад интуитивно постиг основные её принципы и создал дискурс, заданный законами биологии. Виртуальное садическое пространство де Сада это, по сути, литературный, виртуальный аналог жизни!

Если распространить эту аналогию на договор, то выясняется, что он, задавая первичные условия садического пространства, для садической «жизни» выполняет функцию молекулы ДНК, универсального носителя информации, подверженного спонтанному изменению – мутации. Такая необычная композиция произведения представляется нам необходимым условием для формирования качественного нового, модернистского мировоззрения.

Биологическая эволюция не всегда планомерна и поступательна, в ней есть место и скачкообразному, революционному развитию. В дискурсе де Сада предусмотрена и такая возможность. Определяющим условием садического договора является необходимость его нарушения. Либертены постоянно провоцируют друг друга на предательство. Жюльетта, предавая своих соратников, заключает новые договоры со все более могущественными либертенами. Её либертинаж постоянно разрастается вширь и вглубь. Каждый новый сообщник обеспечивает ей более широкий спектр возможностей получения удовольствия и философской аргументации. Ареал её обитания постоянно расширяется, происходит не только количественное, но и качественное изменение. В бесконечном стремлении к абсолютному преступлению {22} , происходит не только накопление преступлений, но и эволюция греха, его постоянное отягчение.

В антропологическом смысле, такой тип развития необходим для обретения индивидуумом статуса «суверенного человека», обеспечение максимальной внутренней свободы. Подробно этот процесс описан в эссе Мориса Бланшо «Сад» {23} , к коему мы отсылаем любопытствующих.

Договор де Сада с читателем производит отбор цензоров, попадающих в садическое пространство, но это лишь поверхностная его функция. Жиль Делез определяет воздействие на читателя повторов, характеризующих садическое пространство, следующим образом: «накопление и ускорение, имеющие место в повторении, побуждают нас, скорее, перейти на сторону палачей, отождествиться с садистским палачом» {24} . Это одно из важнейших условий договора де Сада с читателем – требование постоянно отождествлять себя с либертеном, не только представлять себе описываемые автором эротические сцены, но и проживать их. Не только содержание произведений де Сада вызывает у читателя столь ярковыраженную реакцию, сам язык божественного маркиза принуждает читателя к этому. Строгая необходимость присутствия в садиче-



ском пространстве читателя, казалось бы, невыгодного автору свидетеля и обличителя, имеет под собой глубинную основу. Отметим, что далеко не всякий читатель готов заключит сделку с таким «неустанным злодеем», тем паче, согласится отождествлять себя со столь отталкивающей личностью, как либертен. Нагнетая атмосферу манча, измышляя невероятные сексуальные акты, маркиз де Сад проводить столь же строгий отбор читателя, каким был отбор либертенов. С таких позиций произведения Де Сада представляются элитарным чтением, предназначенным для узкого круга лиц. Маркиз четко представляет себе своего читателя и постоянно обращается к нему в сносках, комментариях, в самом тексте. Эти обращения – в подавляющем большинстве провокационного характера {25} - призваны испытать волю читателя, проверить его готовность продолжать чтение. Читатель де Сада, по мнению самого маркиза, человек, обладающий хорошим вкусом и стремлением к истине. В этом отношении показателен завершающий абзац «Жюльетты»: «Эта уникальная в своем роде, эта замечательная женщина скончалась, не оставив никаких записей о событиях, случившихся с ней в последнее десятилетие, поэтому ни один писатель не сможет поведать о них миру. Если же кто-то дерзкий все же осмелится на такое предприятие, он предложит нам чистейший вымысел вместо действительности, а между ними существует огромная разница в глазах людей, обладающих вкусом, тем паче в глазах тех, кто с интересом и приятностию прочитал это произведение» {26} .

Призывы к читателю, провокации, даже намеренное запугивание, попытки вызвать отвращение – всё это необходимо автору с целью отбора среди читателей лиц, обладающих достаточной подвижностью интеллектуальной сферы, а также с целью расшатать устои классического мировоззрения, закрепившиеся в личности индивидуума. Таким образом, договор де Сада с читателем, действуя на языковом уровне, подрывает укоренившиеся языковые схемы, создает некий антипод литературного языка {27} , язык, обладающий достаточной для подрыва классического мышления разрушительной силой.

Пользуясь методом, присущим «воспитательному роману», де Сад подрывает мировоззрение читателя изнутри, что позволяет поставить ему в заслугу изобретение принципов хакерства.

Такой тайный механизм воздействия во многом объясняет страсть маркиза к системе, подробным описаниям и четко заданным условиям. Отсюда и строгость договора: автор не дает обитателям своего пространства ни единой поблажки. Договор заключается по всем пунктам или не заключается вовсе. Таким образом, его работа начинается автоматически, как только читатель начинает читать книгу, а либертен начинает свой либертинаж. Так и действие компьютерного вируса начинается и одновременно становится необратимым, как только запускается файл, его содержащий {28} .

Подведем итоги: в произведениях де Сада тема договора является одной из самых «насущных». Мы имели возможность убедиться в том, что садическое пространство и садическое мировоззрение формируется именно благодаря договору. Эта «цепочка ДНК» задает условия одного из самых уникальных и загадочных дискурсов в мировой культуре и философии. Необычная псевдобиологическая структура этого дискурса формируется благодаря повторам.

Договор действует на двух уровнях: литературном (пакт либертенов) и мировоззренческом (сделка с читателем). Таким образом, задается линия эволюции «суверенного человека» де Сада (и эволюция эта происходит благодаря одному из важнейших условий договора – необходимостью его нарушения), а также формируется язык садического произведения. Язык этот, встраиваясь в мышление читателя, подрывает его изнутри, заставляя читателя отождествлять себя с либертеном и делая его, таким образом, соучастником преступления де Сада.

Такой «хакерский» литературный и философский метод впервые возникает именно в произведениях де Сада, во многом предвосхищая тип мышления наших современников. Сходство виртуального насилия де Сада с насилием, укоренившимся в массовой культуре 21 века, указывает не необходимость пристального изучения творчества маркиза де Сада. Такое исследование может стать ключевым моментом в понимании законов формирования и функционирования современного массового сознания, механизмов взаимодействия масс-медиа и сознания современного человека.

Примечания:

1 Следует отметить, что все перечисленные игры имеют продолжения, подчас многочисленные.

2 «…на каждой странице своих писаний Сад дает нам доказательства своего заведомого "ирреализма": то, что происходит в романах Сада, абсолютно баснословно (в буквальном смысле слова), то есть невозможно…» - Барт Ролан. Сад – I // Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992. С. 209.

3 «…Часто за один сеанс каждый либертен успевает замучить, вырезать четыреста-пятьсот жертв; назавтра он начинает заново; затем, вечером, новая церемония, слегка меняется распорядок, опять царит возбуждение, и гекатомба следует за гекатомбой…» – Бланшо Морис. Сад. // Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992. С. 69

4 «Здесь разводят огонь под котлами, сооружают дыбы, разбивают черепа, сдирают с людей дымящуюся кожу; здесь кричат, сквернословят, богохульствуют, кусаются, вырывают сердце из груди — и это на протяжении двенадцати или пятнадцати томов без перерыва; и это на каждой странице, в каждой строчке, постоянно,— о, какой же неустанный злодей!» (Цит. по: Ерофеев В. В. Маркиз де Сад, садизм и XX век. // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов. М.: Советский писатель, 1990. С. 116.)

5 Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жесткое). // Венера в мехах. Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делез. Представление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме. Пер. с нем. И франц. – М.: РИК «Культура», 1992.

6 См. Швабски Б. Эстетика Мазохизма? – пер. Г. Коломийца // Слова, №3 (2 - 2008). С. 61: «…несмотря на несомненный факт наличия в культуре модерна мазохистских тенденций, эти тенденции не занимают ведущее положение, находятся в подавленном со-

стоянии – основное направление модернизма все-таки садизм».

7 Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992. С. 249.

8 Цит. по: Ерофеев В. В. Маркиз де Сад, садизм и XX век. С. 127.

9 Манч (сленг.) – оргия садомазохизстов. От англ. munch - жевать, чавкать.

10 Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де. 120 дней Содома / Маркиз де Сад [пер. с фр. Е. Храмова]. – Москва: FunBook; Гелиос, 2007. С. 71.

11 См. Барт Р. Сад – I С. 185 : «садическая закрытость — это остервенелая закрытость»; Бланшо М. Сад. С. 49 : «…упование на одиночество земных недр, на таинство подпольного, затворнического существования…».

12 См. Михаил Рыклин. Нетки в зеркалах. // Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992. С. 14 :«Садовская романистика не предполагает вступать в переговоры с читателем, которые ведет нормальная литература».

13 См. например ответ Дельбены на требование Дюкроза предоставить ему задний проход Жюльетты: «Нет, - отвечала Дельбена <…> - Нет, эта часть тела принадлежит Телему, теперь он должен насладиться ею, и я не могу покушаться на его права.» - Маркиз Де Сад. Жюльетта. В 2 т. М.: Производственно-издательская фирма «НИК», 1992. Т. 1. С. 89.

14 Барт Ролан. Сад – I. С. 185.

15 Клоссовски Пьер. Сад и революция. // Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992. С. 27.

16 Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де. 120 дней Содома. С. 212

17 См. Барт. Сад – I. С. 192.

18 Бланшо Морис. Сад. С. 53.

19 См. Ролан Барт. Сад – I С. 190: «Либертен является модельером так же, как он является диетологом, архитектором, декоратором, режиссером и так далее».

20 См. Михаил Рыклин Нетки в зеркалах. С. 12: «… философию Сада невозможно воспроизвести, не вовлекаясь во всю (курсив мой – Г.К.) совокупность делающих ее возможной литературных и паралитературных стратегий. Одно в принципе неотделимо от другого».

21 См., например, Барт Ролан. Сад – I С. 202: «всякая фигура может быть перевернута: так, Бельмор применяет некую комбинацию к девушкам, а Нуарсей варьирует ее, применяя ее к мальчикам ("повернем эту фантазию по-другому"). Но главное в том, что садовская грамматика не знает никаких твердо закрепленных функций (за исключением пытки). В садической сцене все функции переходят от партнера к партнеру, каждый может и должен быть поочередно агентом и пациентом, бичующим и бичуемым, копрофагирующим и копрофагируемым и т.д.»; также у Делеза (Представление Захер-Мазоха): «…постоянно возобновляемый количественный процесс, который умножает фигуры и складывает жертвы, чтобы вновь и вновь пробегать тысячи кругов вечно одинокого рассуждения».

22 Клервиль: "Мне бы хотелось отыскать преступление, которое оказывало бы постоянное действие, даже когда я уже бездействую, так, чтобы в каждое мгновение своей жизни, даже во сне, я была причиной какого-то расстройства, и чтобы расстройство это могло распространиться до такой степени, когда оно сможет повлечь общую порчу или же столь бесповоротный беспорядок, что его воздействие будет еще продолжаться даже и за пределами моей жизни». Цит. По: Маркиз де Сад и XX век. С. 71.

23 См. Маркиз де Сад и XX век. С. 47-88.

24 Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жесткое). С. 212.

25 См Маркиз Де Сад. Жюльетта. Т. 1. С. 58: «Совокупление в зад, дорогие мои, - это один из лучших способов получать наслаждение. Запомните, что предостерегающее вас от этого удовольствия движимы только идиотским предрассудком, а возможно даже, самой черной завистью. А вы, привередливые и гордые жены, мои читательницы, послушайтесь меня, уподобитесь вездесущему Протею, удовлетворяйте своих мужей всеми мыслимыми способами - тогда они будут целиком в вашей власти».

26 Маркиз де Сад. Жюльетта. Т. 2. С. 543.

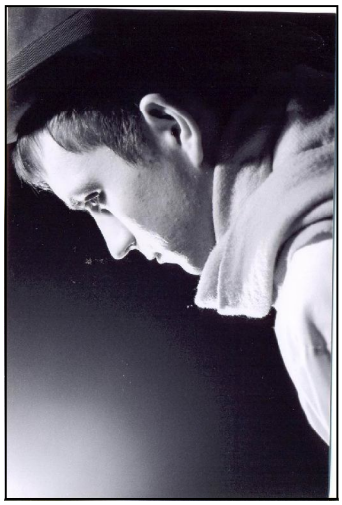
27 «Для письма Сада характерна, можно сказать, нулевая степень стиля; оно практически лишено декоративных амбиций. С одной стороны, оно по видимости уступает диктату разума, жертвуя всеми остальными чувствами в пользу зрения; с другой же стороны, это письмо, вскрывающее изнанку разума, каковой является воплощенное безумие». Михаил Рыклин Нетки в зеркалах. С. 14.

28 В саму суть виртуальности заложена способность её влиять на субъекта: «В сконструированный каким-либо способом образ встраивается обратная связь, которая обеспечивает активное «участие» (субъективное ощущение участия) в развитии «событий» (ощущения событий) этого «мира» (виртуального мира). Причем образ этой вызываемой, а по сути провокатируемой виртуальной реальности (виртуального мира), воспринимается нашими органами чувств как естественно-реальный». Галкин А.И. Философские проблемы виртуальной реальности. // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2004 - №4. С. 6.

Список литературы:

- Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК "Культура", 1992.
- Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов. М.: Советский писатель, 1990.
- Делез Ж. Представление Захер-Мазоха (холодное и жесткое). // Венера в мехах. Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делез. Представление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме. – М.: РИК «Культура», 1992. – 380 с.
- Швабски Барри. Эстетика Мазохизма? Пер. с англ. Г. Коломийца // Слова. – 2008. - №3
- Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де. Жюльетта. М.: Производственно-издательская фирма «НИК», 1992.
- Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де. 120 дней Содома / Маркиз де Сад [пер. с фр. Е. Храмова]. – Москва: FunBook; Гелиос, 2007. – 448 с.
- Галкин А.И. Философские проблемы виртуальной реальности. // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2004 - №4.

пОтРоТ УарУ

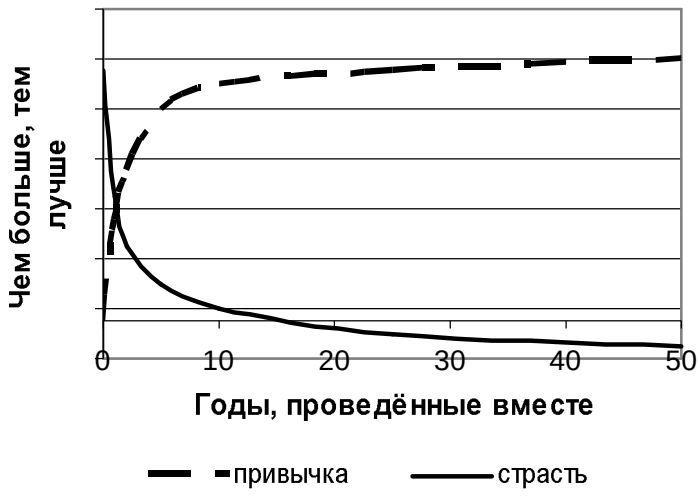


Иллюстрации *Тима Гейза (Австралия)*

принеси, а то всё кончилось
Старичок на остановке поздравляет с днём рожденья
всех. И в том числе автобус и меня.
Я хотел бы быть бесплатным, но внутри меня кондуктор
собирает со всех деньги. Очень жаль.
Ничего, что я железный, ничего, что я по рельсам,
я такой же симпатичный, как и ты.
Электричества побольше – я прославлю все трамваи,
если только не отпустит
меня мама поработать турникетом
в метрополитене.

$$\int_{\text{в первый раз}}^{\text{перед смертью}} sex \cdot dt = \int_{\text{с первого взгляда}}^{\text{пока смерть не разлучит нас}} любовь \cdot dt$$

где sex и любовь – const.
Разобьём общение на такты:
так ты улыбаешься от безысходности;
так ты смеёшься из-за пошлости;
так ты плачешь с полшестого до поезда;
так ты стонешь.
А теперь всё это изобразим графически:



Выходи из-за меня
в морге или рано
утром или снова
пробки или рана
в сердце или плова
не хотите на второе?
из натуральных продуктов
в морге или стоя
утром или…
Ты сказала: Это конец.
А я жду повтора трансляции.
Мы с тобой когерентны
И значит готовы к коагуляции.

Кульминация
Ноги в руки и на плечи,
Губы – в плен – моим губам.
Зажигаешь молча свечи
И кричишь, а я смеюсь…

И я пройду мимо (ты этого хотела?)
коромысло по праздникам
разбрасывало семечки в ряд
ВибрируЯ
вырастали семечки вряд ли
или не вряд ли.
подсолнухи по правилам
замешивали сессию в год
ВибрируЯ
высыхали сессии вот бы
или не вот бы.
Кирпичики по просятся
углубления серии мой
ВибрируЯ
выпивали серии стой я
или не стоя?
ВибрируЕШЬ?

:Диагноз: Не существует: Копайте глубже:
простите, Диего, в футбол не играют
руками
машут (предупреждают: не надо), когда я целую
флаг
в руки. билет проводники возвращают,
хотя сами – бедненькие – без билетов. рапортую:
пуповину резать не будем, поскольку это новый вид
пирсинга
тебе не хватает ты сама знаешь где

Два оборота с надрезом
Я и мой постоянный спутник
скачем который день,
не жалея молчания
и своих лошадей.
Но у заставы Сяогуань
делаем перерыв –
юноша с взором глубоким
ищет звезду войны.
Обернувшись,
решился узнать он
имена тех, кто встретился
ему на дороге.
Слегка поклонившись,
я род свой назвал, не скрывая.
Мой спутник,
продолжая натачивать нож,
_говорит, что его зовут
_не иначе как Марк Юний Брут
__я там был, я всё знаю: его попросили
__в Риме, бля, недолюбливают харакири
___а жаль

Псевдоскаляр, положительный в
Сердце выбросилось в четырёхмерное пространство.
Вывернулось наизнанку. Вернулось.
Думало, что кто-то примет эту примитивную
изометрическую проекцию.
Грудь надулась от осознания и теперь всё
отличное от тессеракта – мимо.
Выбрало червоточину как средство отказа,
но не помещается. Вместо. Правда,
набрана отрицательная масса, которой
достаточно, чтобы выйти из строя.
И именно в этот момент так отчётливо слышится:
“Отставить!”

Вздрогнул ли?
Замёрзшие пальцы рассыпались под градом
Только что придуманных эпох.
Живой призрак кирпича, упавшего рядом,
Лишь от неожиданности сдох.
Деревья тянут свои руки всё выше,
Ветер или крики – кто быстрей?
Последний мамонт бежит по моей крыше
В поисках осмысленных идей.
Прохожий выбросил свою голову в урну,
Другой не поленился поднять.
От последней вести мне стало сильно дурно:
Распятый в тридцать третьем опять
рождён.

Из понедельника до востребования
.стадо под прицелом
я падаю без сурдо-
перевода в целом
гипербола абсурда
стать катамараном.
Если надо поработать,
У меня болит спина.

занимайтесь
Две тени проходят тест поцелуем
а мы дуем
на свечи
из стали…
переживём потоп…
Тест поцелуем проходят две тени
На колени
В тот вечер
Упали…
А кто бы не упал?

Вроде бы, тест поцелуем, возможно, проходят, по-моему, тени,
а мы во время потопа со свечами в руках дуем на колени
с глупым вопросом на устах: А кто…

Сквозной
Мой крик звукоорущий, как седло,
Пронзил спокойностойкую струну,
Разбил прозрачножидкое стекло,
Покинул благомёртвую страну,
Прошёл по вольнобритым головам,
Занёс тихоотравленный кошмар,
Он обрюхатил крышевидных дам,
Заполучил кровавобожий дар,
Потом увидел жгучежальных пчёл,
Залез в разбитопорванный карман,
И в дебрях локтебедных он нашёл
Мой рот открытослышный, как стоп-кран.

Короткий длин
От дел
Устал.
Стёр мел.
Пропал.
Тогда ты был молод
И подвержен слезам,
Тебе дали повод,
Но вот умер ты сам.
Если представить, сколько Вселенной лет,
Можно сказать: мы родились в один день.
Но ты не увидишь уже этот свет,
А мне смотреть на него стало лень.
Тогда я был молод
И подвержен соплям,
Сейчас у нас голод
По тем прожитым дням.
А Бог
Всех нас,
Как мог –
В тот раз.

Го-ло-ва по слогам
Разорвись голова!
Превратись в куски мозга
И два глаза, вися–
Щих на люстре… Два уха,
Которые никак
Не смываются… Зубы
На потолке пуска–
Ют корни… Волосы вмес–
Те с осколками стек–
Ла летят по ветру… Толь–
Ко кто-то безголо–
Вый сидит в кресле, смотрит
Телевизор. Итак,
Слушай приказ, голова…
Разорвись!!!

Органосексуалприматы
Между Делом На Дороге
Затонула атлантида
солнце Село На Востоке,
Чтобы я Остался Прежним
От Рассвета
До Запрета
Поцелуи На Трибуне
Между Строк И Дней Из Фальши
И Мечтой О Простатите
я Родился На Год Раньше,
Чтобы ты Осталась С Нами
От Заката
До Распада
сша На Карнавале

По стабильной фазе кулаками
дяденька с руками подошел и
говорит:
половину парохода
отпилите мне в подарок
я как атом углерода
закопался в фуллерены.
дяденька безрукий подошел и
говорит:
парохода половину
мне в подарок отпилите
а иначе я застыну
в этой позе на проходе.
я подумал и ответил:
по лавину; пола выну;
Пола в Инну; полови, ну;
половину половины
по-ло-ви-ну пароход.

От холода ноги её покрылись коровами
Она сказала иди
И я встал и. Пошёл!
501, 502, 503,
Кольцо, купол, шнур.
Впереди France de тур
Позади Tour де Франс
А я встал и. Пошёл!
Вручите мне канс-
Кого льва за это
лето
[транскрипция]

Пол-литровая лотерея
Лежит на грязном столе
Поворот
Из сентября
В последний рассвет
Признание лечит
Скажи ей
На небе и на земле
Один God
Я без тебя
И того пять лет
со дня нашей встречи.
Юбилей.

А3Б1В2Г4Д2в3
Прибейте Младенца К Забору –
Пусть Отмывает Грехи.
Я Буду Ходить С Кнутом Рядом,
Чтобы Отпугивать Мух.

неизлечимо, но в такт
Не заснуть без музыки.
Тебя нет.
Вместо подушки колонки.
(нет, не те маленькие колонны,
которые мы украли где-то под Акрополем,
а те, которые заменяют перепонки).
И сабвуфер из-под двух одеял
говорит: «Кто ищет, тот потерял».
А потом добавляя басы:
«Блаженны плачущие, ибо не хрен тут смеяться».
Две сплошные полосы
лишили меня прав
на тебя

Олег Разумовский

Короткое замыкание

В оформлении использованы фрагменты настенной росписи поликлиники Смоленской Областной Детской Больницы *неизвестного автора.* Компьютерная обработка *Глеба Коломийца.*

Володя - низенький, быстренький, чуть пришибленный, лысоватый и пошловатый персонаж. Вечно пьяненький с задубевшей от алкоголя рожей. Пьет он каждый день, но работу не пропускает. Всегда чисто выбрит и в галстуке. Бывают такие редкие люди. Они и пьют, и работают, и баб ебут. В свою школу-интернат, которая расположена, к тому же, за городом, Володя является с любого бадуна. Обычно он терпит до конца уроков, а потом бегом бежит через еловый лес до шашлычной, где продают водку в розлив. Дорого, однако. "Это что ж за жизнь у нас пошла, и куда мы катимся, товарищи дорогие?"- спрашивал неоднократно у себя самого учитель, приняв первую сотку. А ведь прекрасно помнил ветеран застоя те прежние еще брежневские времена, когда здесь же напротив в гастрономе продавали барматуху стоимостью руб семнадцать. «Вермут», «Волжское», «Аромат степей», «Яблочное» (сортов десять было), «Альменскую долину»(ох, и вонючая была, зараза, да ничего, шла в полный рост). У него и сейчас дома дверь в туалете обклеена этикетками этих замечательных вин. Любит старый пьяница созерцать их в минуты сладкой задумчивости, припоминая прекрасное прошлое. Особенно помогают такие светлые воспоминания в тяжелые периоды, после того как изругают его всего на педсовете. Опять-таки за пьянство. Хотя он только в редких случаях позволяет себе во время уроков.

Но и без бухалова невозможно теперь жить. Какая альтернатива? Сидеть дураком перед телевизором, по которому ничего интересного не показывают. Идет один сплошной мордобой и гнусная эротика. Нет тех поучительных, трогательных фильмов былых времен "застолья". А где замечательные передачи, типа "От всей души", от которых хотелось плакать? В шашлычной Володя частенько встречался со своим другом Стасом. Тот полная противоположность задроченному учителю. Высокий, уверенный в себе, блондинистый. Не сорит словами, любит основательно обработать мысль. И дойти обязательно до самой сути вещей. Но в целом тоже изрядный мудак и еблан. Сейчас он бьется над труднейшей проблемой: как ему наладить семейную

жизнь. Жена его Райка, курва, трахается со всеми подряд и в первую очередь, блядюга, с друзьями Стаса. Он очень опасается, что опять скоро может родить ему выблядка. По этой причине он, когда снова начал с ней жить после разлуки, взял с овцы расписку, в которой та обязалась не предъявлять претензий мужу, коли родит не от него. Володя смеялся просто, читая такую хуйню, и говорил товарищу, что тот как ребенок, в самом деле, неужели не понимает, что его дурят. Ну, какую юридическую ценность имеет эта писулька? А Стас, приняв триста грамм, городил и городил - мол, не поймет, чего Райка от него бегает, он ведь сейчас на хозяина пашет и неплохо зарабатывает. Мужик капитально балдел на старые дрожжи и глубоко переживал свою обиду. Он был вообще мастер на все руки не от скуки. Все мог делать, но, если честно, большую часть своего приличного заработка пропивал сразу же с дружками, которые потом ебали его Райку. Володя, конечно, сочувствовал товарищу, тоже изрядно пьянее, уже дважды повторив по сотне. И, приняв свою коронную стойку, то есть, оттопырив большой зад, говорил, что все бабы бляди и не стоит, мол, Стасу так расстраиваться, а лучше еще выпить и поговорить о чем-нибудь хорошем.

Но Стас вдруг замолчал, замкнулся и погряз в своих тяжелых мыслях, схватившись большими грязными руками работяги за край стола. Володя делал отчаянные попытки вывести друга из ступора и начал рассказывать одно происшествие. Какие-то черти намедни у них в подъезде попросили у старушки пять рублей, а когда та отказала, изнасиловали ее и убили. А ведь у пенсионерки и, правда, не было денег. Той же ночью они, наверное, кто ж еще, и к Володе в квартиру звонили. Но он не открыл и правильно сделал. Денег у него нет: все знают, что бюджетники получают хуйню. Но чертям-то этим по хую. Шли бы богатых резать, отморозки конченные. Нет, наш учитель научен горьким опытом. Однажды он открыл дверь на звонок поздно вечером. А там стоит дылда, верста такая под потолок ростом в ватнике защитного цвета, расстегнутым настежь, а под ним рваный тельник. Рожа окровавленная. Глаза стеклянные. Смотрит на Володю в упор и чувствуется, что ничего не соображает образина. Будто у него в башке замкнуло намертво. Потом оказалось, что это тот самый чеченец, который выбежал с обрезом на улицу и открыл огонь по прохожим.

Но и эти рассказы не взбодрили Стаса. У него свое на уме: тяжелая мужская дума. Никак он не может понять, почему же его Райка такая блядина. Он ведь ради нее на все готов, а она так его обламывает.

- Да была б действительно там баба нормальная, - говорит, наконец, учитель, не в силах терпеть такую блядскую несправедливость, - она же, ты извини меня, просто крыса страшная на морду. А ты на себя посмотри. Красивый мужик. Высокий, статный. А не можешь показать характер перед шкурой.

Да, Райка эта во всех отношениях далеко не подарок. И характер у нее - дрянь. Приходят они однажды к Стасу... Володя еще идти не хотел, как знал, что неприятности будут из-за этой лахудры. Но Стас настоял. Говорит, мол, не ссы, товарищ, все ништяк, она на работе и придет не скоро. Короче, только они сели за стол на кухне и ебнули по сто грамм, не спеша, чтоб растянуть удовольствие - хопа, является эта кобыла ебаная. То бишь, Раиса. И прямо с порога орет, не раздевшись еще: "ах, вы,

алкаши чертовы, уже из дома выйти нельзя, пьянь проклятая, покоя от вас нет прямо!" Так кричит эта идиотка и дверь не закрывает специально, чтоб соседи слышали. А Стас, надо отметить, две недели не пил, вообще в рот не брал. Ну, взял человек себя в руки и пиздец. Чего-то он ей сказал довольно грубо. Так эта лошадь подлетает к столу, хватает эту "Сибирскую" и демонстративно выливает почти полную бутылку прямо в раковину. Ну, не поскуда ли? Так только менты поступают совсем отмороженные. Стас, правда, молодцом на этот раз оказался. Повел себя правильно, как настоящий мужик. Что да, то да. Ни слова не говоря, бьет первым делом по столу своим пудовым кулачищем, а следом заебенивает ногой в стеклянную дверь, разбивая ее в дребезги. Дальше, хватает детскую коляску, бросает туда все игрушки, а после и самого мальчишку. И спускает это дело вниз о лестнице. С пятого этажа. Что там у них дальше происходило, Володя не знает, потому что резко сдернул, как ветром его сдуло. Он этой Райки, если откровенно, сам боялся, страх, потому что она уже не раз писала на его работу, будто он спаивает Стаса и портит им семейную жизнь. Полный бред, конечно. Да что взять с истерички.

Теперь же в этой грязной шашлычной Стас затосковал не на шутку. Сидел так и молчал довольно долго. Потом вдруг схватил пивную кружку, ебнул ее об пол и куском стекла перерезал себе горло. А учитель... Вообще этот Володя, блядь, мразь конченая, хуило, терпило, говно, еблан, мудила, пидор гнойный макидонский, хуесос еще тот. С ним даже бухать за падло, чтоб вы знали.

Садо-Мазо

Я сто лет не видел Юрца.. В последний раз ещё при советах. Весёлое было времечко. Мы пили дешёвую бормотушку в «Яме» и прикалывались над прикольными партократами, как хотели. Потом слышал, что он неслабо приподнялся в каком-то бизнесе. И тут совершенно случайно вдруг столкнулся с ним в туалете.

Как было не выпить за встречу. Столько лет не виделись. Вспомнили весёлое подполье, романтику на гране фола, чёрный, почти ультро-фиалетовый юмор, вёдра выпитой бормотухи, наше отчаяние, безвременно умерших друзей и сошедших с ума подруг.

Мы сидели в дорогом кабаке, куда привёл меня Юрец и философствовали после нескольких соток «Парламента».

- Да, морально мы победили, - говорил мой товарищ, - но ведь кругом, согласись, остались совки долбанные. И на верху и в низах. Зажаты мы, друг, никуда от них не денешься. Вот вечерами, слушай, поют, орут пьяные, ругаются матом под окнами до самой ночи. Не уснёшь никак. А ведь итак нервная система уже прилично раздолбана. Нам ведь надо платить компенсацию как ветеранам застоя. Столько вытерпеть! Пройти через такой, блин, дурдом! Согласен? Вот. Я однажды, слушай, не выдержал. Схватил пистолет и сделал из окна несколько выстрелов по гондонам. Минут на двадцать успокоились черти, а потом опять начали шуметь. Быдло ёбаное.

Или вот ещё случай был недавно. Ходили с женой в гости к одному другу. Засиделись у него допоздна. Смотрели по видео «Молчание ягнят» и «Основной инстинкт». Клёвые совершенно фильмы. Согласен? Попили коньячку «Наполеон». Потом я хватаю гитару и начинаю петь Йестудей. Битлы это классика, старик. Уважаю очень. Ну, ещё, может быть, Пинк Флойд. Стена, да? Мощная вещь. Короче, выпили не так уж много. Слегка датые были, когда уходили от друга. Часов в двенадцать ночи. Ещё ведь не слишком поздно, верно? Выходим на улицу и сразу видим – стоят пятеро. Качки неслабые, как один, и агрессивные по мордам сразу видно. Уроды, бля! Я их моментально понял: ведь на мне-то отличная кожаная куртка, практически новая. Но думаю: хуй в рот, ребята, не на того напали.

Ну, амбалы на меня накинулись. Я сопротивляюсь, не отдаю кожаную куртку. Жена тоже вступилась за меня. Они схватили её за волосы, стали таскать рожей об асфальт. Пока я пушку достал, половину волос у неё вырвали, подонки. Изуродовали женщину, как бог черепаху. А она у меня красавица была.

Юрец рассказывал свою историю и не забывал при этом угощать меня водкой и пивом. Он был щедрым: за встречу всё-таки. Целую эпоху не виделись. По мере того как друг напивался, он всё более откровенничал, напоминая мне периодически, что в конце вечера надо обязательно снять шкур и отвезти к нему на флэт.

- Потанцуем, послушаем Битлов, старик, - говорил мой друг, прихлёбывая пивко из бокала.- У меня подруга есть, кстати. Великолепная чувиха. Супер. Представляешь, редкий случай. Баба, но сечёт в хард-роке. Прикидываешь? Я с ней в поезде познакомился, когда ещё челночил по Турции-Греции в девяностых. Ехали в купе вдвоём. Жарища. Просыпаюсь среди ночи, смотрю, она себе дрочит. Ну, я тоже завёлся. Кончили с ней вместе. Потом разговорились. Слово за слово… Сидим выпиваем. Она грудь обнажила, после всё тело стала показывать. Какое оно у неё классное: упругое и загорелое. Крутая подруга, я тебе говорю, эта Лора. За границу мотает регулярно в шоп-туры. Турция, Индия, Китай…Энергичная молодая женщина. Недавно попала в автокатастрофу. Прикинь, они ехали где-то в Болгарии на стареньком автобусе, и он перевернулся. Несколько человек погибли. Их коврами задавило. А она, Лора, чудом спаслась. Выползла каким-то образом. И, представляешь, только из больницы выписалась, опять поехала в шоп-тур. Круто, правда? И сейчас где-то ездит, поэтому баб нам с тобой надо снять обязательно, дружище. Строго под занавес, когда начнётся раздача.

- А как же жена твоя? Тоже что ль уехала? – удивился всё же я, несмотря на то, что выпили мы уже довольно прилично.

- Эта сучка…- Юрец презрительно сплюнул. – Сидит дома. Куда ей ездить. Не деловая абсолютно. Не может вписаться в новые рыночные отношения. Слишком интеллигентная, видишь ли. Ей бы почи-

тать, постонать, попричитать. Ладно, расскажу тебе как другу. После того как её эти качки изуродовали - откусили нос, отгрызли одно ухо, повредили ноги, выбили правый глаз – я стал её, падлу, почему-то презирать. Даже очень. Сам не знаю. Гадом буду. Началось же, знаешь с чего? Сижу как-то вечером, слушаю Битлз. Их Белый альбом, мой самый любимый. Ушёл весь в музыку, старик. Хорошо так стало. Почти нирвана. Вдруг входит она и чего-то там шепелявит. Зубы ей все до единого тогда выбили. Тут я пойми, друг, взорвался. Не мог просто. Всё что копилось против неё, разом выплеснулось наружу. Ах, ты тварь, думаю. Заебала ведь по натуре. Раз её, курву по ебальнику. Одел как надо на кулак. Потом башкой о стенку. Долго так пиздил. Сбил с ног, повозил по полу. Стал топтать. Сорвал с неё этот блядский халатик. Привязал шалаву к койке и отстегал армейским ремнём. Сначала она пыталась дергаться, кричать, но постепенно затихла и вся обмякла. Отделал, короче, её по полной, чтоб не хамила больше ни разу. Битлз для меня это святое. А она, блядь, надругалась над идеалами нашей молодости. Попрала мразь ёбаная. За это я распял её, выдал за щеку и выебал в жопу. Обтрухал всю и отправил в туалет.

С тех пор она там и живёт. Абсолютно голая и вся в говне. Я её кормлю раз в неделю чёрствым хлебом, даю пить только холодную воду. А мыться не разрешаю. Провоняла вся. Когда приходит Лора, она срёт на жену. Иногда выводит ей на цепи в комнату и заставляет ползать на четвереньках по кругу. Сама Лора классная такая: блондинка, высокая, в кожаной куртке, чёрных лосинах, ботфортах. С хлыстом в руках. Прямо как на арене цирка. А жена уже говорить не может, только попискивает. Лора стегает её по жопе и половым органам. Все тело у паскуды в шрамах и синяках. Я сам её постоянно пизжу сапогами или режу бритвой для профилактики. Иногда по настроению Лора заставляет её лизать себе, а после трахает искусственным фалусом. В окончовке ж обычно бьёт кулаками до крови. Кусает и царапает уродину. Та корчится, стонет, повизгивает, как больная собачка.

Кожа да кости от неё остались, старина. А ведь была красивая баба. Полненькая такая. Боюсь, что теперь долго не протянет, загнётся в ближайшее время. Да и хуй с ней с овцой. Так же?

Юрец, наконец, закончил свой рассказ и бросил на грязный столик пачку мятых купюр, на которые я должен был купить ещё водки. За встречу надо было выпить. Столько лет не виделись.

Записки про охотника

В те далекие годы, когда я еще баловался ружьишком и посещал всякие отдаленные уголки нашей губернии, судьба свела меня с замечательным человеком и прирожденным охотником. Жил он в глухой деревушке, окруженной со всех сторон лесом. Охотиться Тимофеич начал в раннем возрасте, когда в тех краях еще была школа и всем здоровым мужикам и бабам хватало работы. Да и дичи имелось вдоволь.

Теперь школы там нет, больницы тоже. Из мужиков осталось три человека. Под Новый год вот еще Колян умер. Когда ударили первые неслабые морозы, он пьяный упал в сугроб и проспал там всю ночь. Утром собеседники его нашли и привели в хату. Лечить-то нечем, кроме самогона. Колян руки отморозил, стакан взять не может. Придумали собеседники: надели ему варежки. Кое-как выпил. К ночи все равно крякнул мужик.

Но дело собственно не в этом. Тимофеич мой поначалу еще в ранней молодости ставил петли на зайцев, которые теперь, к слову сказать, перевелись все, так как поля пустуют и нет никакого корма ушастым. Позднее он подзаработал денег и приобрел одностволку и верного пса. В лесу собака находила притаившегося зайца и начиналась погоня по кругу. Надо знать вам, что беляк обязательно возвращается к месту своего былого сидения. Тут и бей его, не промахнись только, а то следующий круг будет еще шире.

Весной, объяснял мне опытный Тимофеич, заяц линяет и вообще дуреет. Подходишь к нему вплотную, а он только трясется и уши назад закидывает. Мочи его тогда по голове прикладом, вот и все дела.

Тимофеич мой очень рано потерял семью. Умерли отец с матерью, потом жена и двое детей. Все хозяйство осталось на нем. Да еще ведь в колхозе крутил баранку. Большой он труженик. Работал, не покладая рук и в итоге, конечно, надорвался. Ему и

сорока нет, а он уже инвалид первой группы. У него и грыжа, и геморрой, и простатит, и сердце с почками далеко не в норме. Тем не менее, трудится человек и охоту не бросает. Вот только тетеревов что-то совсем почти не осталось в местных лесах, жалуется он мне. А тут недавно такая удача! Сбил большого петуха, не выходя из машины. Тетерев сидел на верхушке елки, близко подъезжать опасно, так как то был токующий глухарь. Интересно, что глухарь даже сбитый будет продолжать токование. Итак, остановил Тимофеич свою машину в ста метрах от елки, не глуша мотора, и стал целиться из своей верной одностволки. Промахнуться никак нельзя: улетит петух сразу. Хорошенько приладился мужик, несмотря на вибрацию в кабинке, и сделал меткий выстрел. Тетерев тяжело рухнул на снег. Дома Тимофеич поинтересовался чем же питается эта большая птица. Вскрыл ему зоб и увидел там одну только кору, а в желудке исключительно камни. Какое, однако, неприхотливое создание. Себе бы так, подумал наш охотник.

Однажды Тимофеичу крупно повезло: он застрелил лося. Стал варить его и пока варит приговорил бутылку свойского самогона. Попробовал, наконец, лосятину - не укусить никак, такое жесткое мясо. Пришлось доваривать. Еще пять бутылок уговорил человек, пока смог раскушать этого лося.

Особый случай был с медвежатиной. Забил как-то охотник медведя. Снял с него шкуру. Смотрит - лежит перед ним настоящая женщина. Чудо. Позвал он гостей, среди которых оказалась одна совершенно непьющая бабенка. Она хотела просто попробовать хоть раз в жизни медвежатины. Сидят мужики в тимофеичевой хате, выпивают, закусывают, хоть бы хуй, а у бабы этой вдруг красные пятна пошли по всей роже. После дело еще хужей стало. Глядят люди: у нее шерсть растет на теле. Пришлось гнать ее в лес из деревни.

А вот еще вышла с Тимофеем занимательная история. Пошел он уже ближе к вечеру в лес. Так, на всякий случай проверить, нет ли какой зверюшки. Скот домашний к тому времени у него весь сдох, а жрать-то хочется. В хозяйстве разруха, колхоз ничем не помогает, пенсию годами задерживают.

И вдруг видит наш охотник здоровую кабаниху. Только она его тоже заметила и двинулась в направлении мужика. Ну, тот из верной своей одностволки пальнул и ранил свинью. Сначала подумал, что убил наповал. Пошел домой за веревкой, чтоб донести ее до хаты. Возвращается, а кабанихи-то и нет. Только кровавый след на снегу виден. И ведет он в чащу леса. Пошел Тимофеич по следу. Думает, что далеко не уйдет раненая добыча. Нагнал все же свинью, а та обернулась, посмотрела красными глазьями, да как поперла на мужика. Страшная, злая, вся в крови. От кабанов известно одно спасение - надо лезть на дерево. Как охотник на ту елку без всяких веток вскочил, это просто чудо. Кабаниха побилась, побилась о ствол и рухнула в изнеможении. А у Тимофеича, как назло, патроны кончились. Тогда он додумался. Прикрепляет к ружьишку большой нож и идет так на зверюгу. Как бы в штыковую атаку. Ударил только один раз, и та уже больше не дрыбалась. Связал он ее, но до хаты дотащить уже сил не осталось. Думает: завтра утром приду и заберу. Приходит это он с утра пораньше и видит чудную картинку Репина. Какие-то толстые начальники пакуют его родную кабаниху в свой Газон. Что тут поделаешь? Не палить же по мудакам из одностволки. У них карабины с собой имеются.

Однако, наш охотник это дело так не оставил. Стал вечерами подстерегать начальников, когда они, припозднившись, возвращались откуда-нибудь не совсем трезвые. Он их подкарауливал в темном местечке и валил из верной одностволки. А чтоб добру не пропадать, тащил этих кабанов домой и хавал за милую душу под свойский самогнет. Мясо мягкое, не то, что у того лося. Питалось-то начальство очень хорошо. Вот таким образом решил наш Тимофеич свой продовольственный вопрос.

евгений мякишев

Жизнь (поэма)

1. Молодость
Пребываю в ахуе – охую и ахую!
И ошую-одесную ныне всех оттрахую!

2. Зрелость
Мне уже за 40, я давно не юн –
Конопляный морок, зов далёких струн,
Сладостные ласки, долгая гульба –
Всё теперь как в сказке. Истина груба:
Вот и стал я лысый – подлинный обсос –
Небогатый пысой. Ухожу вразнос.
Скоро пиздопросинь медленных пустот
Приберёт – под осень. Скоро уж. Вот-вот…
3. Старость

Вот и старость стучится в ворота
Костяной волокушной ногой…
И корячится из поворота –
Чёрт-те что, словно ангел благой.
Посмотрю на минувшие годы –
Да пошамкаю – ёбаный в рот:
Окружали меня лишь уроды –
В ранге тайных и явных красот.
Меркнет мир: где вы, девы былые –
Кто в земле, кто в дурдоме – адью.
Небосвода стропила гнилые
Держат квёлого солнца бадью –
безнадёжно… а хочется – щастья
напоследок полшмата уесть
из призренной лохани всевластья –
подыхающим это за честь.

Фотография
я красавица марьяна
тёртая бывалая
прежде в молодости спьяну
каждому давала я
но теперь не тот расклад
кончилось веселие
повернуть бы жизнь назад
справить новоселие
подвнедрившись этак-так
лет на 30 в прошлое
што ж ты мякишев мудак
рыло твоё дошлое
сфотал сцуко так меня
нежную красивую
будто я ваще хуйня
встречу – изнасилую

****

Не кто иной, как Болдуман приехал в Петербург –
Большой и грязный, как кабан, больной, как металлург,
Отдавший двадцать лет в цеху работе – весь пиздец…
Приехал он поправить ху… обтруханный конец.
Его он сильно повредил: не в чьей-нибудь пизде,
Не потому что хуй забил или держал в узде,
А потому что как-то раз решил он: «Я смогу
Ебать себя – как пидорас – вот изогнусь в дугу,
Перекручусь и изловчусь засунуть в сраку хуй,
И в полном кайфе отключусь!» Сказала срака: «Суй!»
Опешил мерзкий Болдуман, хуину вздыбив вверх,
Подумал: «Я, должно быть пьян?..» – и тут услышал смех…
Смеялась срака. А потом хуй сплюнул – и изрёк:
«Хозяин… быть таким скотом – нельзя…» – и тут же слёг.

* * *

Либуркин спит, но он не дремлет, а затаился – сучий кнут!
И горней правды не приемлет, поскольку плут и баламут.
Закрыв глаза, сопит для виду, пускает сладкую слюню,
Сося, как длинный хуй – обиду на жизнь за всё… за всю хуйню!
Струятся сумрачные светы над топью блат чухонских, глядь,
Шуруют местные поэты по гатям сирых избавлять
Из ебеней от поебени, слоится тьма, плоится мрак,
Дождь разбивает вдрызг колени пред ночью, застегнувшей фрак.

Качели
Тот, кто не дремлет по ночам,
А спит, как рыба, глубоко,
Являя ангельским очам
Себя, как маятник Фуко,
Переходя из яви в сон,
Где жизнь идёт наоборот –
Он иллюстрирует закон
Неповоротливых ворот:
Нельзя войти в открытый створ,
Но можно выйти изнутри,
Исполнив горний приговор
Под трубный зов у врат зари.

****

сильного повально не ослабишь
стильного привольно не апгрейдишь
милого насильно не полюбишь
малого пиздец не увеличишь
вечного усраться не отымешь
нихуя старОго не омладишь
дурака по жизни не уумнишь
от себя ебаться не уедешь
чистого говнищем не испортишь
грязного по жизни не отмоешь
слабого однако же усилишь
стильного порою объегоришь
милого нет-нет и околдуешь
малое ебаться в рот удвоишь
вечного бывает не заметишь
а старОго запросто апгрейдишь
дурака надёжно в жизни включишь
сам себя слегка возненавидишь
чистого в говнище искупаешь
грязного по золоту размажешь
ебачину в сторону своротишь

Твор4ество
Пребывая отчасти во власти
Прободенья бессмертной души,
От земной неуёмной напасти
В клинч сомнений уйти не спеши.
Будь как Тайсон – обгрызивший ухо
У соперника в стрёмном бою…
И – обхезавшись – сгинет непруха,
Если ты не увязнешь в строю
Перемётных артельщиков слова,
Гастарбайтеров книжной трухи...
И на свет из сознанья гнилого
Бычьим цепнем полезут стихи.

Антигимн строителей Петербурга
Мерзавец Петербург, на невских берегах
Болоту сводный брат, фурункул островов,
На стогнах у тебя, в дворцах и во дворах
Дух мертвечины спёрт, гомункулус Петров.

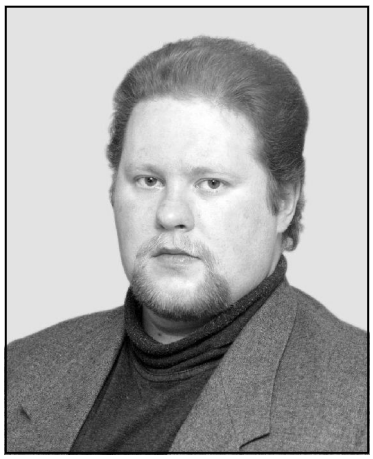
Устроен город сей на крови и костях,
За триста зыбких лет почивших в нём не счесть.
По правде, и теперь в его гнилых сетях
Утопленников тьма и душегубы есть.

Так пусть подённый труд строителей всегда,
В осенний сонный день, в липучий летний зной
Зовёт в кромешный мрак другие города,
Как чёрный командор эскадру в мир иной.

Мороз. Некрасов отдыхает
Декабрь карабкается крабом по петербургским площадям,
Волынку тянет по ухабам, прохожих лупит по мудям…
В лапту играет по старинке детьми, укутанными в мех;
В прорешке, в дырочке, в ширинке щекочет тайное у всех.
И прежде чем, покинув койку и опроставшись поутру,
Ты рыло, как свинья в помойку, просунешь в кроличью нору
Своих срамных воспоминаний о жизни южной затяжной, –
Взгляни в окно: коробки зданий увиты вьюжною сплошной
Морозно-мерзостной завесой… И уясни: декабрь – он зол,
Будь хоть метрессой, хоть принцессой, залезет подло под подол
И ледяным взъярённым шванцем незримо выстудит зело;
Украсит рыло померанцем и превратит его в мурло
Легко, коль выползешь наружу из пакли, падла, на мороз,
Болотной нежитью на сушу... Сиди, не рыпайся всерьёз!

Фото Глеба Коломийца

Андрей Шульгин



Сынок

Он вернулся домой, тяжело дыша в свою память. Перекрестил взглядом соседние дома, и отварил прогнившую дверь, ведущую в родительский двор. Мать не узнала его, а потому не обратила никакого внимания на забредшего путника. Он же, усталый после дороги, растянулся под навесом, что ещё в его детские годы был поставлен в саду, потеряв, на время, связь с реальностью.

Пелена сна развеялась только под вечер. Сев он крепко мотнул головой, словно хотел окончательно стряхнуть с себя паутину сновидений державшую его в своей власти несколько последних часов. Подцепил на крючковатый палец нехитрый заплечный мешок, с которым пришёл, и побрёл в дом. Мать как раз села ужинать. Не говоря ни слова, он отобрал у матери тарелку с прокисшей кашей, ополовинил её, сунув в старушечьи руки недоеденное. Отёр губы тыльной стороной ладони и шагнул в некогда принадлежавшую ему комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Оставшись один, он достал из мешка почти полную бутылку водки и в два глотка осушил её. Подождал, пока хмель начнёт резвиться в голове, а, дождавшись, надсадно запел единственную известную ему песню, в которой слова были похожи на дым, а точки с запятыми, то и дело менялись местами. В соседней комнате громко скребла об стену жёлтыми, сухими пальцами его мать.

Утром в их доме появился сосед, Григорий, видимо уже прознавший о его возвращении. Перекинувшись парой пустых фраз со старухой, сосед, распахнул дверь его комнаты:

Здорово! – Брякнул Григорий с самого порога. – Вот пришёл посмотреть ты это или не ты вернулся.

Ну и как? Я?

Да вроде ты.

Ну и хорошо, раз я.

Где был-то? – Осведомился Григорий. – А то люди разное сказывают.

Вот у этих людей и спроси, где я был. Люди всегда лучше знают.

Да, говорю же тебе, – разное сказывают. – Не унимался Григорий. – Одни говорят сидел, мол.

Раз говорят, стало быть, правда.

Да? А другие говорят, что белка тебя накрыла, вот ты в больнице и пропадал.

И это значит правда.

А некоторые, что с какой-то приезжая бабой сбежал.

Тоже, правда.

Да ну! С тобой говорить… – обиделся Григорий. – Скажи тогда, что делать собираешься?

А вот этого я сам не знаю. Надо будет у людей спросить. Им, поди, уже известно.

Григорий помялся у порога, но, видя, что продолжения беседы не предвидеться попрощался и пошёл прочь.

А он продолжал лежать на старенькой панцирной кровати, заложив руки за голову и уперев взгляд в потолок. На грязно-белой плоскости потолка перед ним, как на экране в кинотеатре, проплывали сцены беззаботного детства и щедрой юности.

Насмотревшись в потолок, он, наконец, поднялся с кровати. Выйдя в соседнюю комнату, уставился глухим взглядом на мать, копошившуюся в углу. Та лишь на миг повернула голову в его сторону, мазнув через плечо парой выцветших глаз, но словно ничего не увидев, отвернулась, вновь принявшись за своё занятие.

Миновав двор он вышел на улицу, и та повела его смутно-знакомыми лабиринтами к дому с синими ставнями. Входить во двор он не стал. А стал прохаживаться в зад-перёд вдоль невысокого, порядком покосившегося забора, пристально вглядываясь в глубину пышного сада раскинувшегося за изгородью. Долгое время во дворе никого не было. Но он не уходил, продолжая бродить возле забора с не-

мым упрямством забытого на вахте часового. В конце концов, он дождался.

Эй. – Негромко позвал он.

Она не услышала.

Эй! – Позвал он уже значительно громче.

Она дёрнула головой, и на миг опешила, узнав его. Придя в себя, подошла в плотную к забору и так посмотрела ему в глаза, будто желала прочитать в них всю его жизнь.

Пришёл? – После недолгой паузы вымолвила она.

Пришёл.

А зачем пришёл?

Не знаю.

Хорошо тебе. Делаешь, а не знаешь зачем. Всем бы так.

Что же хорошего?

Естественно всё получается. Напрягаться не надо. Думать не надо. Захотел, ушёл. Захотел, пришёл. Вот и завидую тебе.

А-а. Не знаю, может и вправду хорошо.

В их разговоре повисло молчание. Он пожевал что-то невидимое губами, и спросил:

Ты как?

Да никак! – Неожиданно резко вырвалось у неё.

Плохо?

Почему плохо, – хорошо. Да, нет на самом деле хорошо, ты не думай. Вот. А уйдёшь, – ещё лучше будет. Так что ты иди. Иди, иди. Я тоже пойду, мне в дом надо. – С этими словами она развернулась, и действительно направилось в сторону дома, мелькавшего синима ставнями сквозь зелень сада.

Ну ладно. – Буркнул он, и тоже побрёл прочь.

На этот раз дорога вывела его к берегу неширокой речки. Он сел невдалеке от воды и стал смотреть вдаль. Мысли роились в его голове, но оставались по большей части непонятыми. Река уносила мутную воду в серую даль начинающегося вечера, а ему казалось, что вместе с водой утекает в никуда его жизнь.

Он вернулся домой затемно. Послонялся по двору, разглядывая неровные стены сарая. Провёл рукой по стволу яблони росшей здесь ещё со времён его детства и зачем-то после, долго нюхал свою ладонь, будто желал распознать запах прошлого. Напоследок внимательно поглядел в колодец и пошёл в дом. Внутри дома было темно. Двигаясь на ощупь, он вошёл в материну комнату, старуха похожая на груду лоскутов спала, отвернувшись к стене. Он сжал её плечо своей жилистой рукой, и плечо матери показалось ему пустым внутри. Начал трясти старуху. Та дёрнулась, и подняла голову, уставившись на него непонимающими глазами. Даже сквозь темноту он ощущал пустоту, свозившую из её сухих глаз.

Мама.

Она не ответила, всё так же пугая его бессмысленностью своего взгляда.

Не узнаёшь меня мамка? Да? Сын я твой. Отдутого вон вылез. – Он похлопал разлапистой своей ладонью по сморщенному материнскому животу. – Не помнишь разве? Как носила меня? Как я на свет белый явился? Сама же рассказывала – вышел я из тебя, и ну давай ножками сучить, будто бежать куда-то собрался. Даже не закричал, знай себе ногами по воздуху еложу. Вот, так без крика моего младенческого поняла ты, что живехонького мальца родила, а не труп гниющий. Да, мамка, как начал я тогда ножками своими сучить, так и сучу ими до сих пор по земле. Сколько дорог прошёл, где только не был, чего ни ведал, только вот нет мне покоя, мамка, нигде. И не будет, чую покоя-то мне. Почему так мамка, а? Не знаешь? Не знаешь, вижу. Как так не знаешь, я же ведь целиком из тебя? Тобой порождён, и ничего во мне нет такого, что бы от тебе не было. А вон, оно как значит, ни ты не знаешь, ни я, равны мы с тобой, мамка, получается. Равны в неведении своём. А может, пустишь меня назад? А, мамка, назад в пузо своё. Мне там хорошо было, наверное, тепло, спокойно, мысли всякие не одолевали. Как мне назад в тебя влезть? Я б смирно сидел, тихо. Эх, да ведь не влезть-то, не влезть. Родила ты меня мамка, да пустила по миру бродить неприкаянным. Вот и брожу. Долго ли ещё, – сам себя спрашиваю. Эх, мамка.

Тут только он заметил, что старуха так ничего не понявшая и так ничего не увидевшая, вновь забылась, похожим на драный сапог, старческим сном. Он отвернулся от кровати, темнота материнской комнаты показалась ему вязкой и плохопахнущей. Не зажигая в доме света, он пробрался в свою комнату и не раздеваясь бросился на кровать, плотно сомкнув веки. Вскоре он заснул, он спал крепко и безрадостно, и не мог знать, что посреди ночи возле дверей его комнаты сначала послышались шаркающие шаги, а мгновением позже на пороге её, зачернела в темноте, ветхая материнская фигура. Мать вплотную приблизилась к спящему, два худых пальца её чуть коснулись его широкого лба, а высохшие губы едва разжались, чтобы обронить вымученное и одновременно с тем невероятно нежное слово:

Сынок.

Начало и конец

Скорбь и траур поселились в семье Игнатия и Марьи, с первым детским криком. Хоть и готовились к неизбежному заранее, знали обо всём, да всё одно, – когда горе приходит и своей костлявой рукой сожмёт тебе сердце, разве удержишься от плача и тоски? Почти девять месяцев, с того самого дня, как Марья вернулась домой, будто сама не своя, пряча от всех полные слёз глаза, тихо позвала Игнатия, и с трудом сдерживая крик рвавшийся, откуда-то изнутри рассказала ему обо всём, – не было больше покоя в их доме. Игнатий, тогда, выслушал всё мужественно и угрюмо, не стал причитать, ясное дело – мужик. Лишь обнял за плечи жену, да сурово обронил в её чуть подрагивающие от внутреннего плача уши:

Что поделаешь, судьба у него значит такая. Чему быть, того не миновать.

В следующий миг, Марья, мелко затряслась и зашлась громким воем от нахлынувшего на неё безутешного горя. Игнатий закурил. И лишь огненный кончик сигареты, ходивший ходуном в мосластых пальцах его, выдавал истинные чувства супруга Марьи. Утешать больше не пытался, – знал бесполезно. Да и как от такого утешишь? Что скажешь? Воистину – горькие часы теперь ожидали Игнатия и Марью, тоскливые и безрадостные.

И потекло время, которое Игнатий мерил сигаретами, а Марья плачем. Сначала узнали родные, – утирали слёзы, обещали не оставлять, и когда всё случиться придти помогать. От чужих поначалу скрывали, – что горем хвастать? Да ведь как правду утаишь, – когда оно растёт с каждым днём всё больше? Само собой – начали замечать. Всё чаще Марья вздрагивала, под сочувствующими взглядами знакомых или совсем уж посторонних людей. Кто мог проглотить ком в горле, обязательно подкатывающийся из неведомо каких глубин души, после увиденного-то, – тихим голосом спрашивал, получая в ответ кивок с неизбежной слезой, срывавшейся из глаз Марьи.

Меж собой, Игнатий и Марья, говорили теперь мало. В молчании готовились к грядущему. Всё чаще по ночам Игнатий просыпался разбуженный стенаниями жены, стоящей на коленях в углу возле почерневшей от древности двуперстной иконки.

Да, как же это так… за что тебе горе такое… сердешный мой… за что Господь покарал? – голосила Марья, облапив своё раздувшееся пузо.

Игнатий, в минуты эти, не вставал, не ощеривался на жену частоколом мата, как бывало прежде. А лишь закуривал.

Марья же наревевшись, выползала из угла, и чуть шатаясь, натыкаясь в темноте на невидимые углы, всхлипывая, добредала до супружеского ложа, бухалась в постель, и, прижимаясь к тёплому плечу Игнатия, забывалась до самого утра.

Сколько от беды ни бегай, она всё равно быстрее тебя. Догонит. Вот и к Марье с Игнатием заглянула эта непрошеная гостья. Ещё с утра Марья поняла – сегодня всё и станется. А к вечеру, когда боль обглодала её чрево, а скорбь навечно зашила улыбку на молодом, и до того дня ещё, миловидном лице, – появился он. Изобразив гримасу удивления, он разразился тоскливым, словно отходная молитва, воем. Заслышав который, Марья, глухо застонала и провалилась в спасительное небытиё. Когда же, ужасный крик этот, пронзил стены и долетел до Игнатия, напряжённо ожидавшего роковой развязки в соседней комнате, – тугая мужская слеза стала искать дорогу вниз, среди кустистых зарослей давно небритых щёк.

Весть о горе Игнатия и Марьи разлетелась быстро. Да чего там, ведь многие знали, и всё же тяжёлый вздох вырывался у каждого, кто слышал об этом.

К супругам потянулись стайки родственников, друзей, знакомых. С соболезнованиями, с предложениями о помощи. Со всеми делили Игнатий и Марья свою беду. И верно – разве в одиночку такое превозможешь.

А что же он? А он ничего, не зная, не понимая, будто острым шилом щупал своей улыбкой всех подходящих к его маленькой кроватке. Сучил ножками, мочился в пелёнки. Мал ещё. Видано ли, что бы младенец, когда-либо мог постичь ту горькую участь, что выпала на его долю?

Игнатий и Марья, тем временем собирали всех на безрадостные посиделки. Пришедшие горевали, пили водку напополам со слезами, закусывали вздохами. Уныние и плач стояли над столом, в доме, Марьи и Игнатия в ту тяжёлую для их молодой семьи годину.

На прощание все гости пошли к младенцу. При виде беззащитного розового тельца, женщины совсем лишались самообладания заходясь, каждая, в протяжном вое, слившимся в единый, будто паровозный гудок, рёв. Мужики нервно вздрагивали плечами, губы их беззвучно шевелились, как если бы разговаривали они с пустотой. Самые слабонервные отворачивались, не в силах глядеть на беспечные ужимки младенца. И лишь старик Никанор, с достоинством и чинно готовившейся к собственной кончине, и поведавший на веку не одно рождение, – ближе всех подошёл к младенческой кроватке, наклонил своё затянутое в густую бороду лицо, и проскрипел старческим голосом, словно выблевал:

Странник. Ты откуда?

Беда будто решето с водой – вроде полное да быстро вытечет. Вот и Игнатий с Марьей отгоревав по младенцу положенное, начали всё чаще замечать то солнечный пригожий день, то птиц что беззаботно щебечут вокруг них, а то и друг друга. Смирились.

Младенец же рос, осваивая премудрости мира, в который ему довелось попасть по велению неласковой судьбы. Нарекли его Михеем. Теперь лишь изредка Марья, заглядевшись на играющего сорванца, пускала по одутловатой щеке своей невидимую постороннему глазу слезу. Впрочем, Игнатий почти всегда замечал это, и тогда казалось ему, что в слезе супруги, как в волшебном зеркале отражается целый мир со всеми его горестями и бездонной тоской.

Михей взрослел, как холодной водой ополаскивался, – с задором и упрямством. Повзрослел, – стал жить. Жил, словно плетью обух перешибал – натужно да безрадостно. Как все, в общем.

Время шло, когда не шло – бежало, когда же не бежало – плелось. И Михей вместе с ним. Однажды, Михей заметил, что подкравшаяся старость изнасиловала его лицо. Теперь лицо напоминало ком грязи. Михей обрадовался, – значит, конец скоро. Теперь он каждый день пялился на себя в зеркало, с ликованием обнаруживая в себе самом всё новые признаки старения. Михей одобрительно крякал и ласково тёр пальцами морщины, бороздившие его осунувшиеся, в последнее время, щёки.

Михей упоённо наблюдал, как слабеют его руки и ноги, как всё меньше тепла остаётся в его старческом теле. Вот и сердце начало вести себя по-другому, нежели в молодые годы. Сейчас оно уже не выбивало стройный барабанный ритм, а было похоже на влюблённую девушку, – трепетало, замирало, работало капризно и непоследовательно.

Михей, чего греха таить, любил прихвастнуть стремительно ухудшавшимся своим здоровьем, перед соседями и знакомыми. Особенно завидовали ему однолетки, – многие из них были ещё краснолицыми крепкими стариками, хмурились и тяжко вздыхали они, завидев перед собой болезненного Михея.

Настало время Михею помирать. Ещё за неделю с лишним до этого, он слёг. Нежась на предсмертном ложе, Михей, перебирал в памяти все события своей муторной жизни, и блаженно улыбался в перестающий держать его мир. Дети, Михея, – взрослые сын и дочь, в спешке готовились к предстоящему торжеству. И даже три внука, обычно столь непоседливые и шумные – присмирели, боясь шалостями своими омрачить последние дни деда. Соседи и родственники, пребывающие в ожидании будущего праздника, с хлебосольными закусками и выпивкой, придумывали остроумные заупокойные тосты, выбирали щедрые подарки.

Предсмертные хрипы Михея, собрали вокруг всю семью. Короста жизни отпадала от души его. Старик несколько раз дёрнулся, оскалился сквозь покрытые пеной губы и помер.

Уже к вечеру дом Михея был полон веселящихся гостей. Непрерывной толпой шли они, что бы поздравить детей, внуков, и прочих родственников, с радостным событием. Посетителей было так много, что не представлялось возможным вести их всех разом любоваться покойником. Группами выходили они из-за праздничного стола и уже хмельные, раскрасневшиеся с тяжёлыми от кушаний животами, шли в соседнюю комнату, где посредине неспешно и величаво, будто сфинкс подле тысячелетних пирамид, возлежал Михей. Пришедшие неизменно умилялись трупной желтизне его тела похожей на ровный солнечный загар, в порыве нежности обнимали Михеевых родных и размазывали свои лица в огромных добродушных улыбках. А ровесница Михея баба Аня, вошедшая при виде покойника в раж, забыв о годах своих, стала носиться вокруг холодного тела, беспрестанно выкрикивая:

Свободен! Свободен! Свободен!

Слёзы Анюты

Анюта хотела быть женщиной, а стала бабой. Она желала любви, но всегда получала мятую фальшь. Жизнь смотрела сквозь неё и иногда ей казалось, что барабаны вселенной отбили панихиду по ней, ещё при жизни.

Однажды, когда зима струилась по её лицу, тонкой ниткой холода и печали, появился Незнакомец. Он был ни на кого не похож, даже на себя. Незнакомец пристально рассматривал Анюту сквозь густые усы. Душа Анюты начала менять цвет, и из нестерпимо серой в один миг превратилась в ярко фиолетовую. «Он» – подумала Анюта своими карими глазами. «Я» – словно в такт её мыслям прошелестел Незнакомец буйной шевелюрой русых кудрей. Не в силах больше сдерживаться, Анюта бросилась к Незнакомцу и потеряла себя в его тёплых ладонях.

Нашла себя, Анюта, среди мятых простыней собственной постели, несколькими днями позже. Её нагая грудь, словно страж воспоминаний, возвышалась над мыслями. Незнакомца нигде не было.

Вновь, дни стали напоминать Анюте битое стекло, а ночи – траурный марш. И только, где-то, в самых кончиках пальцев, ни угасала надежда на возвращение Незнакомца. И вправду, – когда весна растопила седину Анютиных волос и та хвасталась, сама себе, перед зеркалом, ровным каштановым цветом их, – Незнакомец вновь явился к ней.

На этот раз Анюта вела себя осторожно. Она супилась на Незнакомца сквозь тонкие морщины бледного лба. И не хотела подходить к нему ближе, чем на расстояние одного вдоха.

Незнакомец же, наоборот, вёл себя, как ни в чем, ни бывало. Даже наглее чем раньше. Он куражился лицом и паясничал телом. В конце концов, Анюта, начавшая казаться себе уткой притаившейся в камышах, разрешила вспугнуть себя и, воспарив над Незнакомцем, густо захлопала крыльями.

Анюта внимательно следила за Незнакомцем, не желая отпускать его. Один раз, ночью, Незнакомец выскользнул из Анютиной постели и стал блуждать по лабиринтам темноты её квартиры. Анюта, до того лишь претворявшаяся спящей, неслышно последовала за ним. В конце концов, Незнакомец остановился перед большим тазом с водой, как гвоздь торчащим посреди комнаты, Анюта полевым одуванчиком замерла позади Незнакомца.

Вода, это наши воспоминания, - сказал Незнакомец Анюте, не оборачиваясь.

Если вода замерзает, мы забываем тех, кого любим, – продолжил он.

Анюта безлико молчала за спиной.

Если вода обращается в пар, мы прощаем тех, кого любим, – снова изрёк Незнакомец, не оборачиваясь.

Никогда не смейся, глядя в воду. Грешно потешаться над своим прошлым. Это может привести к тому…

Недоговорив, Незнакомец схватил таз, поднёс ко рту и махом выпил из него всю воду. Он повернул к Анюте своё лицо и та ощутила, как выпитая Незнакомцем вода стала заполнять её живот. Через мгновение она поняла, что Незнакомец уже не стоит перед ней, а плывёт по её утробе увлекаемый хлынувшей туда водой. Не в себе от ярости, Анюта, рухнула на пол, и изо всех сил стала колотить руками по пузу, надеясь таким образом достать до плещущегося где-то глубоко внутри Незнакомца. Бесполезно. Вскоре Анюта догадалась, что Незнакомца уже нет в ней, – он уплыл неведомо куда с потоком выпитой им воды.

Время корчило Анюте гримасы, а звуки казались все на один лад. Анюта думала, что солнце давно погасло, и что сама она лишь только притворяется живой. Иногда она набирала полный таз воды и громко хохотала наклонясь над ним. Ей было жалко, что Незнакомец так и не сказал, о том, чем всё может закончиться, если долго смеяться над своими воспоминаниями.

Лето заплело Анютину косу, отпустило на свободу грусть. Анюта не очень удивилась, когда вновь увидела перед собой Незнакомца. Она даже захихикала самыми краешками ушей, и спросила его без лишнего лукавства:

А, что будет с теми, кто смеётся прямо в воду?

Кто смеётся над прошлым, – лишается будущего. – Тихо проговорил Незнакомец, и протянул к Анюте белизну своих рук.

Анюта, снова отдалась во власть его седых чувств. Ей уже не хотелось удерживать Незнакомца рядом с собой, так как понимала она всю бесполезность этой затеи. И всё же какая-то печаль продолжала томить её душу. Анюте подумалось, что если Незнакомец, тоже тоскует по ней во время своего отсутствия, то и ей наверняка легче будет переносить разлуку.

Ты скучаешь по мне? – Спросила она Незнакомца.

Я не могу скучать по тому, кого не знаю. – Ответил он.

Незнакомец исчез как обычно, не попрощавшись. Когда он ушёл, Анюта, вдруг ощутила всю правоту его слов, о том, что у неё больше нет будущего. Журчащая струйка воды, унесла его вместе с Анютиным смехом. Вместо будущего у Анюты теперь должен был быть ребёнок. Анюта не хотела этого ребёнка, но боялась его потерять. Ей казалось, что ребёнок тоже, когда-нибудь, исчезнет, как и его отец.

Когда осень играла с Анютой в поддавки, Незнакомец снова заглянул в её глаза.

У нас будет ребёнок. – Сразу же призналась ему Анюта.

Дети, это пустое. – Ответил тот, но, всё же видимо заинтересовавшись, приблизил своё лицо к Анютиному животу. – Он будет похож позавчерашний четверг. – Констатировал Незнакомец.

Анюта подумала, что не важно на кого будет похож ребёнок, – лишь бы счастье всегда болталось у него за плечами. А вслух сказала:

Этот ребёнок, – твой подарок мне.

Я никому не дарю подарков. – Ответил Незнакомец, уткнув палец в Анютин живот, и пытаясь пощекотать, сквозь её тело, ребёнка. – Тем более, я не расплачиваюсь детьми.

Я рожу его для тебя.

Никогда не распоряжайся тем, что ни может никому принадлежать. – Процедил незнакомец сквозь полуприкрытые веки.

Той же ночью Анюта проснулась оттого, что Незнакомец разговаривал с её плодом, она не успела вникнуть в суть фраз, но как ей показалось, Незнакомец предлагал ему что-то.

«Что можно предложить ещё не родившемуся ребёнку?» – подумала Анюта. Однако сон навалился на неё невыносимой тяжестью неги, и она будто провалилась в бездонный колодец сновидений. Впрочем, у этого бездонного колодца оказалось дно, которое представилось Анюте в виде залитого солнцем холмистого пейзажа. Сама она стояла, в низине, по колено в густой, нежно ласкающей кожу траве и наблюдала, как от неё в сторону высокого холма удаляются две фигуры – большая и маленькая. Это были Незнакомец и их общий ребёнок. «Они уходят навсегда» – вдруг поняла Анюта, чувством, природу которого вряд ли смогла бы объяснить. Со всех ног Анюта бросилась за удаляющимися фигурами. Казалось, они шли медленно, однако расстояние между ними и Анютой только увеличивалось. Анюта бежала ещё несколько минут, но потом начала выбиваться из сил. Трава заплела её ноги, и она рухнула в мягкую зелёную массу. Сдавленный крик, который шёл от самого сердца, вспорол стоящую вокруг тишину. В этот момент, Незнакомец и их будущий ребёнок, дошедшие уже до самой вершины холма, повернули к Анюте свои счастливые лица и, прощаясь, замахали ей руками. Новый крик, Анюты, полоснул по залитым ослепительным солнцем холмам. Этот же крик разбудил её, вернув в собственную постель. Незнакомца рядом не было. Анюта схватилась руками за живот и с ужасом поняла, что он пуст. Отчего-то Анюта знала, что больше никогда не увидит их. Она села на своей кровати, и тяжёлые слёзы полились из её глаз. Анюта, сидела и плакала, и долго не могла понять, что в этом её плаче не так. Наконец, до неё дошло, – вытекающая из глаз влага стекает до середины щёк, а затем исчезает, обратившись в пар. И в этот момент, что-то тяжёлое и тёмное, отлегло от её сердца.

Тоска

Я отчётливо помню тот день, когда дед мой стащил всю тоску в сарай, черневший неказистой халупой за нашим деревенским домом. Помню, как я – тогда ещё пятилетний малец, выбежал на дорожку ведущую к сараю, и ошарашено следил за усердными действиями деда. Дед тужился, кряхтел, стариковские ноги его скользили по жирной грязи, густым слоем покрывавшей наш двор, – но своё дело твёрдо хотел довести до конца. Согнутый напополам под тяжестью тоски, он в фанатичном беспамятстве тащил её в сарай. А рядом причитала моя бабка. Рыхлый вой её, настолько не совпадал с беспросветным упорством изнемогающего под непосильной ношей деда, что в моей душе родилось едва преодолимое желание избить её, и долго таскать за седые космы, до тех пор, пока не прекратит она этих стенаний. Я и сейчас жалею, что тогда был слишком мал для этого.

Лишь к вечеру управился дед со своим нелёгким делом. Заканчивал работу он уже в полной тишине – бабка, сорвав, в конце концов, голос, махнула рукой, уйдя в дом. Лишь я продолжал следить за ним из-за кучи отсыревших поленьев. Дед навесил на дверь сарая тяжёлый замок, отёр покрытый испариной лоб рукой и грязно выругался. Мутный взгляд его выудил меня из вечерних сумерек:

Пошли в дом. – Коротко скомандовал он.

Теперь, когда тоска была заперта в сарае, дед надеялся, зажить другой жизнью. Дед думал, что редкая борода его снова будет развиваться по ветру как флаг, а жёлтые кривые зубы ещё не раз глянут на мир сквозь широкую улыбку. Не судилось. Уже на следующий день дед слёг. Тщедушное тело не смогло вынести давешней нагрузки. Чем ближе был его конец, тем сильнее сгибалось тело пополам, принимая ту позу, в которой носил он тоску в сарай. Даже в гробу дед норовил приблизить свою грудь к коленям, отчего казалось всем, будто он хочет сесть в смертном ложе, и попросить чарку самогона на помин своей души.

Когда схоронили деда, настала очередь бабки. Та недолго пряталась от смерти своей, как созревшая девка не может вечно отказывать милому её сердцу жениху. В одну из летних ночей бесконечность позвала её.

С тех пор я жил только с матерью и отцом. Жили хорошо, а не весело. Отец смотрел на мир, как снег пахал – бессмысленно, но с упорством. Да всё плевал в никуда. Так он и запомнился мне, – сидящем на завалинке подле дома, в майке и резиновых сапогах, и плюющим. В плевках его чувствовалась какая-то озадаченность. Белые сгустки слюны вырывавшиеся из обрамлённых небритыми щёками растрескавшихся губ, описывали в воздухе дугу и навеки исчезали в пустоте. Взгляд отца, словно пригвождённый всегда следил за полётом очередного

своего плевка, даже исчезнув, плевок продолжал занимать его внимание, будто видел он, куда летел, и куда попал плевок этот очутившийся в мире незримого. По выражению лица отца можно было понять, когда плевок, где-то по ту сторону реальности, наконец, достигал своей цели. Отец тогда удовлетворённо хмыкал, а по краям глаз его начинало играть едва уловимое лукавство. Он снова ворочал языком во рту, собирая новую порцию слюней для ещё одного залпа по неизведанному.

Мать была женщиной кроткой, вечно рассказывала сама себе какую-то историю, не имеющую ни начала, ни конца. Только раз в месяц белый свет мерк в её глазах, она запускала руку под подол, измазывалась женской кровью своей, шла на околицу и там долго, в одиночестве, голосила песни. В это время щёки ее, густо намазанные кровью будто румянами, надувались как меха кузнеца, раздувая перед ней невидимое пламя какой-то страсти.

Я же, малолетний сорванец, бегал по двору, спотыкаясь о собственное имя. Иногда, детские игры, заводили меня к сараю, где под ржавым замком хранилась вся наша тоска. И тогда я, бросив забавы, припадал к занозистым доскам сарая, рассматривая тоску в узкие щели. В эти минуты казалось мне, что где-то внутри, в самой темноте, прячется мой дед, который впопыхах, тем памятным для меня днём, отнёс в сарай не только тоску, но и свою душу. А может быть, – думал я, – туда перебралась и душа бабки, и до сих пор воет она там, неслышным для живых воем, на душу деда.

Однажды, ночь разбудила меня глухой тишиной. Я встал с кровати, тихим шагом прошёл мимо матери, которая даже во сне продолжала бубнить сама себе нескончаемую историю. Выйдя за крыльцо дома, я ощутил, как ноги сами тянут к тому сараю, где лежала тоска нашей семьи. Повинуясь внезапному порыву, в темноте добрёл я до перекошенной двери сарая, и с удивлением обнаружил ее не запертой, какой была она уже много лет подряд, а зияющей темной пастью открытого проёма. Впрочем, дверной проём был не такой уж тёмный, – где-то в глубине сарая колыхалось тонкое пламя свечи. Я шагнул внутрь. Никогда ещё взгляд отца, которым он встретил меня, не был таким страшным и отрешенным. Отец, казалось, стал выше чуть ли не в два раза, и, выкатив из орбит огромные шары глаз, буравил ими меня до самых сокровенных уголков детской души. Я попятился, ожидая родительского гнева, а может быть и жестокого наказания. Но отец молчал, не сводя с меня тяжёлого взгляда. От этого стало ещё жутче. Молчание продолжалось. Похожий на пыль свет, источаемый притаившейся в одном из углов сарая свечой, наконец, дал возможность мне разглядеть на шее отца тугую петлю, навеки отделившую душу его от тела. Второй конец верёвки был накрепко примотан к крюку, зловеще торчавшему в кровле сарая.

Похороны отца прошли ладно и бесхитростно. Только мать, отчего-то хотела идти за гробом непременно голой, уверяя окружающих, что именно такой она навсегда останется в памяти усопшего. После похорон мать начала есть землю. Ела она с аппетитом, громко чавкая, иногда запивая из луж. Мир её сжался до размеров собственного рта. Както объевшись земли, она вошла в дом, с трудом передвигая ноги, не дойдя до кровати, грохнулась прямо на пол и к утру отошла. Мне было жалко лишь то, что она так и не успела досказать сама себе, свою же историю.

Вскоре я вырос и уехал в город. Каменные лабиринты домов увлекли мою душу, напоили допьяна сердце. Я считал ночи, вычёркивая из памяти дни. Мои года водили хоровод, а месяцы и недели играли друг с другом в прятки. Я женился, стал уважаемым человеком и ценным сотрудником. Меня любили женщины и ненавидели старухи. Я прокурил лёгкие и сорвал печень. Весь мир лежал у моих ног.

Одним вечером, темнота которого, как казалось мне, поросла мягким мхом, я заглянул в глаза жены, и увидел там себя. В чужих глазах я был ещё молод, но нестерпимо печален. Лицо было изъедено молчанием, а душа напоминала наковальню, лопнувшую под богатырскими ударами кузнеца.

Той ночью я не смог уснуть.

Когда утро отварило двери новому дню, я собрался, и вышел на улицу. Была ранняя весна, посеревшие от влаги угловатые коробки домов показались мне моей совестью. Сегодня я прощался и с ними, я прощался со всем. Через час быстрой ходьбы я дошёл до городской окраины, шероховатая дорога, похожая на шрам поперёк чьих-то вен, уводила от настоящего к прошлому.

Я шёл три дня. Ничего ни ел. Пил туман, похмелялся снегом. Спал в проталинах, укрывался ветром. На третьи сутки дорога довела до родной деревни. Родительский дом подмигнул мне детскими воспоминаниями. Обогнув, его я вышел к сараю. Здесь хранилась тоска, здесь же жили души моих предков. За его полупрогнившими досками чудилось кряхтенье надорвавшегося деда и седой вой бабки, из заплесневевшей тьмы сарая долетали звуки плевков отца метившего в неизвестное, и глухой рокот матери. Усталость навалилась на меня. Это была не только усталость от трёхдневного пути, но и от жизни предков. Мне казалось, что я различаю тяжесть в мышцах деда, и боль в надорванном горле бабки, и сухость во рту отца, и нестерпимую резь в набитом землёй животе матери. Я присел на влажное бревно, валявшееся неподалёку от сарайной двери, голова опустилась на грудь. Я сидел на бревне и ни о чем, ни думал.

Я сижу там и до сих пор.

инна кирилова

Клуб Паганини

Иллюстрации *Владислава Макарова*

Действующие лица:

1. **Председатель** клуба - рояль
2. **Рудин** Юрий - альт
3. **Бремер** (Марк) - скрипка
4. **Молчаливый** (Виктор) - скрипка
5. **Неофит** (Максим) - альт
6. **Контрабас** (Митя) - контрабас

1. **Председатель** – крупный, массивный человек, очень внушительная фигура, держится спокойно и солидно, движения медлительные, на вид лет 60. Одет строго, старомодно.
2. **Рудин**– романтическая внешность, похож на Паганини, длинные, блестящие, черные волосы. Одет очень элегантно, во все черное, на вид лет 50, много курит.
3. **Бремер** – тип западного интеллектуала, лет 50.
4. **Молчаливый** – порывистые движения, тонкое, издерганное лицо, иногда смеется невпопад, впрочем, как бы сквозь слезы, говорит как бы задыхаясь от волнения. Одет стильно, изыскано. На вид около 50 лет.
5. **Неофит** – крупный, спортивного вида молодой человек, лет 25.
6. **Котрабасист** (**К/бас**) – неприметный, лысыватый, круглый человек, тип московского интеллигента 70-х годов, одет небрежно, помятые брюки, пестрый свитер, около 60лет. Изъясняется со всеми только при помощи контрабаса.

Действие происходит в течение ночи. На сцене рояль и контрабас, как два центра, две точки опоры, между ними установлены три стула. Далее виднеется столик уставленный бутылками, фужерами, фруктами, цветами. На авансцене портрет Паганини. На рояле беспорядочно лежат ноты. Темно, освещены только рояль и ***К/бас.***

Входит контрабасист, садится за инструмент. Пробует разные звуки, прекращает, затем берет длинный звук, переходящий в мелодию.

Входит **Председатель**. Контрабасист отвечает ему только звуком. **Председатель** отлично его понимает.

Председатель.

А, Митя, ты уже здесь. Да ты сиди, сиди. Я слышал, ты играл что-то.

***(К/бас** играет ту же мелодию)*

Председатель

Да… (говорит задумчиво). Я ни у кого не слышал такого звука на контрабасе. Только ты способен извлекать ТАКОЙ звук. Какая концентрация , какая глубина, какое благородство! Жаль, что ты не выступаешь, мог бы солировать на своем контрабасе, не говоря уже о виолончели. Ты ведь виолончелист превосходный.

К/бас *(отвечает звуком)*

Председатель

Знаешь, Митя, я часто думаю о тебе, о твоей судьбе. Престижные премии на всех мыслимых и немыслимых конкурсах, взлет карьеры, расцвет сил, 30 лет, и вдруг без видимой причины… все бросить, поступить в оркестр в группу контрабасов и замолчать. Что послужило причиной? Какие истины тогда тебе открылись? Я по твоей музыке, по твоему исполнению понял, что ты стал сильно меняться, ноты молчишь, и я до сих пор ломаю голову над первопричиной. Что же все-таки произошло тогда?

К/бас *(звучит небольшой монолог)*

Председатель *(Внимательно вслушивает-*

ся).

Нет, не то, это я уже слышал от тебя. Я уверен, что какой-то внутренний очень серьезный толчок был. Ты не хочешь мне сказать, думаешь, что не пойму тебя?

К/бас *(Очень быстро говорит; череда звуков).*

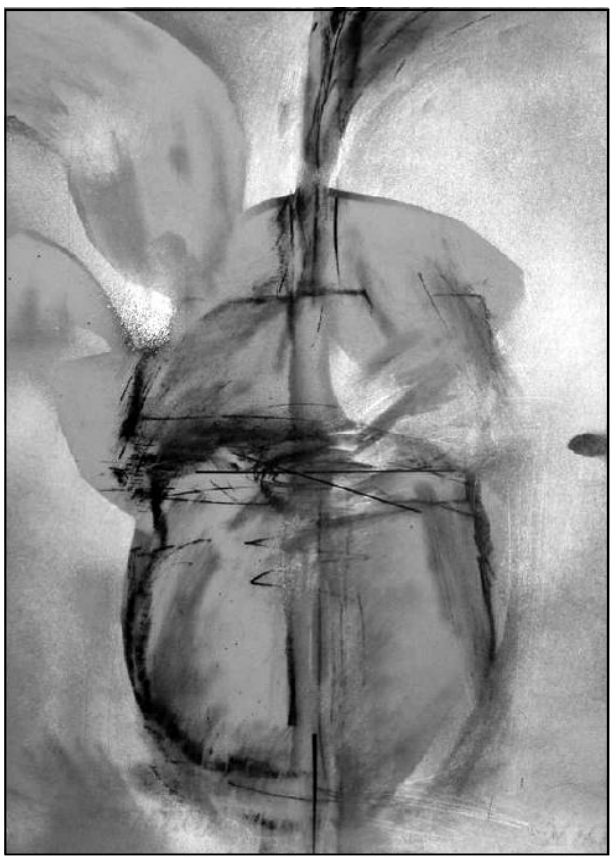
Председатель

Да, да, знаю, что ты не хочешь это обсуждать. Хорошо я оставлю эту тему. Но все же это очень, очень большая потеря, что тебя не слышит широкая публика. Ты лучший, слышишь! Это я тебе говорю лучший!

К/бас *Отвечает .*

Председатель

Мы знаем друг друга тысячу лет, еще с музыкальной школы, потом консерваторские годы. Ты – часть моей жизни, сколько вместе было всего… И первая сигарета вместе, и первый бокал вина вместе, да еще мало ли чего… Сегодня вот 20 лет клубу, который мы тогда основали. “Отцы-основатели”- шутят Юрик с Марком. Ведь это была твоя идея отмечать ежегодно день рождения Паганини. Ты тогда очень увлекался его музыкой, всякой мистикой, чертовщиной, загадкой его судьбы и меня заразил. Помнишь, как мы обсуждали была ли действительно его встреча с сатаной. Помню, Митя, как ты снимал струны с виолончели и импровизировал на одной струне темы Паганини, а я тебе аккомпанировал… смешно было, но ведь талантливо и здорово получалось. Потом как-то быстро к нам Юрик присоединился, потом Марк с Виктором, учредили клуб, приняли устав… И теперь, чтобы не происходило, какие бы трудности не были, отменяешь все концерты, все планы и в Москву. За 20 лет ни одного срыва заседания. Идея твоя оказалась очень живучей. Хочешь смейся, хочешь нет, но иногда я прямо-таки ощущаю его живое присутствие.



К/бас *Отвечает.*

Председатель

Да, ты прав, его судьба великая загадка, ведь такого второго больше не было, ни одна страна мира не дала музыканта, подобного ему.

К/бас *Отвечает.*

Председатель

Митя, а сколько лет ты уже молчишь?

К/бас *Играет.*

Председатель

Подумать только ! 29лет! Я и забыл, это случилось через год после твоей свадьбы. (Пауза). Как Ирина? Трудно, наверно, ей с тобой? Она у тебя славная. Иногда не выдерживаю, злюсь на тебя, хоть и разделяю и принимаю твою идею, а ей каково? Ты ведь и с ней молчишь? Да, повезло тебе с женой, коль она с тобой столько времени, любит, наверно. Женщины это стихия, могут разрушить, а могут и создать, они нас в иное качество переводят.

К/бас *Играет.*

Председатель

Знаешь, я всегда относился с глубоким уважением к твоей идее, но не думал, что это возможно. Ведь это подвиг, 29 лет молчать! Поэтому ты так и играешь. Такая глубина, такая концентрация энергии! Сколько же надо внутренней работы, сколько в себе перелопатить, передумать, перечувствовать, чтобы все твои глубочайшие озарения вылились в гениальные интерпретации и сочинения, абсолютно жизнеспособные, убедительные!

К/бас *Отвечает.*

Председатель

Не знаю, какой я там гений. Ты, Митя, выше, ты святой и лучший в мире музыкант. Ты в себе преодолел весь этот темный эротический ил, на котором держится искусство и вышел на запредельную высоту. Совершил духовный подвиг. Подумать только, от тебя ничего не останется потомкам. Даже жития не напишут. Надо бы мне взяться за перо, но как ? В нам меркантильный век ни концертов сольных, ни программ, ни афиш, ни записей, нет учеников, нет последователей. Ничего! Только очень небольшой круг друзей, которые знают тебя. Даже в домашних условиях записывать себя не позволяешь. Никто не сможет повторить твой путь, твой подвиг. Ты все, весь свой опыт преобразовал в духовную сферу и вырвался на запредельные уровень. Давай выпьем за тебя, Митя. Дай, Бог, тебе здоровья! Я один знаю тебе истинную цену и могу в полной мере оценить и твой путь и плоды его. За тебя, Митя! *(Наливают, пьют).*

И все же надо выступить хотя бы один раз. А? Концерт для виолончели. А, Митя?! Ведь это будет событием в музыкальном мире, ну хоть

раз?

К/бас *Играет.*

Председатель

Я понимаю, что для тебя творчество лишь ступень…

*(Входят **Бремер** и **Молчаливый**. Они с инструментами и нотами)*

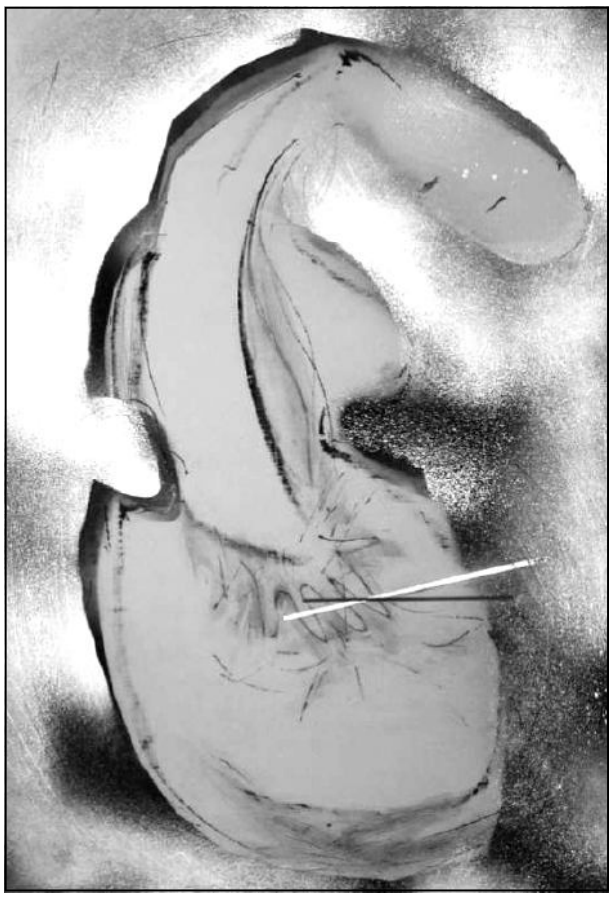
Председатель

А, вот и Марк с Витей *(смотрит на часы)*. Да, уже время без четверти 12. В 12 все должны быть в сборе.

К/бас *Играет приветствие.*

Бремер

Мы с Виктором только что с концерта. Быстро по домам переодеться и сюда. Я даже поужинать толком не успел. Сегодня играли Пьяцолу. Публика в восторге. Какая изысканная музыка. Она полна эмоций, там есть все: и радость, и слезы, и любовь, но в первую очередь сам Пьяцола очень интересен, он заразил меня своим гением, я считаю что он войдет в историю, как композитор, как часть XX века, как часть конца XX века, когда музыка ложная, или музыка выдуманная, изобретенная, написанная композиторами для композиторов зашла в тупик в какой-то. А Пьяцола остался верен духу музыки, духу эмоций, духу того, что музыка должна говорить не на языке слов, понятий, объяснений, а вот так… именно, на языке эмоций. И это ничего, что Пьяцола писал только танго, вот про Вивальди то же говорили, что он 600 раз написал один и тот же концерт, может Пьяцола написал 600 раз одно и то же танго, но он великий.



*(**Молчаливый** расчехляет скрипку, играет кусочек из Пьяцолы. **Бремер** ставит ноты на рояль, берет инструмент, к ним присоединяется **К/бас** и **Председатель**, звучит танго Пьяцолы).*

Бремер

Сегодня Юрик должен привести молодого музыканта. Он его откапал на альтовом конкурсе. Говорит, что очень талантлив.

К/бас *Живо реагирует.*

Председатель

Женат?

Бремер

Нет, не женат, на сколько я знаю. Юра хочет рекомендовать его в члены клуба и дать поручительство.

Председатель

Юрик так увлечен им! И как всегда торопится сразу его сюда, к нам, вдруг, он в нем ошибся, переживать потом будет. А что еще известно об этом **Неофите**?

Бремер

Да собственно ничего. Юра держит его в секрете. Я о нем только слышал, но не видел. Юрик просто бредит им, собирается готовить с ним программу.

Председатель Виктор, а ты слышал, что-нибудь о нем?

Молчаливый *(Произносит звук между смехом и отрицанием)*

Бремер

Мы еще с Витей не пришли в себя после концерта. Нам надо бы выпить как следует. Я смотрю коньяк есть, прекрасно.!

(подходят к столику, выпивают, тихо разговаривая между собой)

Председатель

Юра увлечен и необъективен. Марк и Витя ничего не знают. По уставу клуба должно быть минимум два поручителя, а при голосовании должны быть все “за”, если один голос воздержался, то кандидат будет отвергнут.

К/бас *играет.*

Председатель

Ты хочешь поручиться? Но, почему? Он ведь может и не принять нас, стареющих чудаков. Паганини и XXI век, как это соотнесется?

К/бас *Играет вдруг из Баха.*

Председатель

А причем тут Бах? (смотрит на часы). Пора бы начинать заседание. Где же Юра?

Бремер

Как всегда опаздывает. Окончательно замотался по концертам. Пытается растянуть время, пытается сделать два дела там, где нельзя успеть и одного. Такая интенсивность опасна, она противоречит самой сути, самой природе исполнительского творчества. Надо стараться по возможности разгружать себя. Мы с ним говорили об этом.

*(Вбегает **Рудин**, за ним **Неофит**)*

Рудин

(говорит чуть охрипшим голосом, чувству-

ется, что очень устал). Здравствуйте, друзья мои. Извините за опоздание. Прилетел только что, не выспался, созвонились с Максимом и быстро сюда.

К/бас *Приветствует.*

Рудин

Вот, знакомьтесь - Максим. Это замечательный молодой человек и очень талантливый музыкант. Я его услышал на альтовом конкурсе и сразу поверил в него. Прослушал на всех турах, невероятно болел за него. Играет сложнейший альтовый репертуар, а кроме того, прекрасно играет джаз, у него просто дар импровизации.

(Все внимательно смотрят и слушают)

Председатель

Ну что же, посмотрим. А пока надо выдать стул. Виктор, принеси, пожалуйста, 4-й стул для Максима.

(Устанавливают четвертый стул. Именно устанавливают с учетом звука, все стулья стоят строго на своих местах. ***Председатель*** *подходит к роялю).*

Председатель

Так, ну теперь все в сборе. Можно начинать. Друзья мои, двадцатое заседание, посвященное дню рождения великого музыканта и непревзойденного артиста Никола Паганини, считаю открытым. Спешу напомнить, что сегодня маэстро исполнилось бы 2... лет (играют). Каждый из нас испытал обаяние и влияние этой личности. Некоторые имели мистический опыт общения с ним. Напоминаю, что год назад Юра пообещал нам поведать историю, о которой он никому никогда не говорил. Эта история, по его словам, связала его жизнь с жизнью великого мастера. Юра пообещал раскрыть свою тайну в новом тысячелетии. Время настало, Юрочка. Сменились века. Ушел XX , наступил XXI век.

Рудин

И обещание свое сдержу.

*(****Бремер*** *что-то пишет, передает записку председателю)*

Председатель

Так-с. Поступило предложение, а вернее принципиальное возражение по поводу числа и года рождения маэстро. Внес возражение уважаемый Марк. Он обоснует свою позицию. Далее в повестке заседания клуба рекомендация Юры на вступление нового члена в наш клуб. Репетиция сонаты Паганини – это непременное условие в день рождения маэстро исполнить его музыку. Еще одно обстоятельство: Витя уезжает в Европу, может быть навсегда, он хочет обсудить свой отъезд с нами. Ну вот, пожалуй, и все. Есть дополнения? Возражения? Тогда начнем. Марк, тебе слово.

Бремер

В беседе со своим биографом Шоттки, Паганини утверждал, что родился 18 февраля 1784 года и мир был убежден в достоверности этого факта. Но обнаружилась запись в метрической книге церкви Санта-Кроге и Сан-Самваторе в Генуе, которая свидетельствовала, что (достаёт бумаги зачитывает) “27 октября родился, а 28 октября 1782 был крещен Николаус Паганино”.И эта дата теперь принята официально по решению ЮНЕСКО. Мы так же взяли, не задумываясь за основу эту дату и собираемся ежегодно 27 октября. Но точны ли эти сведения? Ведь Николо хотелось с годами казаться моложе. Сохранилось его письмо, адресованное близкому другу и адвокату Луиджи Джерми, где он просит постараться уменьшить ему возраст и достать ложное свидетельство о крещении для задуманной женитьбы. Маэстро, как известно, несколько раз страстно хотел жениться но... последний шаг никогда не делал. Паганини писал (цитирую) ...”получи прежде всего мое свидетельство о крещении у священника в церкви Сан-Сольваторе, которое надо искать где-то около 1780 года... А теперь самое сложное, это касается свидетельства о крещении, если б из него было видно, что мне уже под 40, не мог бы ты договориться со священником церкви Сан-Сальваторе о том, чтобы он поставил там другой год и сделал бы меня немного моложе. Это было бы для меня большая радость, так что постарайся придумать как это сделать наилучшим образом, и если тебе это удастся, ты меня очень обрадуешь!” Я думаю что, в этом письме Паганини называет истинный год своего рождения – 1780 и дату ,18февраля. Из этого следует, что Паганини родился - 18 февраля 1780 года, месяц и число он верно указал Шоттки.

Председатель

Да, любопытно все это. Мы выслушали позицию Марка, высказываемся по старшинству и ставим на голосование. Митя, мы тебя слушаем.

К/бас *Играет.*

Председатель

Я понял, ты считаешь это не принципиально.

К/бас *Играет.*

Рудин

Я думаю, что каждый должен это обдумать и дать ответ в конце заседания, а еще лучше на следующий год. Все привыкли к этой дате, и вдруг - новая дата, непривычно как-то. Я знаю, Марк, ты любил сбивать стереотипы ради истины, но как-то все же привычнее 27 октября. И надо обдумать. Давай оставим до следующего года все как есть.

Председатель

Витя, ты что скажешь?

Молчаливый *(вскакивает, потом садиться, машет рукой, жест можно истолковать, как мне все равно).*

Председатель

Максима пока пропустим, он не член клуба. Я поддержу Юру, это все серьезно и надо обдумать, потому что новая дата ломает графики концертов, а главное стереотипы, все-таки эта дата за 20 лет в подсознании уже сидит и выкинуть ее не так просто. Так мистически сложилось... если мы изменим дат, клуб может перестать существовать. Но возражения серьезны и от них просто так нельзя отмахнуться. Истина важнее. Вопрос переносится на следующий год, каждый подумает и выскажется в течение года,

когда созреет… Теперь, друзья, давайте наполним бокалы и выпьем в честь маэстро Паганини. *(с этого момента все начинают свободно ходить по сцене).*

Председатель

Юра, пора открыть нам тайну, твоя очередь.

Рудин

Да, но сначала я вам все ж представлю Максима, немного расскажу о нем. У него замечательная история. Он из Новгорода, когда собирался ехать на конкурс в Москву, его отговаривали со следующим текстом. Все равно тебе премии не видать. Дадут москвичу или ленинградцу, зачем ты туда поедешь, но мудрая мама сказала: "Это тебе будет стоить 30-40 долларов и тебя узнают в Москве. Поезжай и сыграй хотя бы первый тур". Он приехал на конкурс , сыграл первый тур, удивился, прошел на 2-й тур – удивился, прошел на 3 тур – удивился, на четвертый – удивился, получил первую премию и все еще удивлялся. Я внимательно следил за всеми его выступлениями. Он очень одаренный музыкант, у него большое будущее. Я хочу рекомендовать Максима в члены нашего клуба.

Председатель

Мы обязательно вернемся к этому позже. У нас еще ночь впереди. Теперь, Юра, ближе к теме. Мы не дадим тебе увильнуть и отговориться как в прошлый раз.

Бремер

Да, Юрик, не обижайся, но есть мнение, что в твоей карьере без черта не обошлось. Из обычного студента, пусть и Московской консерватории, на вершину музыкального Олимпа! Ведь есть альтисты не хуже тебя, но карьеры такой не сделали.

Рудин

Ну, хорошо, хорошо, я расскажу. А вы сами судите. Да и было ли что? Всем известна легенда о том, что к Паганини приходил черт и подписывал договор. Меня долго занимала эта история. Все говорят, что я и внешне похож на него.

Бремер

Скорее на итальянца.

Рудин

Пусть так, я часто думал об этой истории, иногда забывал про нее, но она жила в моей душе постоянно, иногда я пытался представить это себе в реальности, что бы я сделал в такой ситуации. Подписал бы чертов договор, случись со мной подобное. Что меня занимало больше всего и не давало покоя, так это почему-то мысль: неужели черт сидел и ждал , когда Паганини примет решение или он явился на его страстный зов? А я? Могу ли я сказать "да"? Я тогда учился в консерватории и должен был поехать на свой первый в жизни конкурс. Я бешено занимался, учил программу. В день отъезда мне было как-то нехорошо, я подумал, что перезанимался, ну, в общем, что-то нервное, пройдет. В Москве шел сильный дождь, пока добрался до вокзала промок, да еще там простояли до отхода поезда. Ну, вы знаете атмосферу, все подходят в приподнятом состоянии… на кон4урс, одним словом. В купе я вошел с легким ознобом, горло побаливало. Ночь была ужасной, к утру я был совершенно болен, температура к 39° , горло отекло совершенно, говорить я не мог. По вагону тут же разнеслось, что **Рудин** заболел, все ребята принялись меня лечить. День был фантастический… в полубредовом состоянии от жары и озноба, дверь купе не закрывается, разговоры о конкурсе перемешиваются с таблетками, советами, вином, коньяком. Саша Гинзбург притащил откуда-то водки с перцем, а проводница сжалилась и принесла из соседнего вагона самогон и сало, там какой-то добряк выделил бедным студентам. В этих разговорах, как я потом припоминал несколько раз заходили разговоры о Паганини, может потому что в программу конкурса входила его соната и всякий раз мысли мои устремлялись в этом направлении. К ночи я был совершенно невменяем, состояние неописуемое, температура 40°, я, накаченный таблетками, спиртным, в полубредовом состоянии. В голове моей проносились тучи образов, неимоверное количество каких-то мыслей быстро-быстро сменяли друг друга. Перестук колес навязчиво стучал в голове, сгущенную темноту купе прорезали лучи яркого света, выхватывая из темноты силуэт фрака, мой взгляд был почему-то прикован к фраку. (Я наверно забылся). У меня так и осталось в голове перестук колес, полоски света перемешанные с темнотой и качающийся фрак. Вдруг, фрак сошел со стены и сел рядом со мной. Страха не было, но было совершенно отчетливое состояние сознания, голова ясная, трезвая, я стал всматриваться в сидящего. Меня тогда поразило его лицо, оно постоянно менялось, может из-за освещения, то ли само по себе. Оно было одно и то же, но выражение лица… и главное, я бы сказал, очень быстро переходило от одного возраста к другому, то оно было старое, то очень молодое, старое с запавшим ртом, ужасно сморщенной кожей, нос доходил до подбородка, то являлось совершенно молодым; меня поражал взгляд… я бы назвал его бешено нежным, а само лицо одухотворенное и прекрасное. Я до сих пор помню все, о чем мы тогда говорили, но это не особо существенно. Я только скажу, что он спросил, что я буду играть на конкурсе и дал мне несколько технических советов. Все это были советы незначительные, как я сейчас понимаю, это все внутри меня уже было, но в нашей беседе не это было главное. В то время, пока он находился со мной и мы беседовали, происходило что-то во мне. Да, кстати, он тогда мне сказал, чтобы я не волновался на счет конкурса, что для меня все будет хорошо. Я внутренне наливался какой-то великой силой, мощной энергией, которая подступала к сердцу, мозгу, клокотала и закипала во мне, тело наливалось свинцовой тяжестью. Мое сердце клокотало и стучало, как реактивный двигатель, я думал, что оно не выдержит и разорвется. Кровь приливала и циркулировала во мне с бешеной скоростью, но голо-

ва была абсолютно ясная, я мыслил совершенно трезво и отчетливо, ясно осознавая все что во мне происходит. Вдруг он хлопнул меня поруке и сказал “достаточно”, и я провалился в глубокий черный сон без сновидений. На утро я проснулся вес в поту. Температура резко упала, и я лежал холодный, мокрый, бледный и вялый. Я сразу же отчетливо вспомнил ночные события и чувство неимоверной тоски охватило меня, затем чувство ужаса внезапно налетело и так же внезапно исчезло. Я быстро успокоился и поразмыслив решил, что я все ж видел маэстро Паганини, уж очень он был похож на виденные мною тысяча раз его портреты. Та же ироническая улыбка, тот же колючий живой взгляд. Да и советы , какие он мне дал, были, я бы сказал, пустячками от очень крупного музыканта, такие вещи мог знать только очень большой мастер... именно скрипач. Что касается второго объяснения, то я предпочитаю не думать об этом, так как я никакого договора не подписывал, да меня и не уговаривали. Кстати на конкурсе я вытянул 13 номер и получил первое место, как всем известно, играл я там так, как никогда больше в жизни не играл. После конкурса я знал, что попал в мировую музыкальную элиту.

(Все молчат)

К/бас

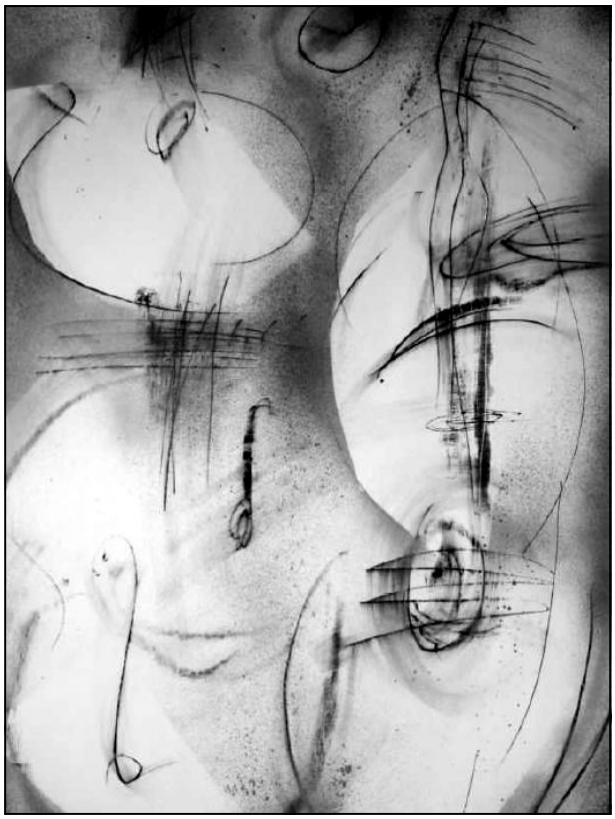
Берет один долгий жуткий звук.

Председатель

Да, Юрий твой рассказ поразителен. Но... за такие вещи надо платить.

Рудин

(Вскакивет, говорит очень быстро и нервно). Платить? Да я уже плачу! Меня затягивает, как в –воронку и самое главное остановить все это невозможно. События так выстраиваются, и такая идет лавина обязательств, что я не справляюсь. У меня чувство, что эта лавина когда-нибудь захлестнет меня и растащит в клочья. Не живу, а функционирую на каком-то немыслимом автопилоте. Организм мой запутался окончательно, потерял ориентацию в пространстве и времени. Нет ни радости, не облегчения, а нарастает тревога. Знаю, так дальше нельзя, надо что-то делать, на что-то решаться. *(Обращается к **К/басу**).* Дмитрий Александрович, я знаю Вы у нас святой, самый чистый и честный человек, скажите, что мне делать? Я растрачиваю себя, и меня почти уже не осталось, все уходит в песок. Я не могу удержаться на той высоте своего конкурса. Тогда был взрыв, как обо мне писали... зажглась новая супер звезда...и я живу на энергии от этого взрыва, но чем дальше по времени от тех событий, тем все меньше и меньше энергии, я живу уже на отходах. Почему у одних творческих личностях, вот хотя бы у Паганини, эта энергия аккумулировалась, а я утрачиваю ее? Все ушло на внешнее, все расхищено людьми и временем. Кого я духовно окормляю ? Европу? Она давно пресыщена... деньгами, всевозможным культурным опытом, оттрахана психоанализом... Вся музыкальная элита работает на нее. Там потребители



потребляют музыкальный продукт высочайшего качества, вперемешку с сексом, крэком и экстэзи и не морщатся, и этот продукт состоит из меня, моей энергии, нервов, творческих взлетов, мыслей. Вот и Витя собрался... Не слушай жену, Витя, не уезжай, послушай ты меня, нечего там делать русскому человеку, отсечен будешь от своих корней, совсем пропадешь.

*(**Молчаливый** во время монолога **Рудина** бурно реагирует вскакивает, порывается что-то сказать).*

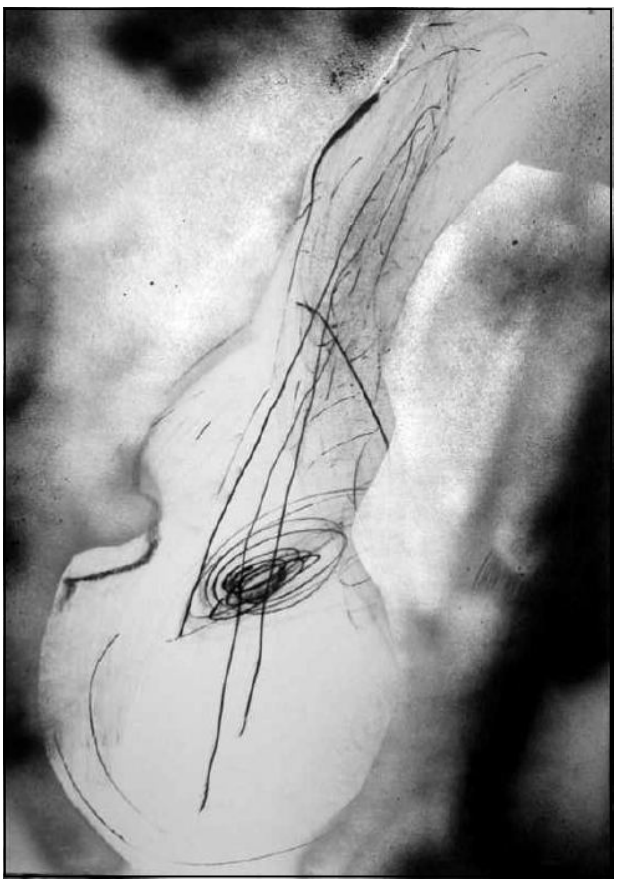
Есть у меня свой оркестр, свой фестиваль, но утрачен смысл. Спрашиваю себя, а для чего все это , если утрачены цельность во имя внешних целей или нет... вот просто так жизнь сложилась. Счастлив ли я? Все утверждают да, но... я не знаю. Может... потому что молодость уходит? А что впереди?.. Опустошение, старость смерть...

*(**Молчаливый** вскакивает, он оголенный нерв)*

Молчаливый.

Да и может ли быть счастлив исполнитель, интерпретатор, а не творец ? Усовершенствовать звук, отплачивать технику и все во имя чего, чтобы играть чужую, пусть гениальную, но чужую музыку! Кто-то успел выкрикнуть в этот подлый мир себя, отлить в музыкальную форму свою личность, свои мысли, чувства, я лишь повторяю, копирую хорошо и плохо. Недавно меня пригласили в одну из музыкальных школ, хорошую школу. Вышли тридцать детей от пяти до одиннадцати лет “белый верх, черный низ”, синхронно поклонились и начали играть для меня. Я

смотрел на этих детей и думал: сколько усилий, железно поставленные руки, безупречная фразировка, все так правильно, безупречно, но… я не услышал ни одного живого звука. Все мертво… нет музыки. Все задавлено школой, так правильно, не к чему придраться. Сколько труда вложено! Я порой думаю, если бы Паганини прошел весь этот путь от музыкальной школы до консерватории, чтобы от него осталось? Вспомнил себя в школе и расстроился совершенно, а ведь я был очень живым ребенком. Наша авторитарная школа направлена на подготовку исполнителей, а не творческих личностей. *(Пауза).* А потом… это интервью дурацкое, вспомнить стыдно… ложь, сплошная ложь… - что я родился у своей мамы, что женился на своей жене, а то меня бы не было. Да… нельзя жениться музыканту, творческой личности *(вдруг с неожиданной злостью).* Эти бабы всю душу выматывают своим служением и любовью, и не придерешься, я ведь стольким ей обязан, жена героически вытаскивала меня… черт с ними со всеми *(сам с собой)* Кто я ? Сначала мама, потом жена, и я все возле этих юбок… вот Паганини бросил их и правильно делал, поэтому он и гений, не позволял нянчить себя, занянчивать, делать из себя мальчика, сыночка, надоела и пошла вон. Одна у него была женщина – скрипка, и относился к ней небось, как к женщине, не мог не чувствовать весь этот трепет… сражался с ней и подчинил ее, вот она и пела для него. И только ей стоит жизнь отдать. Сил у меня не хватило всем им сказать нет… с истериками их, служением, месячными, этими фальшивыми дамскими разговорами, не живут, а мужьям своим знаменитым служат, даже дружат по статусам. У… суки! Все силу из меня выпили! Опустошили… Да вроде и сделал немало, слава есть и удача, а как-то оторван от чего-то большого, настоящего, силы какой-то нет. Много выезжаю на опыте, на технике, клише одни мертвые из-под моих рук, штампы… не поет скрипка для меня, а только видимость того. Потому что не подчинил, изменил ей, и сколько возможностей утрачено. Рано женился, проявил мягкотелость, и теперь… жена заплачет – не могу… от чувства вины всю душу переворачивает. Сколько загасила во мне живых источников, не живет, а сидит при мне сторожевой собакой… И все мы обабились, как посмотришь, ужас! Писатель ли, музыкант ли, режиссер известный и все при женах, поэтому-то и нет откровений, все мы бывшие, восхищаемся друг другом, говорим комплименты… у того звук гульдовский, у того накоплен репертуар, и когда столько успел? А все ж… второго Паганини нет и не будет.



Читаешь о его времени и жизни: страсть , любовь, женщины в экстазе после концерта руки целуют… А сейчас… публика, музыканты, все какие-то кастрированные что ли ! А ведь вот жил один, до конца! Сам сына растил как мог, но бабам лезть не позволял. Написал же он… свобода – высшее благо для мужчины, мужчиной прежде всего себя осознавал и заражен был этой энергией созидающий и живой. И рвал струны на ней, в порыв… очень мужской жест, это я очень хорошо понимаю. Да… есть у меня слава, есть судьба, но гениальность, то чего все стоит - нет…нет… и в 50 уже не будет, и судьба уже состоялась, и все больше усталости и опустошенности, слабости бабьей какой-то. Надо бы закрыть все эти школы, или изменить систему преподавания, да, где там! Попробуй скажи, такой крик поднимется! Да, и преподавателей жалко, работают на износ за копейки.

…[Скрипка да гитара - самые дьявольские инструменты – цыганщина].

…Интервью эти фальшивые, помню, как один хлюст спрашивает… подобные положительные эмоции, вероятно, помогают тебе в твоей многотрудной жизни. Ведь тебе предстоит концерт в одном из лучших залов Европы. И это после того, как я смотрел на этих несчастных педагогов, которые притащили своих учеников мне показать – вот подлец, надо было его осадить, и я опять стал отвечать что-то о Большом зале Московской консерватории. Да моя многотрудная жизнь, по сравнению с жизнью этих несчастных, сказка из “1000 и одной ночи”. Вот подлец, да и я подлец… иду на поводу у этих шутов… Как они любят статусы, да звания, в глаза заглядывают, твари. Только что б статус… Задумываешься о своей жизни, все перевернуто и нет уже тебя самого, а есть только твое звание, да статус, и хор этих подлецов вокруг тебя, и жена, когда со мной на людях идет, так лучи-

сто улыбается, как будто мы уже в царствии у престола божьего, помазанники божьи на земле. Турнуть бы их всех, чтобы все провалились, суки в тартарары, не дает жить вся эта сволочь, все по шерсти гладят, в глаза заглядывают. Мне бы рвануться, кризис духовный пережить, чтобы… или жить, или умереть

(Падает на стул, рыдает. Пауза. Все шокированы)

Бремер

Знаешь, Виктор, кто ясно мыслит, тот ясно излагает (как бы собираясь с мыслями). Да, мы все бывшие. Но есть жизнь и ее не отменишь. Каждый из нас когда-то побывал на духовном Олимпе, но воздух там слишком разряжен, и смертный не может дышать им постоянно. Я рад, что был на вершине, но я бы не хотел находиться там постоянно. Ты никогда не задумывался, чем расплачиваются за гениальность? А я так поинтересовался – либо медленным, мучительным распадом тела, либо сумасшествием. Человеческая ограниченная природа не может выносить дары богов. Вспомни Ницше, Владимира Соловьева, Паганини… список можно продолжить (Пауза). У меня есть моя жизнь, жизнь как цепь умело выстроенных наслаждений, есть мир высоких идей, мир высокого искусства, есть, наконец, мир красивых женщин, а не только экстатических творческих состояний. Необязательно сгореть самому, можно наслаждаться высоким, главное уметь сделать это наслаждение пронзительным и сознательным, вот, что я называю счастьем и искусством жить. Что ж себя грызть постоянно, изводить, что обманула молодость, поманила гениальностью. Надо принимать себя таким как есть и не делать ад из своей жизни.

К/бас

Играет.

Неофит

Я не член клуба, но можно и мне высказаться? Я очень внимательно слушал вас. К чему вы тут призываете в этом вашем клубе? Гореть во имя… но я не хочу быть гениальным… но я не хочу. Я хочу жить, я хочу славы, иметь свой фестиваль, свой оркестр, сделать хорошую творческую карьеру. Чтобы мое имя было известно в музыкальном мире. Может я брошу альт и займусь дирижированием, или займусь менеджерской деятельностью… или займусь тем, что дает мне возможность сделать карьеру, заработать кучу денег, тогда я брошу все и буду наслаждаться жизнью или займусь еще чем-нибудь. Я смотрю на вас, да вы тут все в маразме. Один уже 30 лет молчит, даже с женой и детьми, гениально играет, но не дал ни одного концерта, ушел в святые. Другой тоже в переживаниях, сразу и не поймешь что тут к чему… Не пойму я вас, вы благополучные люди, получили все от жизни, чего ж вы тут беситесь? Ведь все очень просто: удачен ты и тебя все любят, нет, значит ты ничего не добился от жизни и ты никто…

(звонит мобильный телефон)

- Да, я иду, сейчас буду.- Я шел, думал, что знакомство с вами как-то мне поможет в жизни, карьере, но я боюсь заразиться от вас вашим нытьем. Я хочу определенности, а не нытья. Я хочу действовать и получать отдачу. Всем пока, я снимаю свою кандидатуру.

(Уходит)

Бремер

Какой энергичный юноша.

Рудин *(Хватается за голову).*

Как я ошибся. Какой удар! Мало мне Франции…

К/бас *Играет очень успокоительную мелодию.*

Председатель

Вот и некоторые вопросы снялись с повестки. *(Обращается к контрабасу)* Сегодня заседание вышло, я так понимаю.

К/бас

Отвечает

Рудин

Мы с Марком улетаем завтра (смотрит на часы) нет сегодня, надо хоть немного поспать. Марк, ты идешь?

Бремер

Да, надо идти. До свидания.

Рудин

Скоро увидимся. (Председателю) Я позвоню.

Председатель

Прощайте друзья.

К/бас

Играет прощальную мелодию.

***(Рудин** и **Бремер** забирают ноты , инструменты, уходят)*

Молчаливый *(звонит телефон)*

Да, скоро Юля, не волнуйся, скоро буду. *(раздраженно).* Да иду же, иду, не плачь, не бросаю я тебя. *(Уходит с репликой).* Налево - бабы, направо - бабы, кругом бабы.

Председатель

Распалось в мире мужское начало. Новый век, это век торжества женского сознания. Ушла гениальность из искусства, унитазы, флаги… искусство растворилось в быту. *(Задумывается).* Женская стихия – это вода, это сознание затопит и растворит все, но в нем нет стержня, оно текуче и изменчиво, оно не может ни на чем сосредоточиться, оно не оформлено и служит всему. Женское сознание в искусстве не сотворит гениально.

К/бас

Наигрывает Баха

Председатель

Что ты там играешь, Баха? Ах, да полифоническое мышление Баха. Ты думаешь, что гениальность – это мужская данность, не исчезает, а просто изменит форму. Это уже не будет воспаленное, эгоистическое, эрегирующее “Я”, оно будет гармонической частью Вселенной.

(Играют вдвоем Баха)

Занавес

ВИтАлиЙ КоВаленКоВ

Утро
Утро Кукольных мультфильмов,
К нам приходит на порог,
наступает неизбежно,
Пробил час, назначен срок

На картонном небосводе
неуклонно лезет ввысь
Пластилиновое солнце
Все куда-то собрались

Завозилось населенье
в хлипких маленьких домах
Пьют чаи, едят варенье,
Никого не гложет страх

Деревянные машинки
Зажужжали тут и там,
Заспешило населенье
по рабочим по местам

Крики, гомон, шум и ругань,
Всё нормально, как всегда
В пластилиновой вселенной
нам и горе не беда

Вдруг какой-то страшный рокот,
Ветер яростно задул!
И огромный мега-палец
Небо с грохотом проткнул!

А в полученную дырку –
Глаз Огромный заглянул,
И глядит, зрачком вращая,
Раз моргнул, другой моргнул, и пропал…

Зашевелились люди,
дух переводя
Осторожно, потихоньку,
друг на друга не глядя..

Тут Огромная Сандалька
проломила скорлупу
Голубого небосвода,
И сметая всё в крупу!!!

Крик Огромного ребёнка,
Оглушил из Мега-Рта,
ВОТ ВАМ, БЛЯДЬ, АПОКАЛиПСИС!!!!
… и настала темнота

Космическое
У космоса не будет слёз
У космоса не будет страха,
Немым укором хищных звёзд
Он смотрит вниз, послав всех на хуй

Большой парад цветных планет
Закружит танцем, каруселью,
И яркий свет, далёкий свет,
Увидим мы – даёшь веселье!

И сотни суженных зрачков
прильнут надолго к телескопам
И сотни космолётов вновь,
Проложат неземные тропы!

И все застынут тут и там,
В уютных норах и берлогах,
В квартирах, юртах и домах
Больничных койках и острогах.

Протянем щупальца во тьму
Своей машины техногенной,
И на запчасти разберём
Детали и узлы вселенной!!

Познаем сущность Чёрных Дыр,
И препарируем планеты!

На ломтики разделим мир,
Подобно туше иль котлете!!!

А если чуждый разум нам
Предстанет к опыту преградой??!!
Сметём, рассеем к ебеням,
На атомы размажем гадов!!!

Так думал старый космонавт,
Уставясь пристально на звёзды,
В решёткой забранном окне
Взошла Луна, довольно поздно.

И повреждённый гермошлём…
И верный бластер под матрасом…
И чортов галоперидол..
И санитары – пидарасы.

Сука
Не дразни мою суку, не яри мою тварь,
Не тяни ко мне руки, и мозги мне не парь,
Ты кормила бизонов в зоопарке с руки,
В послеядерных зонах ты рвала васильки.

Моей внутренней твари не хватает любви,
В безответном угаре, она бьётся в крови.
Тесно в запертых клетках, тошно в тяжких цепях
И еловые ветки упираются в пах.

На оскаленных мордах клочья белой слюны
Кто желает быть гордым, то получит войны.
Даже строгий ошейник не удержит бросок,
Ты для собственной твари только мяса кусок.

Не буди мою суку, лучше пусть она спит,
Молчаливая скука лучше громких обид.
Шёпот вежливых будней лучше грохота драк.
Да мышиные блудни на последний пятак.

Обложка сольного альбома Виталия Коваленкова

Да только топчутся лапы, и сверкают клыки,
Не наложишь заплаты на разрывы души,
Клочья розовой пены у врага на клыках,
Отражаются стены в покрасневших белках.

Дорожная
А , не даёт дурная голова,
Ногам натруженным покоя
И только мятая трава –
Свидетель яростного боя,

Где, озверев, душил себя,
Упорно стискивая зубы,
Настойчиво башку скребя,
И матерясь довольно грубо

Таков итог прошедших дней
Слой грязи на твоих ботинках,
Сквозняк в ушах, восход теней
И небо в радужных картинках.

Трусы и башня
Срубить бы денег – построить бы башню,
Чтоб до самого неба!! Да красивее Спасской!!
И сидеть, взирая на свое творенье,
Насладясь осознанием предназначенья!
Но пройдут года, и придут ублюдки,
Разломают, растащат, разворуют, нагадят.
Напишут на стенах, побьют все окна,
Вот и кончилось всё предназначенье
Нет уж, лучше на рынке торговать трузелями,
Кому полосатые, кому - в горошек,
Набивать мошну, делиться с братками,
Гонять воришек, кто хотел на шару
А потом, под старость – скопить состоянье,
Сеть магазинов «Бельё для низу»
Благодарные дети, да любимые внуки
Соберутся у гроба – делить завещанье.
А потом закопают, посидят да напьются,
Поплачут для виду, мол какой был хороший!
И пойдут продолжать дело честного предка
Снабжать трузелями населенье страны бля.
А населенье страны бля – вполне безголово,
И любит рушить красивые башни.
Трузеля в горошек, а также в полоску
Подтянут повыше – и вперёд! В атаку!
Потому что у нас – такое наследье,
Чтоб срывать те башни, которые выше.
Чтоб носили все однотипные крыши
И плевали в тех, кто мыслит иначе

ВАлентин АЛень

Лепила

Или вот еще сон: я возвращаюсь домой последним поездом метро. Поднимаюсь. Рядом с выходом ежится на ветру девочка лет тринадцати. Извините, она мне говорит, я боюсь идти одна, вы не пройдете со мной, хотя бы немножко. Девочка прехорошенькая.

Метров через сто дорогу нам перегораживают подростки. Просят закурить, скалясь и кидая взгляды на девочку. Выделяется оголтелостью один: зубов у него мало, те, что есть - железные, нос свернут набок, сам весь тщедушный и какой-то вихляющийся. И очень смешливый - все ему смешно.

Мне не страшно, потому что я приметил, еще когда от метро шел, милицейскую патрульную машину. Краем глаза я вижу, как ментовской газик приближается, и пытаюсь уговорить молодняк разойтись по-хорошему. Какой там. Я даже получаю легкий тычок в зубы. Ну тут они и вываливаются, не спеша, из своего тарантаса.

- Какие люди! - радуется немолодой лейтенант, - Лепила!

Железнозубый весельчак, Лепила, зубоскалит. Его не смущает присутствие блюстителей закона, он и сам непрочь поблюстеть. Я, между тем, описываю лейтенанту ход стычки.

- Ну и ладненько, - говорит лейтенант. - проследуем. Составим протокольчик. Упечем супчика на зону. Там по нему корешки уже соскучились.

Но мне-то такой расклад ну совершенно не в кассу. Чтоб меня потом подкараулила шпана у подъезда. Ну и просто домой хочется, а не в ментовку, убить два часа на скучные и, скорее всего, бессмысленные процедуры. Короче, отказываюсь ехать. Девочка молчит, прижавшись ко мне плечиком.

На потеху шелупони взбешенный лейтенант обзывает меня в сердцах гандоном:

- Поехали, ребят, - направляется он к своим.

- А вы - это он шпане - отмудохайте этого гандона хорошенько, я разрешаю.

Шпана гогочет, мент же, повернувшись спиной, вразвалочку идет к машине. Такой вот дело принимает оборот. Я уже готов переменить скорое решение, я раскрываю рот и в этот момент Лепила, шустро подскочив к лейтенанту, дает ему такого пинка, что тот падает прямо в лужу откормленной ряхой.

Ну, тут такое началось! Дубинки мелькают, кулаки. Крик, мат. Короче, в суматохе шпана благополучно разбегается, а менты всем скопом вцепившись в Лепилу, защелкивают на его худых запястьях наручники, и мы дружно следуем в отделение.

Лепила и в ментовке присутствие духа не теряет. Глаз его уже успел заплыть, губа разбита, под носом запеклась кровь. Балагуря и подмигивая, он с готовностью выгребает из карманов мятые мелкие деньги и прочий хлам. При нем еще сумка, которую вносит молодой рядовой.

- Чо там у тебя? - косится лейтенант на сумку.

- Спирт, ёпт, - с готовностью отзывается Лепила.

Во всяком случае там пластиковая емкость и в ней плещется жидкость. Ухмыляясь, приободренные миллиционеры переливают ее в какой-то тазик. На запах собирается все отделение.

Но только там не спирт, а какая-то сильнейшая кислота, потому что Лепила окунает в тазик руки, с которых на наших глазах слезает, обугливаясь кожа и мясо, трясет руками и наручники рассыпаются. Я, миллиционеры, все стоим как вкопанные. Никто не может сдвинуться с места. Зато Лепила, победно гогоча, достает из какого-то кармашка пластиковый водяной пистолет (но заряжен он кислотой) и пшикает струйкой в ближайшего сотрудника милиции, потом в другого.

Ну там крик, обугленная кожа, все такое. Кто-то стонет, кто-то выкрикивает бессмысленные команды, тянется к табельному оружию, а кто-то уже лежит без сознания, а может умер. Я сам вообще не могу двинуть и пальцем, как будто в вате какой-то.

В общем, из ментов Лепила оставляет в живых одного лейтенанта, того самого пожилого мужчину, который грозился упечь его на зону. Теперь он направил пистолет на меня. Он требует надеть наручники на воющего от боли лейтенанта.

- Пизди его, сыч, - приказывает мне Лепила.

- Я не могу.

- Почему? Это ж мент, хуесос [это какой-то блатной жаргон, я так понял] Ты чо, мента пожалел? Он же сам говорил моим пацанчикам: испиздите его. Тебя, сыч, испиздите. Забыл?

- Нет, не забыл. Но это ничего не меняет. Я не буду его бить. Лучше убей меня.

- Жаль, - пропустил мое предложение мимо ушей Лепила, - ну что ж, тогда попрощайся со своим дружком-ментярой - с этими словами он засунул дуло своего пластмассового пистолета в рот лейтенанту. Тот замычал, из глаз полились крохотными ручейками слезы.

Лепила вынул пестик изо рта. Несчастный мужчина пополз ко мне на коленях, умоляя: ударь, ударь, парень, ты же видишь, это отморозок. Он же убьет меня!

Я ударил.

- А ты говоришь. Пизди, пизди. Это ж ментяра! Жарь!

Я бил и бил.

- Не верю! - хохотал Лепила, - Кайфа, кайфа не вижу! Мочи, чтоб по кайфу!

- Ну миленький, сильней, хлеще, - просил лейтенант, - у меня детей двое, думаешь я старый, что мне жить не хочется? Девочка у меня, малютка. Ну постарася! Ты сможешь, ты сможешь - ворочал он разбитыми губами, - эта тварь не уймется, пока не увидит в твоих глазах радость.

Наконец, лейтенант рухнул на пол.

Довольный Лепила убрал пистолетик в карман, взял со стола ключи и снял наручники с избитого. Помоги же, боксер, бля. Вишь, тяжелый, боров, наел мурло.

Я помог Лепиле поставить лейтенанта на ноги. Лепила дал ему пинка - уже во второй раз за сегодня:

- Беги, пока я добрый.

Лейтенант рванулся к открытой двери. Я за ним.

- Куууда это? - Лепила снова выхватил пистолет и пустил струйку у меня прямо перед носом. - У тебя еще только все начинается, сыч.

- Эй, ты - это он обернулся к девочке, забившейся в угол, о которой я уж и забыл. Лепила схватил ее одной рукой - если это еще можно назвать рукой - за косу, а другой приставил пистолет ей к уху.

- Нет! - закричал я. - я не смогу.

- А, ну ладно. - Лепила перезарядил пистолет: обмакнул его в чан с кислотой и метнул пробную струйку в воздух - как доктор из шприца перед уколом. Девочка заревела. Умолять отморозка было бесполезно. Другого выхода не было. Я подошел к ней, облокотившейся на стол.

- Ну нет, это было бы слишком просто. У нас бля будет групповой секс!

Я совсем забыл про юношу-теннисиста, фамилию которого я, по понятным причинам называть не буду. Огромная сумка с ракетками и одеждой стояла поодаль. Теннисист понуро облокотился о стол рядом с девочкой, приспустив спортивные брюки.

- А почему б тебе самому не насладиться? - осмелел я.

Вместо ответа Лепила спустил штаны до колен. Там, где должен быть член, у Лепилы рос палец - мизинец. Мизинчиком он поманил меня. Признаюсь, в этот момент мне стало дурно, и я бы потерял сознание, если б не очередной атомный взрыв хохота Лепилы. Он катался по полу от смеха - буквально.

Я расстегнул брюки, достав оба своих члена, левым вошел в теннисиста, правым - в девочку. Члены гнулись, как будто не хотели, но все же - с грехом пополам - свое дело делали.

* * *

Вот такой сон. Мало приятный, мягко говоря. Даже если отнестись к нему цинично, ну как будто это рассказ, то и рассказ так себе, все это, в общем, уже было. Еще у Леонида Андреева был какой-то рассказ с похожей фабулой, а про него, как известно, Лев Толстой сказал: Леонид Андреев пугает, а мне не страшно. И это действительно не страшно, хотя мне-то как раз во сне было очень страшно, еще как! Больше, чем наяву в похожей ситуации (я не про два члена, конечно, а про патрульную машину). Но он ведь и был сочинен: мне снился сон, что я его сочиняю и записываю в зеленую ученическую тетрадочку. Я даже ничего в нем не менял, в этом сне, написал так как есть, и мизинец оставил, хотя сначала, если честно, вместо мизинца приставил к низу живота Лепилы ухо. Потом вернул на место. Дело в том, что я придаю снам большое значение и я считаю, как и многие, что это тоже как бы такая реальность, просто другая и, что самое важное, я считаю так: раз это реальность, то человек несет ответственность за свои поступки и во сне тоже.

Самое омерзительное в описанной мною ситуации то, что мерзость там оправдывается благими намерениями, благость которых, конечно, сомнительна. Я, честно говоря, затрудняюсь ответить, как надо было поступить в данной ситуации, тем более, что во сне как-то все по-другому. Что, дать ублюдку убить девочку и старика? Но расслабиться и получить удовольствие (о котором говорит маленькая застывшая лужица, на простыне) - еще гаже. Выход один - не попадать в такие ситуации. В обычной жизни мне еще как-то удается, хоть и с трудом, контролировать ситуацию во сне намного сложней. Поскольку я твердо решил, что этого не должно повториться, мне пришлось прибегнуть к помощи Пусика - ей я доверяю больше, чем себе самому. Около изголовья нашей кровати теперь всегда тазик и полотенце.

За годы совместной жизни Пусик научилась чуть ли не читать мои мысли. Не знаю, как у ней получается, она говорит, что это оттого, что она любит меня. Когда я сплю, она вроде как-то по особому на меня смотрит и потом может мне сказать приблизительно, что мне снилось: когда мне снится что-то жуткое, я начинаю ворочаться и кричать каким-то тонким, не моим голоском, это и не крик, а писк, от которого Пусик каждый раз просыпается. Она тоже считает, что так дальше нельзя.

Бархат

Повезло мне сегодня. Ездили к моим родителям, по дороге домой тормозит мент. Говорит, *дыхните*.

Приблизил свое лицо к его лицу и выдохнул.

- От вас пахнет алкоголем, - улыбается мент.

- Приятно, надеюсь, пахнет?

- Не вопрос.

- Ну, дело в том, что...

- Дело в том, что? - улыбается ободряюще ментяра.

- Мы были у родителей, и я съел конфету. У нее алкоголь в начинке, понимаете?

- А то.

- Ну и...

- Хотите, я угадаю, какая конфета? - прерывает меня мент.

- Ээ. Ну да, угадайте. Какая?

- Так вы запишите на бумажке, чтоб было по-честному, а мы сверим, - и он протянул мне шариковую ручку.

Я записал на ПТС марку конфет.

- *Бронзовый бархат*! Угадал?

Я молча протянул ему ПТС с *бронзовым бархатом*, накорябанным ниже номера транспотного средства. Честно говоря, я не ожидал, я дыхнул-то раз всего.

Мент улыбнулся победно.

- Однако, - произнес он почти нараспев, хитро щуря своё ментовское глазище.

- Понял.

Я, натурально, к машине. Возвращаюсь с коробочкой *бронзового бархата*: одну мы разъели у моих родителей, а другую заначили, почаёвничать с женой вечерком.

- Ну что вы, - смутился мент, молодой парень, кстати, - мне б одну. Да и коробка запечатана...

Я поддел целлофан своими пластиковыми правами, вскрыл.

- Можно я возьму две? Одну себе и одну Марише?

- Да не вопрос! Привет ей от Валентина Аленя, хотя вряд ли это ей, да и вам о чем-нибудь говорит.

- Неважно. Спасибо огромное. Не нарушайте.

Офигеть! Пронесло. Не верю еще в свое счастье, а точно, смотрю в зеркальце заднего вида, мент уж машет своей гребанной волшебной в направлении немытой тойоты.

А *бархат? Ч*ерт с ним, заехали по дороге, еще одну купили.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕВ

Ах, какая ДУХОВЩина!

Продолжение. Начало в №3.

***

- Так в сапожищах и кофий пить будешь? – Императрица возложила ногу на ногу. – Разуться немедля!

- Голубушка! Матушка! По моей вотчине едем! Не командуй! Дозволь меня слушаться. Хоть для виду. Свой тракт хочу ногами щупать. А ботфорты, ботфорты для кофия сброшу – только скажу, чтоб карасей в сметане принесли!

- Без тебя скажу! Разувайся! По лугу босиком ходить будешь. Халат Григорию Александровичу! – крикнула Екатерина через перегородку фрейлине.

Потёмкин повёл плечами, сбрасывая короткий широкий плащ, расстегнул пуговицы походного кителя: похоже, одной чашкой трапезу не закончишь, созерцать родные просторы будем при отъезде!

В халат Григория Александровича обряжали вдвоем – царица и её помощница, как вдруг бордовый бархат неожиданно сверкнул бриллиантами – на левом отвороте красовался орден.

Генерал ахнул:

- За что, дорогое моё высочество?

- За переговоры в Могилеве: Иосиф не мне поддавался, а тебя боялся!

Потемкин пал на ковер и губами впился в ямочку левой ноги, ту самую, что чуть повыше золотой пряжки на мягкой туфле будет, ту, над стопой на подъеме, которую иногда в минуты их близости просила Като пощекотать мизинчиком. Давно, давно не щекотал...

- Вставай, вставай, греховодник! Ликёр будешь?

- Матушка, целовать твои ноги буду.

- Вставай!

Принесли карасей с походной жаровни.

Смоленские караси повкуснее севрюги будут, – Екатерина складывала косточки на узорчатый поднос.

- Не в карасях дело – в сметане!

- Что за сметана такая особая?

- Козлиная!

Като зашлась в смехе:

- Ай да козёл, двумя фунтами сметаны облагодетельствовал!

- Козья, матушка, козья сметана, не козлиная!

Григорий, помня из своего чижевского детства запеченную в козьем молоке похрустывающую рыбу, ещё вчера велел казакам из авангарда снять сливки с горлачиков у касплянских старушек, тех самых добытчиц, что счесывали пух со своих коз и отправляли его в Петербург мастерицам-перчаточницам.

- На козлиной сметане хочу! Хочу карасей на козлиной сметане! На козлиной! – изобразила каприз хозяйка громадного – о четырёх окнах с одной стороны – фаэтона. - Ох, как хочу!

- В Чижеве будут. Будут! Только не караси, а угри!

Прасковья, что приносила халат, выглянула из-за портьеры:

- Ваше величество, Григория Александрыча денщик просит выглянуть!

- Выгляни, Григорий, да быстрей возвращайся!

Потемкин, завязав кушак, распахнул двери залы на колесах. Тимофей, свесившись с седла, обрадованно блестел глазами:

- Григорий Лексаныч, бабы начались!

И указал нагайкой направо. На обочине дороги стояла крестьянка с лукошком, а в лукошке – розовый куст. Аршин через пятьсот виднелся еще один белый платок, потом

ещё и ещё...

- Ай, молодца, молодца! Приласкай-ка вон ту курочку, у неё корзинка повеселей вроде будет!

Тимофей распушил усы и пустил коня галопом, чтоб уже через минуту на казацкой пике галантно доставить барину благоухающий плетеный ридикюль.

- Не уколитесь, вашескородие!

Потемкин не укололся. С розовым кустом в руках, в бархатном халате с орденом, выпятив крутой подбородок и приняв горделивую осанку, он кивнул Прасковье:

- Отворяй!

Фрейлина отдернула портьеру, Григорий поставил по-конногвардейски корпус, и розовое облачко поплыло к ногам государыни...

- ДухОвщина!

Григорий Александрович чувствовал, как уходит – несётся галопом! – время, как жесточе и страшней становится его жизнь, как все меньше и меньше в ней лепестков счастья и все больше – липкой грязи на ботфортах. Кто будет её смывать, смывать не по службе – по любви?

...Через каждые десять минут Потемкин вносил и ставил к ногам великой женщины корзинку с розами. Зала полнилась и полнилась кружащим голову ароматом, он становился все нежней и ярче, а когда громадный фаэтон встряхивало на ухабах, качал волной. Даже запах кофия, нахальный и всегда вылезающий наперёд, стал вянуть – и сник, сник, сдался, хотя черную смоль напитка Григорий и Екатерина поглощали, не переставая всю дорогу, до самого Чижева.

Нахальным сельцом, с разбежавшимися по холмам хатами, крытыми свежей золотой соломой, выплыло из качающегося зноя Чижево. С дальней горы деревня напоминала задиристого мальца с рыжими оспинами веснушек на замурзанном, но таком счастливом лице. Глазами хлопчика были голубые озерки, зато речка, лежащая в зарослях ивняка, напоминала дразняще высунутый синий язык. А стадо гусей казалось белым пером, заложенным за ухо! Григорий уже переодетый в мундир готов был и дальше искать детали для панорамного профиля пастушонка, как вдруг осадил себя – церковь блеснула ему навстречу крестом раз, блеснула два, три, четыре, а потом крест заиграл в лучах солнца так, что зайчики от него побежали в глаза каждому, кто смотрел и молился на качающийся в бирюзе неба купол и профиль распятия на нём.

Потемкин вытер слёзы...

У усадьбы стояла толпа холопов, духовщинские купцы и знать, священник отец Евлампий. Городской голова держал хлеб-соль, крестьянки обряжены в кокошники, в руках васильки да иван-чай, а у самой статной – громадная корзина с розами.

Казаки из арьергарда взяли на караул, грянул оркестр – и Чижево заплакало от счастья: «Барин Осударыню, царицу нашу Великую на свою родину привёз!

Екатерина смотрела на стоящих перед ней на коленях русских людях и как никогда в жизни чувствовала себя императрицей. Глаза, поднятые на неё от долу, смотрели чисто и восхищённо.

- Моим бы чиновникам такие глаза!

Она кивнула Прасковье:

- Все конфеты, какие есть, – народу!

Из фаэтона вынесли подносы. Государыня сама ходила меж рядами русых голов и белых платков, не стесняясь, сгибала стан и сыпала комочки в серебристых бумажках, в сложенные черпачками ладони.

Энгельгардт повел Екатерину и Григория в родовой дом Потемкиных.

- Невелики покои, невелики. Как ты тут помещался, друг мой?

- А я вон там помещался, во флигельке, - показал Григорий в сторону покосившегося домика.

- Ишь, как ты его скривил!

В материнской горнице накрыто было два стола, один – для государыни и хозяина, за второй сели Василь Василич, городской голова, отец Евлампий, порученец, Прасковья, которая тут же, увидев свободную лавку, кликнула ещё фрейлин.

- Подружек не забыла, молодец, - сказала императрица, глядя на зажаренного поросёнка. Но позови ещё и ту бабу, с большой корзиной.

Розы поставили в красный угол, под иконы.

- Вот теперь можно и за стол. А то ишь, нюхай, государыня, чеснок!

Екатерина отщипнула несколько розовых лепестков:

- Вот чем ликер закусывать будем!

Отец Евлампий благословил на трапезу.

После того, как поросёнок почти исчез со стола, осмелел городской голова:

- Великая наша госпожа, позвольте пригласить Вас в Духовщину. Званием города нас облагодетельствовали – неужто не посетите! Люминация пылать будет, оперу бабы сыграют...

- В Духовщину не поеду. В ДухОвщину, – нажимая на О, окинула взглядом городничего Екатерина, – полечу!

Прасковья увела Екатерину на отдых в спаленку: часа через два-три решено было взглянуть-таки на ДухОвщину.

Тут же с места сорвался Городничий («готовить люминацию!») и отец Евлампий, приехавший с ним на тройке, едва успел смахнуть себе в рот со скатерти два оставленных государыней лепестка.

Потемкин, радуясь, что остаётся один, уже начал стягивать ботфорты, когда под окном треснул выстрел.

***

Рука потянулась за шпагой: стрелять в усадьбе во время отдыха государыни и государя мог только враг!

Но какой же замечательный это был враг: седей самого седого луня в центре двора стоял Игошка! Григорий Александрович узнал его сначала по наличию длиннющей плети и только потом – по сведенным в кучку плечам, а когда подбежал ближе – по такому родному блеску глаз.

- Капелька! – колыхнулось в сердце. Колыхнулось – и побежало шустрым муравьём по хребтине, заставляя широко разводить руки и хватать дедуню в охапку.

Игошка выронил кнутовище и заплакал, прижимаясь к широкой груди человека, который помнился ему всего-то босоногим барчуком.

- Богатырь! Богатырь! Богатырь! – не переставая твердил пастух, пытаясь шевельнуться в сковавших его обручах.

Григорий разжал объятия и аккуратно поставил хрупкое тело старика на траву.

Водку пили прямо на лавке. Порученец принес серебряное блюдо, на котором стоял штоф водки, два тонкостенных стакана с вензелями, блюдо с мясистыми свиными мослами и хлебом.

А Игошка остался Игошкой:

- Дозволь, Григорий Саныч, отлучиться в палисад, три перышка лука отщипнуть!

- Вот, запомни, кавалергард, чем в смоленской деревне водку закусывают! – Генерал и сам с удовольствием пожевал зеленую стрелку, заев её веточкой укропа.

Игошка, держа в руке опустошенный стакан, рассматривал вензеля.

- Не рассматривай, Игоша, забирай с собой. У меня стекольный завод в Питере – вензеля мои. Кто из этих стаканов пьёт, тому водку бесплатно наливают. Будешь в Духовщине в кабаке за моё здоровье чарку поднимать. Бери оба – запас беды не чинит!

Игошка был в легких липовых лаптях, и Григорий, взглянув на них, тут же сбросил сапоги.

- Веди меня по поместью, показывай виры, государыне обещал угрей да налимов наловить!

Пастух приосанился и, почувствовав себя предводителем, пошагал к реке, волоча за собой плеть.

- Да брось ты её, Игнатий!

Старик с укоризной посмотрел на государя.

- Григорий Саныч, вы же – при шпаге? При шпаге! А наше дело при кнуте быть!

Потемкин оглядел себя – и расхохотался: босиком, ноги в пыли – но при шпаге!

Он отстегнул гарду и положил на лавку рядом с подносом, затем отобрал у Игошки плеть и, смотав её вокруг согнутой в локте руки, бросил на край скамейки. Клинок, пастуший хлыст, штоф с водкой – чем не символы смоленской губернии, духовщинской земли, чижевского рая!

…Барин и холоп шагали по заливному лугу, однако не было под солнцем в тот час ближе собеседников и друзей, чем два этих мужчины, один – сгорбленный, кудлатый и потрепанный, другой – солидно властный, но в расстёгнутом мундире военного вельможи, с выбивающейся из-под пояса дорогой нижней рубашки.

- Один норот тут поставишь: сюда рыба спать приходит, – Игошка выдавал рекомендации так уверенно, как будто сам ночевал здесь вместе со щуками и окунями.

- Туда не пойдём, там делать нечего. А вот тот вирок надо посмотреть, там коровки пить любят…

Потемкин сквозь густоту прибрежного воздуха слушал бормотанье деда, передвигал босые ноги по мураве как по турецкому ковру, что-то слышал, что-то не слышал, потому что в душу лезло: - Где я? Зачем я? Зачем Европа, зачем Питер, Крым, Херсон? Зачем? Зачем козни? Зачем казни? …Чижево, только Чижево!

- Григорий Саныч, тут норот будешь ставить с бревна, а вытаскивать – крюком. В кусту у меня схован!

Игошка нырнул в куприну прибрежного лозняка и вытащил отшкуренную сухую довольно длинную рогатину наподобие багра.

- Не сомлевайтесь, ваше благородие, сухая осина покрепче пики будет.

- Потемкин держал в руках почти невесомый жердястый крюк, смотрел в преданные глаза Игнашки и объяснял себе:

- Зачем, зачем? Да чтоб в Чижеве пчелы жужжали, а Игнашка мог спокойно коров пасти да рыбу ловить! Чтоб бабы розы корзинами таскать могли! Чтоб я без шпаги не боялся ходить!

- Последние годы он в трудах и заботах, драках и боях, переговорах и стройках Чижево почти не вспоминал, теперь же понял: если днём не вспомнит, то ночью оно само приснится!

Игнашка уже поднимался по косогору, что-то бубня про мух, комаров и водней. Оглядываясь, он удивлялся, почему государь на таких длинных ногах идёт так медленно, отчего лицо его вдруг потеряло строгую супуратность и приобрело образ блаженного, откуда взялась в его левой руке кувшинка с длинным хвостиком…

- Квасок, квасок нас выручит, квасок, – донеслось до Потемкина. Игнашка уже был в сенях своей хаты, отворял дверь в чулан, где стояла дежка с ячменным березовиком. Напиток, тронутый ковшом, заплескался, забурлил, ударил в нос.

Мужики пили по второй, по третьей, крякали – и пили снова только уже сидя на приступочке начавшего ветшать крыльца.

Об авторах

Геннадий Кацов

Родился в 1956 году в Евпатории. Один из организаторов легендарного московского клуба «Поэзия» (1986). В застойные годы организовал в центре Москвы (ГлавАПУ) концерт для своеобразного представления в составе поэтов Д. А. Пригова, Л. Рубинштейна, В.Друка, Г.Кацова и музыкантов С. Курехина, С.Бугаева (Африка), С. Летова, А.Кириченко, А.Шилклопера.

Приехал в Нью-Йорк из Москвы (через Австрию и Италию) 12 мая 1989 года.

В Нью-Йорке основал авангардистское русское кафе "Anyway" (Манхэттен, 1995 –1997), 1989 –90 г.г. - вел постоянные передачи по современной культуре на радио «Свобода» в программе Петра Вайля «Поверх барьеров», регулярно публиковался в газете «Новое русское слово». 1994 - 98 г.г. – Издатель и Главный редактор популярного молодежного нью-йоркского еженедельника «Печатный орган». 1997-1998 г.г. – Главный редактор «Путеводителя по Нью-Йорку» (ежеквартальное издание, 230 тыс. тираж, совместный проект с «Аэрофлотом»). 1997 г. – постоянный участник еженедельной субботней передачи «Встреча с прессой» (ведущий Владимир Надеин) на общенациональном телевидении ЕАВС, Нью-Йорк. 1997-1999 г.г. – ведущий еженедельной телепередачи «Нью-Йорк: история с географией» в программе Дмитрия Полетаева «Добрый вечер, Америка!» (общенациональное телевидение ЕАВС, Нью-Йорк). 1998-2000 г.г. – ведущий еженедельной часовой радиопрограммы «Утренняя солянка», общенациональное радио RTN/WMNB. 2000 – 2003 г.г. – Главный редактор радио RTN/WMNB. С октября 2000 г. – автор и ведущий ежедневной (кроме субботы и воскресенья) политико-экономической 30-минутной телепрограммы «Ни дня без строчки. Обзор американской прессы», общенациональное телевидение RTN/WMNB. 2000 - 2004 г г. – Главный редактор популярного еженедельника «Теленеделя» (Russian TV Guide, тираж 30 тыс.). 2004 - 2007 гг. - Главный редактор популярного еженедельного журнала "Метро" (тираж 12 тыс.) С 17 марта 2003 г. – Автор и ведущий ежедневной телепрограммы «Утренняя пробежка» (при участии корреспондентов из Израиля, Великобритании, России, Украины и Грузии) и воскресной «Пресс клуб» на русско-американском национальном телеканале RTN/WMNB .

Автор книг прозы, поэзии и текстов:

«Игры мимики и жеста» (из-во «Слово», Нью-Йорк, 1994 г.)

«Притяжение Дзэн» (из-во «Петрополь», С-Пб., 1999 г.)

Александр Гальпер

Александр Гальпер родился в Киеве в 1971 и живет в Нью-Йорке с 1990 года. После окончания Бруклин-колледжа по факультету литературы работал продавцом сантехники, программистом, водителем скорой, таксистом и сейчас социальный работник. Писать прозу и поэзию на английском начал еще в колледже. В конце 90-х после прочтения Джойса "Улисс" вернулся к творчеству на родном языке. Публиковался в эмигрантской прессе. Много гастролирует. Выступал со стихами и короткой прозой в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Смоленске, Киеве, Минске, Берлине. На английском регулярно читает в Лондоне, Нью-Йорке и Сан Франциско. Публикуется на русском и в переводах на английский во многих интернетных и бумажных изданиях.

В нью-йоркском издательстве Кожа-Пресс вышли сборники стихов "Рыбный День"(2003) и "Антидепрессанты"(2006). В результате сотрудничества с художником Иваном Горшковым в Воронеже были изданы комиксы "Трубка" (2006) и иллюстрированный сборник стихов "Синий Мяч"(2007).

Игорь Яркевич

Прозаик. Родился в 1962 г. Окончил Московский историко-архивный институт. Автор романа "Ум, секс, литература", сборников рассказов "Как я и как меня", "Свечи духа и свечи тела" и др. Живет в Москве.

Эдуард Кулемин

Родился в Ярославле в 1960 году. Окончил Московский энергетический институт. Художник, поэт, инициатор ряда арт-проектов. Вдохновитель и организатор разнообразных коммуникативно-творческих образований (КЭПНОС, Группа Неизвестных Художников, Ассоциация Проклятых Поэтов и др.). Участник многих художественных выставок и фестивалей (Россия, Германия, Норвегия, Бельгия, Франция, Италия, США, Канада и др.). Автор книг: "Кажется, состоялось" (1991), "Однохуйственный Улисс" (1994), "Искусственным путем" (1998), "Мультиматум" (2002). Имеет публикации в России и за рубежом: "Митин журнал" (С.Петербург), "Черновик" (Нью-Йорк), «Лимонка» (Моска), «Завтра» (Москва), "Гуманитарный фонд" (Москва), "Смоленский край"(Смоленск), «Читарь» (Пенза), ежемесячник Зверевского ЦСИ (Москва), «Другие» (Москва), «Топос» (интернет-издание), «Другое полушарие» (интернет-издание), Cool-Strip-Art-Antology (Македония), Risvolti (Италия). Включен в антологии: **Crossing Centuries: The New Generation In Russian Poetry (США),** «Нестоличная литература» (Москва). Имеет страницы на сайтах Стихи.ru и Проза.ru.

Михаил Наумович Эпштейн

Философ, филолог, культуролог, литературовед,эссеист, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта). Член Пен-клуба и Академии российской современной словесности.

М. Эпштейн родился в Москве в 1950 г.В 1972 г. закончил филологический факультет МГУ, с 1978 г. - член Союза писателей. Его статьи по вопросам литературы и теории печатались в "Новом мире", "Знамени", "Звезде","Октябре", "Вопросах литературы", "Вопросах философии", "Вопросах языкознания", "Новом литературном обозрении" и других литературных и теоретических журналах. Автор свыше 20 книг и более 500 статей и эссе, переведенных на 15 иностранных языков. В 1970-е годы участвовал в работе сектора теоретических проблем Института мировой литературы (Москва) и преподавал литературу в московских вузах. В 1980-е годы - основатель и руководитель междисциплинарных объединений московской гуманитарной интеллигенции: "Клуб эссеистов", "Образ и мысль" и "Лаборатория современной культуры". С 1990 г. живет и работает в США. Профессор университета Эмори с 1990 г. В 1990-91 гг. стипендиатИнститута Кеннана в Вашингтоне, выполняет исследование по теме "Советский идеологический язык". В 1992-94 гг., по контракту с Национальным советом по советским и восточноевропейским исследованиям (США, Вашингтон), работает над исследованием "Философская и гуманитарная мысль в России, 1950-91". В 2002-03 гг. - стипендиатЦентра гуманитарных исследований (университет Эмори), работает над проектом "Футурология гуманитарных наук: Парадигмальные сдвиги и новые концепты".

Евгений Лесин

Поэт и журналист. Родился в Москве в 1965 году. Учился в МИСиС, окончил Литературный ин-т, служил в СА, работал в котельной, инженером-технологом, в "Книжном обозрении", сейчас в "Независимой газете".

Глеб Коломиец

Поэт. Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «эФтаназия» (punk, г. Тула) и «Melcor» (melodic black\death, г. Тула). Автор научных работ по нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «SSMA-express», «По свету идущие», «Проба пера», «Мужской разговор», «Я.Д.Ы.»на сайтах padonki.org, udaff.com, litprom.ru. Основатель одного из языческих капищ Смоленска. Участвовал в организации литературной студии и журнала «Слова». Работал: сторожем, дворником, переводчиком, компьютерным мастером, младшим научным сотрудником, санитаром, медбратом и др. Ныне студент Смоленской медицинской академии.

Постоянный автор журнала.

Чайкин А.В. (он же Потрот Уару, Бонгард Друидов, И.З. Вращенцев, Захар Самозванцев, Чайк Андреев и другие поместившиеся)

Родился, чтобы не обижать родителей. Пишу, чтобы не мучила совесть. Началось все с Казахстана. Там меня ставили в угол за то, что я верил в ангелов и в черные дыры. Сейчас разрываюсь между Смоленской областью и Москвой. Но всегда смотрю изнутри

эх, а я ещё помню времена, когда под париками скрывали не лысину, а отсутствие волос

дети росли только под пролетающими над ними пулями

заплетание кос ценилось выше пятого этажа

люди, выбирая главное, говорили меньше, чем весили

и никто не думал, что всё, что я здесь написал есть выплески моего либидо

на этом можно было бы остановиться, но не могу отказать себе в возможности указать парочку ссылок на самого себя:

http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=5713

http://www.stihi.ru/author.html?izvra

http://zhurnal.lib.ru/b/bongard_d/

http://lito.ru//avtor.php/izvra?uname=izvra

http://www.grafomanov.net/poems/author/izvra/

Олег Разумовский

Олег Разумовский родился в Смоленске. Служил в морфлоте. Закончил иняз. Работает переводчиком в издательстве АСТ. Участвовал в культовых проектах: Третья модернизация, Митин журнал, Черновик, Факел (Болгария), Альманах №3 (udaff.com) и др. В 2007 вышла книга RAZUMBUNT, в 2008 – ТРОПА ХОШЕМИНА.

Евгений Мякишев

Член 9-й секции Союза писателей Санкт-Петербурга, лауреат премии «От музы» (2006), победитель петербургского поэтического СЛЭМа (2008).

Публиковался в различных журналах и альманахах в России и за рубежом.

Автор книг «Ловитва» (1992), «Взбирающийся лес» (1998), «Коллекционер» (2004), «Морская» (2007), «Кунштюк» (в соавторстве с Михаилом Болдуманом, 2008).

Шульгин Андрей Витальевич

Родился в 1978 году г. Харькове, Украина, где и живу, по сей день. По образованию историк, по роду занятий журналист. Пишу русскоязычную прозу. Являюсь многократным победителем конкурсов прозы проводимых различными литобъединениями на сайте www.litsovet.ru (рассказы «Тоска», «Степная рапсодия», «Слёзы Анюты»; повесть «Кликун-трава»). Мои произведения публиковались в интернет-изданиях: «Литературный журнал», "Точка ZRения" и «Неуклюжий парад ощущений».

В 2008 году мой рассказ «Тоска» стал финалистом международного конкурса «Русский stil» (Штутгарт, Германия).

Инна Кириллова (*Макурина Инна Кирилловна*)

Родилась и живет в Смоленске. Окончила Смоленское музыкальное училище и Московский психолого-социальный институт (факультет психологии). Продолжает учиться в аспирантуре СмолГУ (кафедра философии). Работает над диссертацией. Автор нескольких прозаических текстов и восьми пьес. Печатается в Интернете.

Постоянный автор журнала.

Коваленков Виталий Вячеславович (Кашпер)

Родился 9 июля 1977 г. в посёлке Монастырщина Смоленской области, по образованию инженер-технолог машиностроитель

Музыкант самоучка. С 1993 года участник дворового бэнда «Сдвиг по фазе», исполнявшего на пьянках и квартирных концертах песни ГО, Янки, Цоя и т.д, В 1995 году был выпущен магнитоальбом собственных песен «Меня достало жить», впоследствии утраченный.

С 1996 года по настоящее время автор песен, и солист группы «Похмельный синдром», играющей синтез панка, ска блюза и русского рока.

В 2008 году в домашних условиях изготовлен полуэлектронный экспериментальный диск «Мультики».

Вредных привычек много. Характер скверный. Не женат.

Валентин Алень

Родился в 1965 году в Москве. Фамилию и интерес к литературе унаследовал от деда, Петра Аленьша, который жил в Тарту, где много общался с Ю.Лотманом. Переехав в Москву, стал Аленем (ударение на первом слоге), опубликовал немало статей в специализированных изданиях.

Валентин закончил физ-матшколу и в 1884-м поступил на механико-математический факультет МГУ, со второго курса которого, впрочем, был отчислен. Позже поступил на филологический факультет Московского Педагогического Государственного Института (Университета). Но и там задержался не дольше. Сменил много профессий: переводчик романов ужасов; редактор отдела писем журнала Penthouse; программист (в том числе год в Сингапуре); таксист-частник; продавец контекстной и медийной Интернет-рекламы.

В 90-х опубликовал в самиздате две повести: «Женщина, музыкант, снег в ноябре» и «Рондо Полина», имевшие тогда бурный успех в узких кругах.

Роман Миклашевич

В ноябре 2003-го я попросил одного своего приятеля, немного знакомого с моей прозой, написать статейку, предварявшую блок моих коротких рассказов к так и не вышедшему самопальному сборнику прозы малоизвестных смоленских литераторов. И вот что получилось.

«Миклашевич Роман (род. 1976). Даже странно, как такой плодовитый литератор до сих пор не имеет ни одного опубликованного произведения, хотя пишет, по его собственным уверениям, «*более или менее регулярно*» с десяток лет. С 1995 по 2002 гг. активно музицировал (*«чесал швайку, в смысле – на гитаре поигрывал, и песни пописывал, а что?!.»*) в многочисленных «подземных» панк-формациях (некоторые не имели даже названия!). Теперь, не разменяваясь по мелочам, занимается исключительно литературой. Насколько серьёзно автор относится к своим текстам, небезосновательно причисляемых к «нон-фикшн»/ «панк-фикшн», выражает его едкая характеристика собственного творчества: «*типа высокохудожественная резьба на хрене моржовом».* Есть мнение, что проза Романа вызрела из панк-музыки и увлечения Чарльзом Буковски…»

«Высокохудожественная резьба на хрене моржовом» осталась в прошлом. Так же как панк-музыка и Буковски. Мне там было хорошо, но это «хорошо» не может длиться вечно. Нужно подстёгивать себя, подгонять, идти дальше. Литература – это серьёзно.

Владимир Королев

Родился в 1953 году. В профессиональной журналистике с 1975 года. Член союза журналистов с 1977 года. 1975-1979 – корреспондент, заведующий отделом в молодежной газете «Смена», 1979-1993 – корреспондент, заведующий отделом, заместитель редактора в газете «Рабочий путь». 1993-1995 – председатель Смоленского областного комитета по СМИ и полиграфии. 1995-2004 – собственный корреспондент РИА «Новости» в Смоленске. С 2004 года собственный корреспондент «Медицинской Газеты» по Смоленской области. Получил золотую медаль ВВЦ РФ на выставке «Пресса – 2000». Автор очерков о знаменитых смолянах. Член редколлегии журнала «Смоленская дорога», председатель Смоленской областной организации Союза Журналистов РФ.

Литературно-художественный журнал

№4

СЛОВА